

WARHAMMER
40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVEL

HELSREACH

AARON DEMBSKI-BOWDEN

Annotation

Когда орки атаковали планету Армагеддон, орден Черных Храмовников был среди армий, отправленных для его освобождения. Капеллану Гримальду и его воинам выпала честь защищать улей Хельсрич от полчищ орков на одном из многих театров военных действий Империи. Орды атакующих растут, а численности десантников становится все меньше. Гримальд и его боевые братья ведут изнурительные сражения в горящем городе. Твердо настроенные проглотить свои жизни как можно дороже, Черные Храмовники должны продержаться до прихода подкрепления. Или их жертва будет напрасной?

- [Аарон Дембски-Богден](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)

- [ГЛАВА JJ](#)
- [ГЛАВА JJJ](#)
- [ГЛАВА JV](#)
- [ГЛАВА V](#)
- [ГЛАВА VJ](#)
- [ГЛАВА VJJ](#)
- [ГЛАВА VJJJ](#)
- [ГЛАВА JX](#)
- [ГЛАВА X](#)
- [ГЛАВА XJ](#)
- [ГЛАВА XJJ](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА XJJJ](#)
 - [ГЛАВА XJV](#)
 - [ГЛАВА XV](#)
 - [ГЛАВА XVJ](#)
 - [ГЛАВА XVJJ](#)
 - [ГЛАВА XVJJJ](#)
 - [ГЛАВА XJX](#)
 - [ГЛАВА XX](#)
 - [ГЛАВА XXJ](#)
 - [ГЛАВА XXJJ](#)
 - [ГЛАВА XXJJJ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [КАРТЫ](#)

Аарон Дембски-Боуден ХЕЛЬСРИЧ

Кэти, за то, что сказала
«га»

Угет сорок первое тысячелетие. Вот
уже более десяти веков Император
неподвижно восседает на своем Золотом
Троне. По воле богов Он стал лидером
всего Человечества, а с мощью своих
неутомимых армий -- повелителем
миллионов миров. Его тленная оболочка
незримо подпитывается энергией
изобретений, дошедших из Темной Эры
Технологий. Он -- Владыка Империи, в
которому ежедневно приносят в жертву
тысячи душ, поэтому Он никогда не утратит

до конца.

И в этом бессмертном состоянии Император несет свою бдительную стражу. Мощественные флоты курсируют в зараженных демонами тиазмах варпа, на этой единственной тропе, соединяющей далекие звезды. Их путь освещает Астрономикон, физическое воплощение воли Императора. Громадные армии сражаются в бесчисленных тирах с Его именем на устах. Величайшими из Его солдат стали Агентус Астартес, костические десантники, генетически модифицированные супервоины. У них есть и братья по оружию — к примеру, Имперская Гвардия и бесчисленные планетарные защитные силы, вечная бдительная Инквизиция и техножрецы Агентус Механикус. Но даже при всей своей громадной численности они едва ли смогут сдержать натиск извечной угрозы чужих, еретиков, мутантов и еще более ужасных врагов Человечества.

Быть человеком в такие времена означает быть песчинкой в громадной пустыне. Это значит жить под властью

самого кровавого и жестокого режима из
всех существующих. Нужно забыть о
власти технологии и науки, ведь уже
много было потеряно и никогда не
возродится. Забыть обещания прогресса и
разума. Во мраке будущего есть только
война. Нет мира среди звезд, есть лишь
бойня и стех ненасытных богов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЗГНАННЫЙ РЫЦАРЬ

ПРОЛОГ

Рыцарь Внутреннего круга

Я утру на этой планете.

Не могу сказать, откуда взялась такая уверенность. Для меня это загадка. Но даже сама мысль об этом прилипчива, словно вирус, мелькает перед глазами и пускает глубокие корни в моем разуме. Она даже кажется достаточно реальной, чтобы поразить все тело, словно настоящая болезнь.

Случится это скоро, в ближайшую из кровавых ночей. Я испущу дух, и когда братья вернутся к звездам, мой прах будет развеян над бесплодными землями этого проклятого мира.

Армагеддон.

Самое это иля превращает кровь в моих жилах в кипящее масло. Теперь я испытываю гнев, жаркий и тяжкий. Он отравляет мое сердце и разливается по всему телу, словно яд.

Когда это чувство -- а это именно физическое ощущение -- достигает

кончиков пальцев, руки сжимаются в кулаки. Я не хочу этого делать, так происходит само собой. Гнев для меня столь же естественен, как и дыхание. Я не боюсь и не возмущаюсь его влиянию на мои действия.

Я -- сила, рожденная только для того, чтобы убивать во имя Императора и Империи. Я -- сама чистота. А мое облачение чернее черного. Я обучен быть и духовником, и командиром, ведущим за собой воинов. Я -- воплощение гнева и живу лишь для того, чтобы убивать, пока не погибну сам.

Я всего лишь оружие в Вечном Крестовом Походе, чья цель -- достичь власти человечества над звездами.

Но моих сил, чистоты и гнева недостаточно. Я умру на этой планете. Я умру на Армагеддоне.

Совсем скоро братья позовут меня присоединиться к битве, в которой я и погибну.

Мысль эта отравляет меня не потому, что я боюсь смерти, а потому, что напрасная смерть -- проклятие.

Но сейчас не подходящая для подобных размышлений ночь. Мои повелители, мастера и братья собрались, чтобы почтить меня.

Я не уверен, что заслуживаю поклонения, но эту мысль, как и тошнотворные гурные предчувствия, держу при себе. Я облачен в черное и взираю на мир через бесстрастную череполикую маску бессмертного Императора. Я не сомневаюсь лишь в одном: нельзя выказывать слабость, проявлять даже малейшие намеки на богохульство.

Я опускаюсь на колени и склоняю голову, потому что это предопределено. Спустя полтора столетия время все же пришло, хотя я совсем того не желал.

Мой наставник --- воин, бывший мне братом, отцом, учителем и господином, --- мертв. Спустя сто шестьдесят шесть лет его наставничества я готовлюсь унаследовать его мантию.

Вот о чем я думаю, преклонив колени перед своими командирами: о безрадостной паутине из стерти повелителя и моей

собственной грядущей гибели. Вот та
чернота, что неотвратно приближается
ко мне.

Наконец не ведающий о моих тайных
терзаниях верховный маршал произносит
тоже имя.

--- Гримальд, --- возгласил верховный
маршал Хельбрехт. Его голос гортанно
зрел, закаленный боевыми кличами в
сотнях войн сотен миров.

Гримальд не поднял головы. Рыцарь
закрыв глаза, выдававшие внутренние
түки, словно этот жест мог запечатать
все его сомнения.

--- Да, мой сеньор.

--- Мы призывали тебя сюда, чтобы
почтить, как ты сам чтил нас долгие
годы.

Гримальд ничего не ответил,
чувствуя, что еще не пришло время
говорить. Конечно же, он знал, почему
показали честь ему именно сейчас, и знание
это отдавало горечью. Мордред ---
наставник Гримальда и реклюзиарх
Вечного Крестового Похода --- погиб.

После титула Гримальд займет его место.

Этой наградой он ждал сто шестьдесят шесть лет.

Полтора столетия веры, храбрости и боли минуло после битвы Огня и Крови, когда он привлек к себе внимание высокопочтимого Моргрега. Уже тогда старый негиббемый воин разглядел в юном Гримальде яркий потенциал.

Полтора столетия минуло с тех пор, как он был принят на низшую ступень в братстве капелланов, и с тех пор он прошел все звенья в тени своего повелителя, зная, что его готовят к войне и к тому, чтобы сменить стареющего реклюзиарха.

И все это время Гримальд был свято убежден, что не заслуживает титула, который наконец возложили на его плечи.

Время пришло, но его мнение не изменилось.

--- Мы призвали тебя, --- сказал Хельбрехт, --- чтобы судить.

--- Я ответил на призыв, --- протолвил Гримальд в тишине Реклюзиума. --- И

отдаю себя на ваш суд, мой сеньор.

Даже без брони Хельбрехт поражал своей величиной. Облаченный в многослойную мантию цвета слоновой кости, украшенную личными черными геральдическими символами, Верховный маршал высился посреди храма Дорна, с почтением держа в руках изукрашенный шлем.

--- Мордрег мертв. --- Голос Хельбрехта напоминал грозное журчание громадной кошки. --- Убит Вечным Врагом. Ты, Гримальд, потерял учителя. Мы лишились брата.

Храм Дорна, музей, Реклюзиум, святилище стягов и знамен, собранных за десять тысяч лет Крестового Похода, ожил, когда рыцари, стоявшие в тени, негромко выразили согласие со словами своего сеньора.

Вновь воцарилась тишина. Гримальд все это время не поднимал глаз от пола.

--- Мы скорбим о потере, --- продолжил Верховный маршал. --- Но чтим его мудрость и последнюю волю.

Началось. Гримальд напряженно

застыл в ожидании. Не показывай слабости. Не выказывай сомнений.

— Гримальд — воин-жрец Вечного Крестового Похода. Реклюзиарх Мордгред верил, что после его смерти именно ты будешь достоин занять его место. Его последний приказ, отданный перед возвращением генного семени оргену гласит, что из всех братьев именно ты должен возвыситься до ранга реклюзиарха.

Гримальд открыл глаза и облизал внезапно пересохшие губы. Медленно подняв голову, он оказался лицом к лицу с верховным маршалом и увидел в иссеченных шрамами руках командующего шлем Мордгрета — ухтылявшийся стальной череп.

— Гримальд, — вновь бесстрастно заговорил Хельбрехт. — Ты ветеран, однако при этом самый молодой брат плеча в истории Черных Храмовников. Как капеллан, ты не ведал, что такое трусость и позор. Твоя свирепость и вера не знают себе равных. Это и мое мнение, а не только мнение твоего павшего наставника. Я тоже хочу, чтобы именно

ты принял эту честь.

Гримальд кивнул, но не проронил ни слова. Его глаза, столь обманчиво мягкие, ни на мгновение не отрывались от шлема. Линзы черепа поражали глубоким ярким красным цветом — цветом артериальной крови. Эта помертвевшая маска была знакома ему до боли — именно она скрывала лицо его повелителя, когда рыцари отправлялись на войну. По сути, она была на Моргреге большую часть жизни.

И теперь череп ухмылялся.

— Встань же, если отказываешься от этой чести, — закончил Хельбрехт. — Встань и выйди из этого священного зала, если не желаешь состоять в иерархии нашего ордена.

Он велел мне подняться, если хочу повернуться спиной к самой великой чести, что была мне предложена. Уйти, если не желаю места среди командиров Вечного Крестового Похода!

Я не сдвинулся с места. Несмотря на мучительные сомнения, все мускулы словно

огдеревенели. Стальная маска знакомо
улыбается, коварный темный взор
стягивает выражение жестокости. Даже из
могилы Мордред улыбается мне.

Мой наставник верил, что я этого
достоин. И это все, что имеет значение.
Он никогда не ошибался.

Я чувствую, как улыбка ползет по
моим губам. Стоя на коленях в этом
священном зале, я улыбаюсь. Улыбаюсь,
не смотря на дюжины вззирающих на меня
братьев-воинов у покрытых знаменами
стен.

Возможно, они прилут мою улыбку за
уверенность?

Я никогда их не спрошу, потому что
мне все равно.

Хельбрехт наконец приблизился и с
тяжким скрежетом обнажил самый
священный клинок в Империи.

Меч такой древний, какими только
может быть реликвия. Форму и
назначение ему придали в кузнях Терры
после Великой Ереси. В те ночи саз и
легенд его принес на битву Сигизмунд,

первый чемпион Императора, любимый сын
примарха Розала Дорна.

Сам по себе клинок в рост человека
выкован из обломков меча самого Дорна. В
этом храме, где в почтительно
поддерживаемых стазисных полях
хранятся величайшие артефакты ордена,
дабы защитить их от разъедающего
прикосновения времени, верховный маршал
держит в руках самое драгоценное
сокровище арсенала Черных Храмовников.

— Ты еще пройдешь ритуалы в
братстве капелланов, — сказал
Хельбрехт, и в его голосе зазвучало
почтение. — Но уже сейчас я признаю тебя
наследником мантии твоего повелителя.

Серебряный кончик клинка опустилс
указывая прямо на горло Гримальда.

— Двести лет ты сражался на моей
стороне, Гримальд. Встанешь ли ты бок о
бок со мной как реклюзиарх Вечного
Крестового Похода?

— Да, мой сеньор.

Хельбрехт кивнул, вкладывая клинок
в ножны. Гримальд вновь напрягся, повернув
голову и подставив щеку.

С силой удара молота кулак Хельбрехта врезался в челюсть капеллана. Гримальд заворчал, ощутив вкус крови.

Хельбрехт заговорил вновь:

--- Я возвожу тебя в сан реклюзиарха Вечного Крестового Похода. Теперь ты предводитель нашего благословенного ордена. --- Верховный маршал воздел руку, демонстрируя на костяшках пальцев кровь Гримальда. --- Как рыцарь внутреннего круга, сделай так, чтобы это был последний удар, который ты оставишь без ответа.

Гримальд кивнул, разжимая челюсти, успокаивая сердце и борясь с внезапно нахлынувшей жаждой убийства. Даже ожидая ритуального удара, все его инстинкты вопили о воздаянии.

--- Да... будет так, мой сеньор.

--- Поскольку так и должно быть, --- ответил Хельбрехт. --- Встань, Гримальд, реклюзиарх Вечного Крестового Похода.

ГЛАВА I

Прибытие

Спустя несколько часов после посвящения Гримальд в одиночестве стоял в храме Дорна.

Без единого дуновения ветерка, способного привнести сюда жизнь, величественные знамена неподвижно висели на стенах. Огни за многие годы совсем выцвели, другие сохранили яркость, на некоторых остались даже потеки крови. Гримальд окинул взглядом геральдические символы походов своих братьев.

Ластраты, груды черепов и горящие жаровни, обозначающие войну на опустошение проклятого мира еретиков...

Отступничество, аквила, прикованная цепью к земному шару, когда впервые за тысячи лет Храмовников призвали на Святую Терру, дабы пролить кровь неверного верховного лорда Вандира...

А дальше — войны, в которых

участвовал и сам Гримальд, Винкул, меч, пронзивший демона, когда рыцари сошлись с порочными последователями Вечного Врага в великой битве Огня и Крови, когда Гримальда призывали из братства меча и он начал долгий изнурительный путь в братстве капелланов.

Дюжины знамен висели в неподвижном воздухе, спускаясь с украшенного витиеватой резьбой потолка и повествуя о славных выигранных битвах и жизнях, потерянных на каждом участке Вечного Крестового Похода.

Единственным звуком, кроме дыхания самого Гримальда, было потрескивание силовых полей, окружавших реликвии Храмовников. Гримальд прошел мимо одного из них, расплывчатого поля дымчато-голубого цвета, где покоился толочно-белый болтер, две тысячи лет назад принадлежавший кастеляну Дюрону. Выгравированные на его поверхности надписи сообщали о числе убитых врагов и были выполнены на готике. Они покрывали оружие подобно орнаменту.

Гримальд потеглил у постаментов.

какое-то время созерцая болтер. Пальцы так и тянулись ввести ког на панели, встроенной в колонну щита. Такие секреты были обычны у братства капелланов, охранявшего это священное место. Гримальд регулярно посвящал духам реликвий ритуальные благословения.

Эти ритуалы даровали значительную силу оружию знаменитых воинов, даже если это были простые молитвы искупления и очищения после варп-прыжка.

Только один из постаментов --- а в храме Дорна их было больше сотни --- хранил то, зачем пришел сюда Гримальд. Он остановился перед невысокой колонной, уставившись на надпись на серебряном диске, прикрепленном под пульсирующим силовым полем.

Моргред

реклюзиарх

Мы сугим об успехе нашей
жизни по количеству
уничтоженного нами зла.

Ниже располагалась клавиатура, каждый готический символ на ней был покрыт золотом. Гримальд ввел код из девятнадцати знаков, и силовое поле исчезло, как только заработал древний механизм, спрятанный внутри каменной колонны.

На плоской поверхности покоилось дезактивированное и безмолвное оружие, освобожденное от голубого покрывала, защищавшего его прежде.

Ничуть не церемонясь, Гримальд взял булаву и поднял ее. Ударная часть была из священного золота и благословленного адамантия, выкованная в форме орлиных крыльев, украшенных стилизованным крестом Храмовников. Внутренняя рукоять, превосходившая по длине руку рыцаря, была выполнена из темного металла.

Изукрашенное навершие оружия, отражая тусклое сияние, исходившее от световых сфер, вспыхнуло серебром, когда рыцарь повернул булаву в руках.

Какое-то время воин-священник неподвижно стоял на месте.

--- Брат, --- неожиданно раздался позади знакомый голос.

Гримальд обернулся, инстинктивно занесся оружием для удара. Несмотря на то что раньше он никогда не держал в руках эту реликвию, покрытые шрамами пальцы нашли руну активации на рукояти прежде, чем сердце успело сделать единственный удар. Навершие оружия с орлиными крыльями угрожающе вспыхнуло, электрические разряды зазмеились по золоту и серебру.

Пришедший улыбнулся, обнаружив себя в столь ярком освещении. В светлых глазах более молодого рыцаря с лицом, усеянным шрамами и отметинами десятилетий битв, Гримальд увидел неприкрытое изумление.

--- Деклюзарх. --- Воин склонил голову в знак приветствия.

--- Артарион.

--- Мы близки к нашей цели. Эксперты вернут перевод в реальное пространство в течение часа. Я взял на себя смелость подготовить группу для высадки на планету.

Улыбка Артариона ничуть не украсила его лицо. Когда же Гримальд улыбнулся в ответ, неожиданная мягкость стягчила суровые черты реклюзиарха.

--- Этот мир запылает, --- протолвил воин-жрец, и в его голосе не было даже тени сомнения.

--- Он окажется не первым. --- Губы Артариона растянулись, обнажая стальные зубы, вставленные после снайперского выстрела пятнадцать лет назад. Пуля попала в лицо, разгробив челюсть. Паутина шрамов покрыла кожу с левой стороны рта, уродуя худощавое ухмылявшееся лицо, которое увидел реклюзиарх, когда Артарион снял шлем. --- Не первым, --- повторил он. --- И не последним.

--- Ты уже видел проекции? Авгурь флота уже получили данные о количестве кораблей, прибывших в систему?

--- Мне стало неинтересно, когда их стало настолько много, что я не мог сосчитать их на пальцах, --- хмыкнул Артарион над собственной неуклюжей шуткой. --- Мы будем сражаться и победим.

или бюджет сражаться и утрат. Всегда
меняются только цвет неба, под которыми
мы сражаемся, и цвет крови на наших
клинках.

Гримальд опустил наконец крозир-
булаву, словно только сейчас понял, что
держит оружие на изготовку. Густая
тьма окутала обоих рыцарей, когда
потрескивающий свет реликвии
потускнел. Пробуждение оружия наполнило
воздух озоном — той самой свежестью, что
появляется после грозы. Силловые элементы
внутри рукояти булавы взвыли, неохотно
охлаждаясь. Дух оружия жаждал битвы.

— У тебя сердце воина, но нельзя же
быть таким легкомысленным. Эта
кампания... Она будет тяжелой. Самая
большая ошибка — считать ее просто еще
одним конфликтом, который внесут в
наши свитки чести.

Теперь мягкость исчезла из голоса
Гримальда. Когда он заговорил, зазвенели
горький гнев, так хорошо знакомый
Артариону, ярость и роковые предчувствия
— то был рык запертого в клетке хищного
зверя.

--- Вся поверхность этого мира будет пылать, а величайшие достижения человечества превратятся в пепел и воспоминания.

--- Брат, я никогда раньше не слышал, чтобы ты говорил о возможности поражения.

Гримальд покачал головой:

--- Планета будет пылать вне зависимости от того, победим мы или проиграем.

--- Ты уверен в этом?

--- Я чувствую это в своей крови, --- ответил капеллан. --- Когда придет последний день Армагеддона, те из нас, кто останется в живых, поймут, что еще ни одна война не обходилась так дорого.

--- Делился ли ты своим беспокойством с верховным маршалом? --- спросил Артарион, потирая пальцами зудящее место на спине.

Гримальд устехнулся, на мгновение пораившись наивности брата.

--- Ты думаешь ему требуются мои советы?

Немногие корабли в Империи
могли сравниться с «Вечным
крестоносцем» в смертоносном
великолепии.

Огни суга плыли в небесах, словно
морские корабли древней Терры, с
величием и тяжеловесной грацией
странствуя меж звезд. «Вечный
крестоносец» был гругим. Слово копье,
что метнула в пустоту рука самого
Розала Дорна, флагман Храмовников
пронзал космическое пространство уже
десять тысяч лет войны. Оставляя за
собой плазменный конденсационный след,
двигатели с ревом перебрасывали сугно из
одного мира в другой в Великом
Крестовом Походе Императора.

И «Вечный крестоносец» был не один.
За ним следовали линейные корабли
«Всенощное бдение» и «Величественный»,
стрелясь не отстать от флагмана и
сохранять построение в виде копьа. Вслед
за тяжелыми крейсерами ---
соответственно, боевым барком и чуть
уступавшим ему в размерах ударным
крейсером --- следовали фрегаты

сопровождения, дополняя строй. Всего их было семь, и каждый двигался на полной скорости, сохраняя боевой порядок.

Корабль ворвался обратно в реальность, волоча за собой бесцветный варп-туман, отражаемый защитным полем Геллера. Свечение плазменных двигателей источает светящийся след, что дымкой окутывает пустотные щиты корабля и обрывается, как только судно возвращается в реальное пространство.

Перед ними появилась сфера пепельного цвета, затененная грязным облачным покровом и странным образом спокойная.

Если бы наблюдатель решил взглядеться в пустоту вокруг несчастного, проклятого мира Армагеддон, то увидел бы подсектор имперского космоса, где даже на самых благополучных планетах-ульях еще оставались глубокие и медленно заживающие раны.

Это был регион космоса, где страх перед очередным масштабным конфликтом, способным затронуть весь сектор, дамокловым мечом висел над

триллионати верноподданных имперских
душ, словно угроза шторма, всегда
грозившего вот-вот разразиться.

Кто-то всегда говорил, что
Империя Человека умирает. Эти
еретические голоса вещали о бесконечных
войнах человечества против
многочисленных врагов и предрекали, что
они должны закончиться поражением
людей в огнях миллионов полей битв на
бесчисленных звездах под властью Бога-
Императора.

Низде эти горькие семена и
пророчества не были столь очевидны, как в
опустошенном субсекторе Армагеддон,
который называли величайшим из миров.

Сам Армагеддон был бастионом
имперской мощи, штабная множестве
танков на мануфакториях, которые не
прекращали работу ни днем ни ночью.
Миллионы мужчин и женщин носили
бледно-желтые доспехи Стальных легионов
Армагеддона, и их лица скрывались за
традиционными масками-респираторами
этих почитаемых и прославленных
дивизий Имперской Гвардии.

Улы этого непокорного мира извергали плотные ядовитые облака, покров которых погружал мир в постоянные сүтерки. Живой природы на Армагеддоне не осталось. Звери не подкрадывались к добыче за стенами постоянно растущих городов-үльев. Песнь ветра была наполнена грохотом и бряцанием десятков тысяч оружейных мануфакториүтов, которые никогда не останавливали производство. Мягкую постынь животных стенил скрежет гүсениц танков по рокритовой поверхности мира, ожидавших отправки в небеса для участия в далеких конфликтах.

Это был мир, целиком посвященный войне, ожесточившийся, со шрамами от прошлого, в ранах от рук врагов человечества. Армагеддон отстраивался после каждого опустошительного набега и никогда ничего не забывал.

Первым и самым главным напотинанием о последней войне, үжасной Второй Войне, үнесшей миллиарды жизней, была военная база в глубоком кустосе, названная в честь одного из

Ангелов Смерти Императора.

Они называли ее «Данте».

Именно там смертные Армагеддона
взглядывались в черноту космического
пространства, молясь, чтобы не увидеть
ответных взглядов.

В течение пятидесяти семи лет их
молитвы были слышимы.

Но не только. Имперские стратеги
уже обладали достоверными данными от
более ранних столкновений, согласно
которым флот зеленокожих направлялся к
Армагеддону и был самой большой военной
силой ксеносов в истории. Как только
флоты чужих приблизились к системе,
имперские силы спешили высадить свои
войска на Армагеддон прежде, чем флот
захватчиков появится в небе.

«Крестоносец», боевой барк
нестандартной конструкции, был
величественной крепостью-монастырем
угольно-черного цвета, с готическими
кафедральными шпилями, которые
возвышались, подобно позвонкам на хребте
животного. Орудия, способные обратить в
пыль целые города, — когти ночного

хищника — были направлены в пустоту. Расположенные по всей глине судна и на носу, сотни батарей и лэнс-излучателей, хищно ощетинившись, уставились в безмолвную черноту космоса.

На борту корабля тысяча воинов была занята тренировками, подготовкой и медитацией. Наконец после недель пути по Морю Душ в зоне видимости появился Армагеддон, измученное сердце субсектора.

Моих братьев звали Артарион, Приам, Кагор, Неровар и Бастилан.

Эти рыцари десятки лет сражались со мной бок о бок.

Я смотрел на них, на каждого из них, когда мы уже были готовы к десантированию. Наша оружейная представляет собой отсек, лишенный всяких украшений, свободный от какой-либо сентиментальности, в настоящий момент оживленный только методичными перемещениями сервиторов с мертвым разумом, облачающих нас в броню. В помещении витал запах свежего пергамента от свитков на доспехах.

медный привкус масел от очищенного
ригудалами оружия и вездесущая едкая и
соленая вонь потеющих сервиторов.

Я согнул руку, чувствуя, как при этом
тяжко загудели движущиеся кабели и
паневдомускулы госпеха. Папирусные свитки
обернуты вокруг сочленений брони, на них
изящным руническим шрифтом
перечислены подробности битв, которые я
и без того никогда не забуду. Этот
материал изготавливается прямо на
борту «Крестоносца» слугами,
передающими технологию его
изготовления из поколения в поколение.
Каждая роль на корабле жизненно важна.
Каждая обязанность по-своему почетна.

Мой табарг белее выбеленной
солнцем кости и составляет резкий
контраст с угольно-черным госпехом. На
груди я с гордостью ношу геральдический
крест, там, где Астартес из меньших
орденов носят аквилу Императора. Мы не
носим Его символа. Мы сами — Его символ.

Пальцы дернулись, когда перчатка
госпеха с щелчком встала на место. Это
было не намеренно — всего лишь нервный

спазм, болевой ответ. Навязчивая, но знакомая прохлада окутала предплечье, когда острое нервного сцепления перчатки вошло в запыстье, чтобы соединиться с костями и настоящими мускулами.

Я сжал облаченную в черный кератит руку в кулак, а затем разжал ее. Каждый палец сгибался так, словно нажимал на курок. Оружейный сервитор, довольный выполненной работой, отступил, чтобы принести вторую перчатку.

Мои братья проходят через те же ритуалы проверки и перепроверки. Странное чувство беспокоит меня, но я отказываюсь ему верить. Сейчас я смотрю на них и мне кажется, что мы в последний раз проходим через этот ритуал вместе.

Я буду не единственным, кто погибнет на Армагеддоне.

Артарион, Приам, Кагор, Неровар и Бастилан. Мы — рыцари отряда Гримальяда.

В венах Кагора течет благословенная кровь Розала Дорна, и это большая честь. Его лицо иссечено шрамами, а тело стало наполовину

механическим из-за множества тяжелейших ран. Он старше меня, намного старше. Он многие десятилетия служил в братстве меча и был освобожден со всеми почестями, когда его возраст и количество имплантатов взяли свое.

Приат -- восходящее светило на фоне сумерек Кагора. Он нескромен и отлично знает о своих достоинствах, как и многие юные воины. Без тени стирения его триумфальный рев звучит на поле битвы, отдавая хвастовством. Он называет себя мастером клинка. Впрочем, в этом он не ошибается.

Артарион -- это... Артарион. Моя тень, как и я сам -- его тень. Среди наших рыцарей редко случается, чтобы кто-то не заботился о собственной славе, но Артарион -- мой знаменосец. Он шутит, что делает это только для того, чтобы показать врагу, где именно я нахожусь, и показать им цель. Страшная рана, изуродовавшая его лицо, была результатом снайперского выстрела, который предназначался мне. Каждый раз, когда мы отправляется на войну, я снова и

снова вспоминая это.

Неровар — новичок среди нас. Ему принадлежит сомнительная честь быть единственным рыцарем, которого я выбрал лично. Необходимо, чтобы в отряде был аптекарь. Во время испытаний Неровар впечатлил меня своим спокойствием и выдержкой. Как раз сейчас он складывает свой нартециум. Сосредоточенно сужив голубые глаза, он проверяет остроту хирургических лезвий и лазерных резак. Когда он включает редуктор, раздается тошнотворный звук, похожий на «кляк»! Даритель тилосердной смерти, извлекатель геносемени — его прокалывающие части с щелчком появляются из гнезд, а затем убираются со злобещей неспешностью.

И наконец, Бастилан. Лучший и незаметнейший из нас. Лидер, но не командир; вдохновляющий своим присутствием, но при этом не стратег — вечный сержант. Он всегда говорит, что именно такой роли он и жаждет. Я молчу, чтобы это было правдой. Потому что, даже если он нас обманывает, он

чересчур хорошо прячет эту ложь в глубине своих темных глаз.

Именно он говорит со мной сейчас. У его слова заставляют меня похолодеть.

— До меня дошли слухи от Герайнта и Логрейна из братства меча, — говорит он, осторожно подбирая слова. — Будто бы Верховный маршал собирается поставить тебя во главе Крестового Похода.

На мгновение все застыли на месте.

Небеса над Армагеддоном были темешаниной темно-серого и серовато-желтого. Жители планеты привыкли к покрову из серых облаков, а в сезоны бурь от кислотных дождей людей защищали стены ульев.

Вокруг каждого города-улья обширные пространства были очищены и либо залиты рокритом, либо просто выровнены бульдозерами. Дождь обрушивался на очищенные пространства вокруг улья Тагес, оставляя блестящие капли на пустотных щитах, защищавших город. По всему миру небеса были в смятении, на погоду губительно действовали

атмосферные волнения, вызванные бесчисленными кораблями, каждый день пронзавшими облачный покров.

Над ульем Тагес бури были особенно яростны. Сотни транспортно-десантных судов, чья краска уже почти полностью стерлась, обнажив голый металл, застыли на посадочных площадках. Из некоторых тянулись колонны людей в спешно сооруженные палаточные лагеря. Другие ожидали улучшения погоды, чтобы вернуться на орбиту.

Сам по себе Тагес был обычным промышленным шратом на изуродованном лице Армагеддона. Несмотря на попытки восстановить город после последней войны, закончившейся более полувека назад, над ним все еще тяготели болезненные воспоминания. Разрушенные дома, разбитые купола, треснувшие соборы — вот таким оставался улей.

Эскадрилья «Грозовых ястребов» пронзила слой облаков. Тем, кто находился на укреплениях в Тагесе, они казались стайкой ворон, спускавшейся с темнеющего неба.

Мордехай Райкин рассматривал корабли через магнокль. Несколько секунд изображение было размытым, а потом зеленые линии сконцентрировались на античных корпусах и выдали текст анализа рядом с изображением.

Райкин опустил магнокль. Тот повис на кожаном шнурке, покоясь на охристой фирменной куртке. Горячий воздух касался лица, рециркулируя и фильтруясь в маске-респираторе, закрывавшей нос и рот.

Пахло как из уборной: последствия высокого содержания серы в атмосфере. Райкин все еще ждал того дня, когда привыкнет к этому кошмару, но за тридцать семь лет жизни у него это пока не получилось.

Работая над противовоздушными сооружениями, хлопотала команда его людей под руководством одетого в лантию техножреца. Полдюжины солдат, стоявших в тени этого монстра со множеством рук, казались карликами.

— Сэр! — раздался по воксу голос одного из них.

Райкин сразу узнал, кто это, ибо

только один солдат был женщиной.

--- В чем дело, Вантина?

--- Это ведь корабли Астартес, да?

--- У тебя хорошее зрение.

Это действительно были они. Вантина могла бы стать отменным снайпером. Увы, для того, чтобы стать снайпером, нужно было не только хорошо видеть.

--- Какие именно? --- настаивала она.

--- А это имеет значение? Астартес и есть Астартес. Подкрепление есть подкрепление.

--- Да, но кто именно они?

--- Черные Храмовники. --- Райкин вздохнул, касаясь языком болячки на губе и наблюдая, как флотилия «Грозовых ястребов» приземлилась вдали. --- Их там сотни.

Колонна Имперской Гвардии выкатилась из Тагеса, дабы встретить новоприбывших. Впереди двигалась увешанная флагами «Хилера», за ней следовали шесть боевых танков «Леман Русс», ступавшая гусеницами недавно

уложенный рокрит.

Громозгкие транспорты все еще опускались на посадочную площадку, во все стороны разнося потоки раскаленного воздуха и песчаную пыль, но генерал Куров из Стального легиона не каждого удостоивал личным визитом.

Несмотря на преклонный возраст, Куров был представительным мужчиной с внушительной осанкой, затянутый в покрытую сажей форму охристого цвета и бронежилет. Генерала опоясывала черная лента. На форме не было ни одной из его многочисленных медалей, ни намека на золото, серебро, ленты или другие знаки отличия. Этот человек десятилетиями возглавлял Совет Армагеддона и заслужил уважение людей, вброг переходя серные болота и джунгли после последней войны, охотясь на уцелевших ксеносов.

Надев фуражку, чтобы защитить глаза от безжалостно яркого дневного света, тяжелой поступью он спустился по пандусу. Несколько гвардейцев, таких же запачканных, как и их командир, с грохотом спустились вслед за генералом.

При ходьбе свисавшие с поясов и ремней черепя неправильной формы громко стучались и грели. У груди гвардейцы сжимали лязганы, которые отличались от стандартной модели.

Куров двигался со своей потрепанной группой телохранителей, без выдвинутых усилий сохраняя строй. Он вел их к «Грозовым ястребам», все еще завывавшим, пока останавливались двигатели.

Восемнадцать кораблей. Куров узнал эту цифру из первого же рапорта поступившего в аусник, едва Храмовники приземлились. Сейчас они стояли нестройными неподвижными рядами, трапы подняты, люки запечатаны. Их днища, голубые носы и крылья все еще мерцали из-за охлаждающих щитов, включенных при входе в атмосферу.

Трое Астартес стояли перед флотилией, неподвижные, словно статуи, и было совершенно непонятно, из какого именно корабля они вышли.

Только на одном был шлем. Храмовник смотрел через рубиновые

глазные линзы шлема.

--- Ты Күров? --- требовательно
вопросил один из Астартес.

--- Да, --- ответил генерал. --- Это
мой...

Все трое одновременно выхватили
оружие. Күров непроизвольно сделал шаг
назад, но не из страха, а от
неожиданности и удивления. Оружие
рыцарей ожило гудящим хором
пробуждавшихся элементов питания.
Контролируемые пульсирующие молнии
покрывали смертоносные грани трех
артефактов.

Первый из воинов был гигантом,
закованным в броню из бронзы и золота на
черном фоне. Поверхность его боевых лат
содержала повествование о его героических
деяниях, выполненное на готике. О том же
говорили и трофеи, награды, почетные
символы чести из красного воска и полосы
папируса. Рыцарь сжимал двуручный меч,
клинок которого был больше самого
Күрова. Лицо рыцаря было вылеплено
войнами, в которых он участвовал, ---
квадратная челюсть, паутина шрамов,

резкие черты и бесстрастное выражение.

Второй Астартес, облаченный в черные латы, накинул поверх них плащ из темной ткани с алой подкладкой. Его меч никоим образом не сравнился бы в размерах с реликвией первого рыцаря, но клинок из заточенного металла явно был в своей простоте не менее смертоносен. Лицо этого рыцаря не было напрочь лишено выражения, как у первого. Он с трудом сдерживал ухмылку, воткнув кончик меча в землю.

Последний рыцарь был в шлеме. Покрит под его ногами вздрогнул и раскрошился от булавы, с глухим стуком ударившей о землю. Стилизованный рыцарский крест с крыльями имперского орла, венчавший булаву, протестующе вспыхнул и исторг молнии, когда металл соприкоснулся с землей.

Три воина одновременно преклонили колени и опустили головы. Все это произошло секунды через три после того, как Куров заговорил.

--- Мы рыцари Императора, ---
нараспев промолвил гигант в бронзе и

Золоте. — Мы воины Вечного Крестового
Похода и сыны Розала Дорна. Я
Хельбрехт, верховный маршал Черных
Храмовников, со мной Баярд, чемпион
Императора, и Гримальд, реклюзиарх.

Когда произносились их имена,
рыцари кивали в подтверждение.

Хельбрехт продолжил, его голос
протяжно гремел:

— На наших кораблях на орбите
находятся маршалы Рикард и Амальрих.
Мы прибыли предложить вам наши мечи,
нашу службу и жизни более девяти сот
воинов, дабы защитить ваш мир.

Куров не мог вытолкнуть ни слова.
Девять сотен Астартес... Целые системы
захватывались куда меньшим их числом.
Он приветствовал дюжину командиров
Астартес в минувшие недели, но никто из
них не привел с собой столь значительные
силы.

— Верховный маршал, — выдал
наконец генерал, — сегодня собирается
военный совет. Мы с радостью будем
ждать на нем вас.

— Да будет так, — отозвался

Хельбрехт.

--- Раг это слышать, --- ответил
Куров. --- Добро пожаловать на Армагеддон.

ГЛАВА JJ

Покинутый Крестовый Поход

Райкин не улыбался.

Он всю жизнь считал, что не стоит
стрелять в посыльных, но сегодня
успокоился в этом. За его спиной
возвышалась противовоздушная оружейная
турель, своей тенью закрывая всех от
тусклого утреннего солнца. Отряд его
людей трудился на башне последние два
месяца. И все, в общем-то, получалось. Они
не были техниками, но неплохо знали
базовые ритуалы поддержания и обряды
калибровки.

— Одна минута до пробного
выстрела, — сообщила Вантина. Ее голос
был приглушен респиратором.

Вот тут и появилась посыльная. И
именно тогда Райкин перестал
улыбаться.

— Я хочу, чтобы этот приказ был
перепроверен, — заявил он спокойно, но
требовательно.

— Со всем уважением, сэр. —

Посланница поправила форму. — Но это приказ самого Старика. Он изменил диспозицию всех наших сил, и Стальному легиону выпала честь быть первым в этом пересмотре.

Райкину расхотелось спорить. Так, значит, это правда. Старик вернулся.

— Но до Хельсрича полконтинента, — попробовал возразить он. — Мы работаем на оружейными установками Тагеса уже несколько месяцев.

— Тридцать секунд до пробного выстрела, — позвала Вантина.

Посланница по имени Кирия Тиро больше не улыбалась. Она была квинта-адъютантом генерала Курова, но всякие свиньи и плебеи вечно оспаривают передаваемое ею, словно она может изменить хоть слово в приказах генерала. Она была уверена, что у других адъютантов нет таких проблем. По какой-то неизвестной причине эти низкородные отбросы не воспринимают ее всерьез. Быть может, они просто завидуют ее положению? Если так, тогда они еще глубже, чем она считала.

— Я посвящена в планы генерала, — солгала Тиро, — о которых солдаты на линии фронта узнают только сейчас. Прошу извинения, если это сюрприз для вас, майор, но приказ есть приказ. А этот приказ настолько важен, насколько можно себе представить.

— Мы что, вообще не собираемся защищать этот проклятый улей?

В этот момент башня произвела местовый выстрел, о котором предупреждала Вантина. Земля под ногами задрожала, когда четыре пушечных жерла изрыгнули свою ярость в пустые небеса. Райкин выругался, хотя его слова потонули в оглушительном грохоте. Тиро тоже не удержалась от проклятий, хотя, в отличие от безличного недовольства Райкина, ее слова предназначались непосредственно команде башни.

Майор с трудом сдерживал крик от боли в ушах. Та стихала, но не быстро.

— Так я сказал «мы что, вообще не собираемся защищать этот проклятый улей?».

— Вы — нет. — Тиро выглядела

недовольной, ее губы сжались в тонкую
линию. -- Вы отправляетесь в Хельсрич
вместе со своим полком. Ваш транспорт
отбывает сегодня вечером. Весь Сто
первый Стальной легион должен быть
готов к отправлению в шесть часов.

Райкин помедлил. Шесть с половиной
часов на то, чтобы погрузить три тысячи
мужчин и женщин в тяжелые
транспортные самолеты, челноки и
грузовичные поезда. Весть из разряда самых
дурных.

-- Полковник Саррен будет в
бешенстве.

-- Полковнику Саррену придется
принять этот приказ с учтивостью и
священной преданностью своему долгу,
майор. Вашему командиру нужно еще
многому научить вас из этой области, как
я вижу.

-- Очень мило. А теперь скажите
мне, почему все мы должны отправиться в
Хельсрич. Я думал, что Инсан и его Сто
двадцать первый полк намерены восседать
на этой навозной куче.

-- Сегодня утром полковник Инсан

скончался от отказа аугментического сердца. Его заместитель рекомендовал Саррена, и генерал Куров согласился.

--- Так старый пьяница наконец-то помер? Нечего было злоупотреблять самогоном. Ха! Вживил себе эти дорожные имплантаты, а скончался через полгода. Как мне это нравится! Просто очаровательно.

--- Майор! Проявите хоть немного уважения!

Райкин нахмурился.

--- Вы мне не нравитесь, --- трачно заявил он Тиро.

--- Как это прискорбно, --- отозвалась помощница генерала со столь же невеселой гримасой. --- А еще назначили посредника во всех делах между Астартес и мобилизованным ополчением. --- Она скривилась, будто съела что-то кислое и оно все еще оставалось на языке. --- Так что... я отправлюсь с вами.

На мгновение между ними воцарилось некое взаимопонимание, хотя они не стали это озвучивать. В конце концов, они отправлены в одно и то же место. На пару

секунд они встретились взглядами, и между ними почти расцвела основа для чего-то, отдаленно напоминающего дружбу.

Но была разрушена, когда Райкин отошел со словами:

— Но вы все еще мне не нравитесь.

— Улей Гагес не продержится и недели.

Человек, произнесший эти слова, очень стар и выглядит соответствующе. На ногах его держит только стесь из минимальной отлаживающей химической хирургии, грубых протезов, веры в Императора и неистовой ненависти к врагам человечества.

Мне он понравился сразу же, как только на нем сконцентрировался целеуказатель моего визора. В каждом его слове сквозили и набожность, и ненависть.

Ему не следует здесь быть, если принимать во внимание занимаемую им должность. Он простой комиссар Имперской Гвардии, и такая должность не удержит генералов, полковников,

капитанов Астартес и магистров ордена
в почтительном молчании, когда
подойдет время тактического
планирования. Но для людей в этом
военном совете и для жителей
Армагеддона он — Старик, герой Второй
Войны, случившейся пятьдесят семь лет
назад.

Не просто герой. Тот самый герой.

Его зовут Себастьян Яррик. Даже
Астартес уважают это имя.

И когда он говорит, что разрушение
улья Гадес — вопрос буквально нескольких
дней, сотня имперских командующих, как
людей, так и Астартес, прислушиваются
к его словам.

И я один из них. Это будет мой
первый бой в должности командира.

Комиссар Себастьян Яррик склонился
над краем гололитического стола. Своей
единственной рукой — от второй осталась
лишь культя — он набирает координаты
на числовой панели, и гололитическая
проекция улья Гадес, нетерпеливо мерцающая,
расширяется, чтобы показать
одновременно оба полушария планеты в

самых мелких подробностях.

Старик, худой, словно высохший, с резкими чертами лица, изрезанного глубокими морщинами, и выступающими костями черепа, указывает на пятнышко, представляющее на карте улей Тагес и окружающие его пустоши.

— Шестьдесят лет назад, — произнес он, — враг потерпел поражение в Тагесе. Именно его защита позволила нам выиграть эту войну.

Присутствующие негромко выразили согласие. Голос комиссара плыл по внушительных размеров залу посредством парящих черепов-дронов, у которых вместо нижних челюстей были вмонтированы вокс-динамики.

Я окружен привычным гулом работающей силовой брони, а вот запахи и лица, встречающиеся со мной глазами, мне незнакомы. Слева от меня на почтительном расстоянии с изорванным бионикой лицом стоит Сем, магистр ордена Расчленителей, известный как Хранитель Гнева. Он источает запах священного оружейного масла.

могущественная кровь его припархав
течет под кожей, огрубевшей от солнца и
дождей. От него исходит острый
нездоровый запах рептилии, запах королей
хладнокровных, что хищно крадутся по
джунглям его родного мира. По бокам Сета
стоят его офицеры, каждый с непокрытой
головой и с лицом таким же иссеченным
шрамами и обветренным, как и у их
магистра. Войны последних десятилетий
не пощадили их.

Слева от меня возвышается мой
сеньор Хельбрехт, сверкающий черно-
бронзовой боевой броней. Баярд, чемпион
Императора, рядом с ним. Оба положили
свои шлемы на стол, указав ими края
политического дисплея, и внимают
древнему котиссару.

Я скрестил руки на груди и
последовал их примеру.

— Почему? — спрашивает кто-то.
Голос низкий, слишком низкий, чтобы
принадлежать человеку, и разносится по
всей палате без всякой помощи вокс-
усилителей. Сотня присутствующих
повернула головы, чтобы увидеть

Астартес в яркой красно-оранжевой броне одного из младших орден. Я его не знаю. Он выступает вперед и опирается костяшками пальцев на стол, уставившись на Яррика с расстояния почти в двадцать метров.

--- Мы представляем брата-капитана Арамаса, --- провозгласил имперский герольд со своего места рядом с Ярриком, поправляя голубую мантию, свое официальное облачение. Он трижды ударяет о землю посохом. --- Командующий Ангелов Огня.

Арамас кивнул в благодарность и воззрелся на Яррика немигающими глазами.

--- Почему вождь зеленокожих с легкостью уничтожит величайшее поле битвы последней войны? Нет, нашим силам, напротив, следует всячески оберегать Гадес и быть готовыми защитить улей от самой мощной атаки.

Одобрительный шепот пронесся сквозь ряды собравшихся. Приободренный Арамас улыбается Яррику.

--- Мы Избранные Императора.

смертный. Мы его Ангелы Смерти. У нас столетия боевого опыта, если их сравнивать с твоими смертными командирами.

--- Нет, --- раздается вдруг другой голос, рычанием вырывающийся из voxа шлема.

Я замираю, когда герольд вновь трижды ударяет посохом.

--- Мы представляем брата-капеллана Гримальда, --- произносит он, --- реклюзиарха Черных Храмовников.

Гримальд кивнул собравшимся. Люди и Астартес, более сотни, стояли вокруг громадного стола в переоборудованном зале, который прежде использовался для каких-нибудь унылых театральных представлений. Изобилие цветов, геральдической символики, разнообразных униформ, полковых знаков и экипировки. Генерал Куров стоял возле комиссара, едва ли не буквально опираясь на Старика.

--- Ксеносы думают не так, как мы, --- промолвил Гримальд. --- Зеленокожие придут на Армагеддон не ради мести и не

для того, чтобы обескровить нас за
прошлые поражения. Они идут
единственно ради радости насилия.

Аррик, похожий на скелет,
обтянутый бледной плотью и одетый в
темную форму, молча рассматривал
рыцаря. Аратас ударил кулаком по столу и
ткнул пальцем в сторону Храмовника.
Мгновение, на которое воцарилась
стерпелная тишина, Гримальд
размышлял, не стоит ли выхватить
пистолет и убить наглеца прямо на
месте.

--- Тем весомее мое мнение! --- почти
проорывал Аратас.

--- Отнюдь. Ты проверял то, что
осталось от улья Гадес? Это руины. Там
не за что биться, нечего защищать.
Великий Враг знает это. И он знает, что
имперские силы оставят там не более чем
символическую защиту и отступят,
чтобы защищать ульи, за которые стоит
сражаться. Вот почему вождь орков скорее
уничтожит Гадес с орбиты, чем станет
его штурмовать.

--- Мы не можем позволить этому

улью настъ! Это символ решимости
человечества! Со всем уважением,
капеллан...

--- Довольно, --- произнес Яррик. ---
Сохраняйте спокойствие, брат-капитан
Арамас. Гримальд говорил мудро.

Реклюзиарх склонил голову в знак
признательности.

--- Я не буду молчать по приказу
мертвого! --- прорычал Арамас, но
противостояние было не в его пользу.
Яррик просто воззрился на капитана
Астартес. Через несколько мгновений
Арамас перевел глаза на гололитическое
изображение окрестностей улья. Яррик же
повернулся обратно к собравшимся, его
человеческий глаз смотрел ценко и
колюче, а аугментированный протез
поворачивался в глазнице, словно
фокусировался на лицах перед ним.

--- Гадес не продержится и недели, ---
повторил он, на этот раз качая головой. ---
Мы должны покинуть улей и распределить
силы на мощные бастионы. Это не Вторая
Война. Та, что грядет, будет очень сильно
отличаться от опустошавших планеты

прежде. Другие улы должны быть усилены многократно.

Он на мгновение затолчал, чтобы прочистить горло, и закашлялся сухим, тяжелым кашлем. Когда приступ прошел, Старик улыбнулся, но улыбка не сгладила его суровые черты.

--- Гадес будет пылать. Мы гадим бой в другом месте.

При этих словах генерал Куров выступил вперед с инфопланишетом.

--- Нам придется разделить командование, --- вдохнул он и продолжил: --- Флот, который будет осаждать Армагеддон, чересчур велик.

Разразился целый шквал язвительных замечаний. Куров перенес их с легким спокойствием. Гримальд, Хельбрехт и Баярд тоже были среди тех, кто не проронил ни слова.

--- Выслушайте меня, друзья и братья, --- со вздохом продолжил генерал. --- И поймите. Те из вас, кто настаивает, что эта война --- очередной малозначительный конфликт, обманывают себя. По текущим оценкам, у

нас в субсекторе Армагеддон более пятидесяти тысяч Астартес и в тридцать раз больше имперских гвардейцев. Но этого все равно недостаточно, чтобы обеспечить победу. В лучшем случае линейный флот Армагеддона, орбитальная защита и корабли Астартес, остающиеся в космосе, смогут сдерживать врага от высадки войск на планету только девять дней. Это по самым оптимистичным прогнозам.

— А в действительности сколько? — спросил воин Астартес, чей серый доспех Костических Волков был украшен белым волчьим мехом. Чувствовалось, что ему хочется метаться по залу, словно дикоту зверю по клетке.

— Четыре дня, — произнес Старик с трагичной улыбкой.

В зале воцарилась тишина, которой не преминул воспользоваться Куров.

— Адмирал Нэрл, командующий линейным флотом Армагеддона, изложил свой план и загрузил его в тактическую сеть, чтобы все командующие могли с ним ознакомиться. Как только война на орбите

бюджет проиграна, случись то через четыре или девять дней, наш флот отойдет от планеты. С этого момента Армагеддон станет беззащитным, если не считать те силы, что останутся на поверхности. Орки будут спокойно приземляться, когда и где пожелают.

--- Адмирал Нэрл с оставшимися кораблями начнет партизанскую войну, атакуя вражеские суда на орбите.

--- Кто будет руководить кораблями Астартес? --- вновь подал голос капитан Аратас.

Последовала очередная пауза, прежде чем комиссар Яррик кивнул через стол в сторону группы воинов в угольно-черных доспехах:

--- Учитывая старшинство и компетентность его органа, Верховный маршал Хельбрехт из Черных Храмовников возьмет на себя командование флотами Астартес.

Вновь поднялся гул, так как несколько командующих Астартес претендовали на то, чтобы эта должность досталась им.

— Мы должны остаться на орбите? —
Гримальд наклонился поближе к своему
сюзерену и озвучил интересовавший его
вопрос.

Капеллан окинул зал взглядом,
рассматривая офицеров сотни разных сил.

«Я ошибался, — подумал он. — Я не
утру в этом мире напрасно». Он отдался
горячему и неудержимому порыву, столь
же реальному, как поток адреналина,
хлынувший через оба сердца.

— «Крестоносец» вонзится, словно
копье, в самое сердце вражеского флота.
Верховный маршал, ты можешь
уничтожить зеленокожего тирана прежде,
чем он успеет ступить на поверхность
этого мира.

Хельбрехт оторвал взгляд от
старого комиссара. Он повернулся к
Гримальду, темные глаза пытливо
изучали череп маски.

— Я уже говорил с другими
маршалами, брат мой. Мы должны
оставить контингент на планете. Я
возглавлю Крестовый Поход на орбите.
Амальрих и Рикард поведут войска в

Пепельные Пустоши. Остается защитить
и те города-ульи, где еще не
присутствуют Астармес.

Гримальд покачал головой:

--- Это не наша обязанность, мой
сеньор. И Амальрих, и Рикард вели гораздо
более крупные кампании. Ни один из них не
будет в восторге от ссылки в грязный
промышленный улей, пока его братья ведут
славную войну в небесах. Вы покроете их
позором.

--- А еще, --- неумолимо продолжил
Хельбрехт с каменным лицом, --- должен
остаться командующий.

--- Не надо. --- У рыцаря кровь
залегенела в жилах. --- Не делайте этого.

--- Уже сделано.

--- Нет, --- выдохнул Гримальд, каждой
клеткой своего существа итея в виду
именно это. --- Нет.

--- Решение уже принято, Гримальд. Я
знаю тебя, как знал Мордрега. Ты не
откажешься от такой чести.

--- Нет, --- повторил Гримальд
достаточно громко, чтобы привлечь
внимание присутствующих.

Хельбрехт ничего не ответил.

Гримальд подошел ближе:

— Я раздавлю черное сердце Великого Врага в своей руке и священным огнем обрушу его нечестивый флагман на поверхность Армагеддона. Не оставляйте меня здесь, Хельбрехт.

— Ты не откажешься от этой чести, — сказал верховный маршал. У его голоса оставался таким же ледяным, как лицо.

Гримальд не хотел больше участвовать в этих делах. Даже хуже, он знал, что был здесь не нужен. Он отвернулся от гололитического стола, потому что там начали обсуждать тактику обороны на орбите.

— Подожди, брат. — В голосе Хельбрехта звучала просьба, а не приказ. А потому легче было не подчиниться.

Гримальд покинул зал, не произнеся больше ни слова.

В названии места их назначения сквозила трачность. Типичная для этого мира. Хельсрич...

— Кровь Дорна, — с чувством

вырұгался Артарион. -- Ну и видок.

-- Он... громадный, -- прошептал Неровар.

Четыре «Громоовых ястреба» лчались по зеленоватому небу, занятому ядовито-желтыми облаками, которые разрывались на части при их приближении. Из кабины ведущего челнока шесть рыцарей смотрели на город внизу.

Четыре десантно-штурмовых корабля, ревя двигателями, одновременно сменили курс, грациозно облетая один из самых высоких промышленных шпилей. Синевато-серый, подобно тысячам других, он изрыгал в грязное небо жирный дым.

Звено прикрытия, состоявшее из таленьких, маневренных и предназначенных для завоевания господства в воздухе истребителей типа «Молния» летело поблизости от «Громоовых ястребов» Астартес.

-- Мы не можем быть единственными силами Астартес, посланными в этот город. -- С шипением от воздушного давления Неровар снял белый шлем и уставился невооруженными глазами на

вспыхивающий внизу улей. -- Как мы
защитим его в одиночку?

-- Мы будем не одни, -- протолвил
сержант Бастилан. -- С нами Гвардия. У
силы ополчения.

-- Люди, -- поморщился Приам.

-- Легио Инвигилата уже
приземлилась к востоку от города, --
добавил Бастилан. -- Титаны, брат мой.
Не вижу, чтобы ты стал морщиться при
их упоминании.

Приам не согласился. Но и спорить не
стал.

-- Что это?

Рыцари погались вперед, услышав
своего предводителя. Гримальд указал вниз
на полосу рокритовой дороги, достаточно
широкую, чтобы на нее смог приземлиться
массивный крейсер или транспорт для
перевозки Имперской Гвардии.

-- Шоссе, сэр, -- ответил пилот и
проверил приборы. -- Магистраль Хель.

Гримальд помолчал какое-то время,
созерцая громадную дорогу и тысячи и
тысячи транспортных средств,
двигавшихся в обоих направлениях.

— Эта магистраль подобна хребту города. Я вижу сотни капилляров-дорог и троп поменьше, что ответвляются от нее.

— И что с того? — спросил Приам, и по его тону было понятно, как мало его интересовал ответ.

— А то, — повернулся к отряду Гримальд. — Тот, кто контролирует магистраль Хель, держит в руках сердце города. У него будет беспрепятственная возможность перемещать пехоту и технику. Даже титаны будут двигаться быстрее, возможно, вдвое быстрее, чем если бы пришлось идти, пробираясь через башни улья и городские кварталы.

Неровар покачал головой. Он единственный был без шлема. И сейчас лицо его выражало недоумение, если только Астартес способен испытывать это чувство.

— Реклюзиарх, — протолвил он, неуверенно произнося новый титул Гримальда. — Как ты можешь защищать... все это? Бесконечная дорога, ведущая к сотням других.

--- Клинком и болтером, --- ответил
Бастилан. --- Верой и пламенем.

Гримальд узнал собственные слова,
сорвавшиеся с уст сержанта. Он молча
смотрел на город внизу, на сеть дорог, что
делала улей открытым и доступным.

Уязвимым.

ГЛАВА III

Улей Хельсрич

«Грозовые ястребы» коснулись посадочной площадки, явно сконструированной для тяжелых грузовых судов. Когда десантно-штурмовые корабли еще только стали заходить на посадку, вытесняя все вокруг потоком горячего, угрожающего воздуха, задвигались краны и поспешили прочь сервиторы.

Траны с лязгом опустились на поверхность посадочной площадки, и четыре челнока извергли свой живой груз — сотню рыцарей, которые в надлежащем порядке выстроились перед «Грозовыми ястребами».

Наблюдая это, полковник Саррен из 101-го Стального легиона Армагеддона безуспешно старался не показать, сколько сильно он впечатлен. Он стоял, переплетая пальцы и прижав руки к животу. По бокам толпилась дюжина людей. Огни были солдатскими, другие гражданскими, но все нервничало по поводу прибытия сотни

гигантов в черной броне, которые
выстраивались перед ними.

Саррен прочистил горло, машинально
проверил, все ли пуговицы на шинели
застёгнуты, как того требует устав, и
промаршировал к гигантам.

Один из гостей, носивший шлем в
виде ухмылявшегося черепа из сияющих
серебра и стали, выступил навстречу
полковнику. Вместе с ним вышли еще
пятеро рыцарей, неся мечи и массивные
болтеры. Один из них нес еще и
штандарт. На знамени, что лениво
колыхалось на легком ветерке, был
изображен рыцарь в шлеме-черепе,
отымаемый золотой благодатью аквилы.

— Я Гримальд, — протолвил первый
рыцарь, его похожие на драгоценные камни
глазные линзы смотрели сверху вниз на
дорожного полковника. — Реклюзиарх
Крестового Похода Хельсрич.

Полковник вдохнул, чтобы произнести
приветствие, когда сотня рыцарей перед
ним в едином порыве выкрикнули:

— Imperator vult!

Саррен метнулся взглядом по

Храмовникам, что выстроились в пять рядов по двадцать воинов. Казалось, ни один из них не шевельнулся, несмотря на их клич на высоком готике: «Так желает Император».

— Я полковник Саррен Сто первого Стального легиона, командующий силами Имперской Гвардии, защищающими этот улей. — Он протянул возвышавшемуся над ним рыцарю руку и довольно изящно превратил движение в отдачу чести, поняв, что тот не намерен обмениваться рукопожатием.

Можно было услышать приглушенные щелчки из шлемов рыцарей, которые стояли к нему ближе. Саррен отлично знал, что они переговариваются друг с другом по воксу. И ему это не нравилось, совсем не нравилось.

— Кто все эти люди? — спросил первый рыцарь. Булавой ужасающих размеров он указал на спутников Саррена, полутесяцет стоявших чуть позади полковника. — Мне нужно познакомиться с каждым командиром этого улья, если они здесь.

--- Они здесь, сэр, --- ответил Саррен. ---
Позвольте мне представить вас.

--- Реклюзиарх, --- прорычал
Гримальд. --- Не «сэр».

--- Как пожелаете, реклюзиарх. Это
Кирия Тиро, квинт-адъютант генерала
Курова.

Гримальд опустил взор на стройную
темноволосую женщину. Вместо
приветствия она четко произнесла:

--- Я здесь, чтобы осуществлять связь
между внепланетными силами, такими
как вы, реклюзиарх, и солдатами улья
Хельсрич. Просто вызовите меня, если
потребуется помощь, --- закончила она.

--- Так и поступлю, --- отозвался
Гримальд, прекрасно зная, что сделает в
точности наоборот.

--- Это комиссар моего штаба
Фальков, --- продолжил полковник Саррен.

Названный офицер щелкнул
каблуками и безукоризненно четко
составил в воздухе перед грудью знак
аквилы. Темный мундир комиссара резко
выделял его из одетых в охристую форму
офицеров Стального легиона.

--- Это майор Мордехай Райкин, второй офицер Сто первого и начальник штаба обороны города.

Райкин осенил себя аквилой и сдержанно кивнул.

--- Командующий Кортен Барасат, --- представил Саррен следующего человека. ---

Пять тысяч восемьдесят вторая военно-воздушная эскадрилья Имперского флота.

Кортен, худощавый мужчина, облаченный в серый летный костюм, энергично отсалютовал.

--- Мои люди вели «Молнии», которые сопровождали вас, реклюзиарх. Рад вновь сражаться вместе с Черными Храмовниками.

Гримальд сүзил глаза за обманчивой ухмылкой шлема.

--- Вы и прежде слүжили с рыцарями Дорна?

--- Да, девять лет назад на Датаксе --- Пять тысяч восемьдесят вторая участвовала по меньшей мере в четырех сражениях. Маршал Таррисон, ведший Крестовый Поход Датакс, отметил геральдическими крестами шестнадцать

наших истребителей.

Гримальд склонил голову, его уважение было очевидным.

--- Это большая честь для меня, Барасат, --- промолвил он.

Поджавив довольную улыбку, майор вновь отсалютовал.

Саррен продолжил представлять одного за другим старших офицеров Стального легиона. В конце шеренги стояли двое мужчин, один в чистой и разукрашенной форме цвета небесной лазури, что встречается в мирах с более чистым небом, чем Армагеддон, а второй в запытанной маслом спецовке.

Полковник указал на худого человека в безукоризненно чистом мундире:

--- Достопочтенный модератус-примус Валиан Кансомир из Легио Инвизилаты, пилот благословенного «Вестника бури».

Гримальд кивнул, но больше ничем не выразил почтения. Пилот тимана склонил в ответ худое лицо, также не выказав никаких эмоций.

--- Модератус, --- промолвил рыцарь, --- ты говоришь от имени своего Легио?

--- От имени целого боевого отряда, ---
ответил Кансомир. --- Я голос принцес-
майорис Зархи Мансионы. Остальные
отряды Инвизилаты заняты в других
местах.

--- Нам повезло, что ты еще здесь, ---
сказал рыцарь. Пилот титана осенил себя
знаком шестерни Механикус, сцепив
суставы пальцев перед грудью, и Саррен
представил последнего человека.

--- А это Томаз Магерн,
представитель профсоюза докеров
Хельсрича.

Рыцарь потедлил и кивнул снова, так
же как перед этим кивнул солдатам.

--- Нам нужно многое обсудить, ---
протолвил он полковнику, потеющему в
густом гневном воздухе.

--- Да. Следуйте сюда, пожалуйста.

* * *

Томаз Магерн не знал, что и думать.
Стоило ему вернуться в порт и

войти на склад, как его тут же обступила бригада, засыная вопросами. Как много там было Астартес? Насколько они высоки? Каково это — увидеть одного из них? Неужели все истории правдивы?

Томаз не знал, что ответить. В той встрече не было ничего необычного. Громадный воин в шлеме с черепом вместилища лица казался крайне отстраненным, а рыцари в черной броне, выстроившись за его спиной стройными рядами, были безмолвны, бесстрастны и никак не взаимодействовали с делегацией улья.

Он отвечал на вопросы, фальшиво улыбаясь и стараясь скрыть собственную неуверенность.

Спустя час он уже вновь сидел в кабине своего крана, пристегнувшись к скрипящему кожаному сиденью и поворачивая осевой руль, двигающий в стороны погрузочную клешню. Вертикальный подъем и хватка магнитной лапы регулировались при помощи рычагов. Томаз опустил клешню к палубе ближайшего к крану танкера и поднял в воздух ящик с грузом. Надписи на

здоровенном металлическом контейнере
гласили, что груз легковоспламеняющийся.
Наверняка опять прометий. Как раз на
этой неделе прибыли последние поставки
топлива для транспортов Имперской
Гвардии. Рабочие уже многие месяцы
разгружали только провиант и топливо.

Томаз пытался не думать о встрече с
Астартес. По правде говоря, он ожидал от
облаченного в золото воина
воодушевляющей речи, обещаний, клятв и
прочих образчиков красноречия.

В конечном счете Томаз решил, что
день выдался на редкость неудачным.

Город.

Я командую целым городом.

Подготовка шла уже много
месяцев, но оценки гласили, что Великий
Враг будет в системе всего через
несколько дней. Мои люди, горстка
рыцарей, оставшихся на Армагеддоне,
разошлись по улью. Они должны
вдохновлять солдат, когда битва станет
особо жаркой.

Признаю, определенный смысл в этом

есть, но все равно сожалею из-за их отсутствия. Не так должен вестись священный Крестовый Поход.

Часы проходят в водовороте статистических отчетов, таблиц, геологических проекций и графиков.

Запасы пищи. Насколько их хватит, когда станет невозможно доставлять продовольствие извне? Где хранить эту еду? Защищенность силосных башен, хранилищ и амбаров. Удары каких орудий они смогут выдержать? Легко ли обнаружить их с воздуха? Проекция дневного рациона. Приемлемые пайки. Неприемлемые пайки, со списком оценки жертв и несчастных случаев. Когда начнутся беспорядки из-за недостатка продовольствия?

Центры фильтрации воды. Как много их нужно задействовать, чтобы обеспечить все население? Какие будут вероятнее всего разрушены первыми, как только падут городские стены? Подземные бункеры, где в настоящее время хранятся вода. Древние источники, которые можно будет задействовать, если совсем уж

прижмет.

Вероятность вспышки инфекционных заболеваний из-за затруднений со сбором трупов. Виды болезней. Риск инфекций. Сочетаемость с биологией орков.

Списки медицинского оборудования. Бесконечные, поистине бесконечные и скучнейшие речи о том, как все это составляется, причем в мельчайших подробностях. Постоянно приходят новые сведения, обновляется уже имеющаяся информация, даже пока мы просматриваем уже полученные донесения.

Численность ополчения: призывников и добровольцев. Системы и графики учений. Запасы оружия. Запасы боеприпасов для гражданского населения. Проекция, насколько этих запасов хватит.

Оборонительные силы улья, расположенные между ополчением и Гвардией. Кто руководит силами каждого сектора? Их вооружение, боеприпасы. Близость к важным промышленным объектам.

Численность Имперской Гвардии. Клянусь Троном, что за жалкое

количество! Полки, их офицеры, отчеты
об успехах на стрельбище, награды,
достижения и моменты позора на полях
далеких миров. Отличительные знаки.
Запасы оружия и боеприпасов. Техника, от
легких разведывательных «Часовых» и
«Химер» до сверхтяжелых «Гибельных
клинков» и «Мечей бури».

Лишь на данные о Гвардии уйдет дня
два. И это только беглый просмотр.

Затем посадочные площадки. Оборона
посадочных платформ улья, гражданские
площадки, которые уже сейчас
используются Гвардией, и гражданские
площадки, требуемые для доставки
жизненно важных грузов военными
кораблями и торговыми судами с орбиты.
Доступ в эти места имеет решающее
значение, учитывая, что туда будет
поступать подкрепление, станут
высаживаться беженцы и их попытается
захватить враг, чтобы превратить в свои
базы.

Воздушные силы. Численность
имеющихся легких истребителей,
тяжелых истребителей и

бомбардировщиков. Личное дело каждого пилота и офицера Имперской 5082-й эскадрильи «Рожденных в небе». Это я все пропустил. Раз все они носят крест Храмовников, не имеет смысла протраивать их подвиги. С ними и так все ясно. Проекции перетестились на расчеты, как долго воздушные силы смогут сдерживать высадку врага на планету и в каких ситуациях можно будет с выгодой использовать бомбардировщики за пределами городских стен. Барсатуну позволено уйти, когда все будет просмотрено. Он жалуется на дюжинную головных болей сразу. Я улыбаюсь, хотя и не позволяю никому из людей это увидеть.

Расположение тяжелых орудий Хельсрича. Какие противовоздушные орудия установлены на стенах и где именно? Оптимальные траектории огня. Модель и калибр каждого ствола и численность obsługi. Проекция урона, который они могут нанести врагу. Команды, доставляющие им снаряды. Откуда эти снаряды поступают? Способы перевозки их из мануфактур.

И наконец, сами мануфактуриумы. Промышленные предприятия, производящие легионы танков всех классов и размеров. Другие мануфактуриумы, где производятся и отгружаются снаряды. Какие из мануфактуриумов самые важные, самые полезные, самые надежные и какие наиболее вероятно подвергнутся нападению в предстоящей осаде?

Легион титанов, благороднейшая и прославленная Инвигилата. Какие машины у них есть в Пепельных Пустошах? Какие из них пойдут на защиту Хельсрича и какие были обещаны для усиления Кадийских ударных частей и наших братьев Астартес, Саламандр на диких пространствах Армагеддона?

Инвигилата ведет свои внутренние записи, но у нас уже и так достаточно информации, чтобы позрызнуть во множющихся гололитических таблицах.

Доки. Пристани Хельсрича, величайшего порта на планете. Прибрежная оборона --- стены, башни, противовоздушные батареи --- и торговые требования, жалобы профсоюза, петиции о

правах портовых рабочих, склады, подходящие для солдатских казарм, жалобы от купцов и чиновников и...

И я терплю все это уже девять дней.

Девять дней.

На десятый я поднялся из своего кресла в командном центре. Рядом работают три сотни сервиторов и младших офицеров: вычисления, сортировка, передачи, получения, разговоры, крики, а иногда тихая паника и просьбы о помощи.

Саррен и несколько его офицеров и помощников смотрят на меня. Они даже вытягивают шеи, следя за моим движением. Это первый раз за несколько часов, когда я сдвинулся с места. Точнее сказать, первый раз с того момента, как я опустился в кресло этим утром, на рассвете.

--- Что-то не так? --- спрашивает меня Саррен.

Я смотрю на потного свиноподобного командующего: этот находящийся в безопасности человек не сумел привести свое тело в физическую форму.

подобающую воину, но решает судьбы миллионов.

Они что, слепые? Тут что-то не так.

«Да, --- говорю я мысленно ему, всемирный ум. --- Что-то не так».

Но что именно?

Вместо ответа я двинулся вон из комнаты, не успев сообщить об этом людям, рассыпавшимся передо мной, как испуганные тараканы.

С громкостью, которая посратила бы раскаты грома, завывала сирена.

Пришлось вернуться к столу.

--- Что это значит?

Они вздрогнули от громкого рыка из коммуникатора в моем шлеме. Сирена продолжала завывать.

--- Трон Бога-Императора, --- шепчет Саррен.

Вместо кольца крепостных стен у Хельсрич были зубчатые бастионы и башни.

Когда завывали сирены по всему городу, Артарион стоял в тени оружейной башни, чьи стволы смотрели в отравленное небо.

В нескольких метрах от него у казенной части орудия работала команда людей. Они остановились при звуках сирен и стали переговариваться между собой.

Артарион быстро оглянулся назад, в сторону крепости в центре города, терявшейся из виду в густом скоплении шпилей улья.

Он чувствовал, что люди оглядываются на него. Понимая, что отвлекает их от работы, он двинулся прочь, идя вдоль стены. Как и раньше, с момента прибытия в улей неделю назад, его взгляд устремился к бескрайним пустошам, что простирались до самого горизонта.

Норгнув по коммуникационной руне на дисплее визора, он открыл вокс-канал. Сирены все так же пронзительно завывали. Артарион понимал, что это значит.

--- Давно пора.

По всему городу из вокс-башен раздавался бесцветный голос. Полковник Саррен, не желая провоцировать беспорядки, доверил повергнутому

любототии сервитору сообщить эти новости людям.

— Люди улья Хельсрич. По всей планете звучат первые сирены. Не тревожьтесь. Флот врага прибыл в систему. Мощь боевого флота Армагеддона и величайший в истории Империи флот Астартес стоят между нашим миром и силами врага. Не тревожьтесь. Продолжайте ежедневно молиться. Верьте в Бога-Императора. Это все.

В центре управления Гримальд повернулся к ближайшему офицеру-человеку, сидевшему у вокс-станции.

— Ты. Соединись с флагманом Черных Храмовников «Вечный крестоносец», немедленно.

Побледнев, человек судорожно сглотнул, когда к нему прямо и с таким напором обратился Астартес.

— Я... мой повелитель, я согласовываю...

Черный рыцарь грохнул кулаком по столу:

— Выполняй, сейчас же.

— Да, мой повелитель. Минуту, прошу вас.

Офицеры из штата Саррена обменялись обеспокоенными взглядами. Гримальд не обратил на это никакого внимания. Секунды ползли с отвратительной медлительностью.

— «Вечный крестоносец» готовится встретить вражеский флот, — ответил офицер. — Я могу отправить сообщение, но двусторонняя система связи недоступна без подходящего командного кода. У вас есть эти коды, мой повелитель?

Конечно, они у Гримальда были. Он посмотрел на испуганного человека, а затем перевел взгляд на взволнованные лица сидевших за столом.

«Ох, какой же я дурак. Ярость ослепляет меня и не позволяет исполнить долг». Чего же он ожидал на самом деле? Что Хельбрехт отправит на планету «Грозового ястреба» и предложит ему принять участие в славной войне наверху, на орбите? Нет. Хельбрехт поручил ему оставаться здесь, и другая судьба ему не светит.

«Я подохну на этой планете», --- вновь подумал он.

--- У меня есть коды, --- ответил рыцарь. --- Но это не срочный вопрос. Просто отправьте следующее сообщение в их входящие логи, без требования ответа: «Сражайтесь хорошо, братья».

--- Отправлено, повелитель.

Гримальд кивнул:

--- Благодарю.

Он повернулся к собравшимся офицерам и склонился над гололитическим дисплеем, коснувшись поверхности стола облаченными в перчатку пальцами.

--- Простите меня за несдержанность. Нам нужно составить военный план, --- сказал рыцарь и выдохнул самые трудные слова, которые когда-либо говорил: --- У нас нет времени, чтобы подготовить город к обороне.

Вплоть до последних ночей войны Крестового Похода Хельсрич переносили горечь и ярость со всем возможным достоинством. И их сдержанность была равносильна подвигу. Нелегко готовить

город с несколькими миллионатами
перепуганных людей под загрязненными
облаками, пока сотни их боевых братьев
высекали себе славу сталью из плоти
древнего и ненавистного врага. Черные
Храмовники по всему городу смотрели в
небо, словно красные линзы их шлемов
могли пронзить облака и увидеть
развернувшуюся наверху священную войну.

Ярость Гримальда причиняла ему
буквально физическую боль. Она пылала в
голове, ядом струилась по венам. Но он
терпел, подчиняясь долгу. Он сидел за
столом с тактиками-людьми и обсуждал с
ними вопросы обороны, соглашаясь, кивая
или споря.

В какой-то момент по комнате
пронесся шепот. Он походил на коварную
змею, прокладываящую себе путь из
человеческих уст в уши, избегая
закованного в угольно-черную броню рыцаря
Астартес. Когда полковник Саррен
прочистил горло и объявил, что два
флота встретились, Гримальд просто
кивнул. Он услышал самые первые
произнесенные шепотом слова тридцать

секунд назад, когда из voxа раздались потрескивающие голоса операторов на станциях связи.

Началось.

--- Следует отдать приказ, --- спокойно сказал Саррен, вызвав новую волну шепота среди офицеров.

Гримальд повернулся к vox-связисту, с которым говорил раньше, и взглянул на эмблему, обозначающую ранг офицера. Тот встал, увидев, как серебряный череп вновь кивнул ему.

--- Лейтенант, --- промолвил рыцарь.

--- Да, реклюзиарх.

--- Отдайте приказ имперскими силами в Хельсриче. Немедленно вводится военное положение. --- Он почувствовал, как пересохло горло от тяжести произнесенных слов. --- Запечатайте город.

Четыре тысячи башен противовоздушной обороны вдоль высоких стен улья были заряжены и направляли свои многочисленные стволы в небо.

На крышах бесчисленных шпилей и тануфакториумов то же самое сделали

лазеры второстепенной защиты. Ангары и склады, переоборудованные по нужды воздушных сил, подготовили короткие крохотные взлетно-посадочные полосы, необходимые для самолетов укороченного взлета и посадки. Одетые в серую униформу служащие флота патрулировали периметры баз, поэтому места их дислокации оставались закрытыми и функционировали почти независимо от остального улья.

Временные контрольные пункты, образованные на дорогах по всему городу, превратились в баррикады и оборонные аванпосты на тот случай, если враг сможет разрушить стены. В тысячах зданий, служивших казармами Имперской Гвардии и силат милиции, закрывали броневыми щитами двери и окна.

Из вокс-башен доносились объявления, приказывая горожанам улья, не занятым на жизненно важных производствах, оставаться в своих домах, пока их не заберут отряды Гвардии и не препроводят в подземные убежища.

Магистраль Хель, главную в улье,

освободили от гражданского транспорта, создавая коридор для прохода колонн танков и «Часовых», растянувшихся на добрый километр. Скопления военной техники отклонялись от курса по мере того, как рассеивались по улью.

Хельсрич был закрыт, и его защитники крепко сжимали оружие, смотря в суровое небо.

Невидимые людям города рыцари — отделенные расстоянием, но связанные кровью полубога в их венах — преклонили колени в безмолвной молитве.

Через восемнадцать минут после того, как завывли сирены, возникла первая серьезная проблема с развертыванием войск. Представители Легио Инвизилаты потребовали разговора с командующими улья.

Через сорок две минуты начался первый бунт горожан, порожденный паникой.

Я задаю Саррену резонный вопрос, и он дает именно тот ответ, который я не хочу слышать:

--- Три дня.

Инвизилате нужны три дня. Целых три дня, чтобы закончить подготовку и вооружение своих титанов прежде, чем они смогут быть использованы. Три дня, прежде чем они смогут пройти через громадные ворота в непреступных стенах улья и разместиться внутри городских пределов, согласно утвержденному плану.

Следующие слова Саррена еще более ухудшили положение.

--- За три дня они поймут, придут ли они нам на помощь или развернутся вдоль русла Болиголова с остальным Легио.

Усилием воли я погасил мгновенный приступ ярости:

--- Есть вероятность того, что они не придут нам на помощь?

--- Похоже, что да, --- кивнул Саррен.

--- Проекции утверждают, что на прорыв орбитальной защиты у врага уйдет от четырех до девяти дней, --- из-за другого края стола произнес один из полковников Стального легиона по имени Арз. --- Так что у нас есть время, чтобы предоставить им отсрочку, которую они

просят.

Теперь уже никто из нас не сидел за столом. Завывание сирен чуть приглушили, и неусовершенствованные офицеры-люди вновь смогли нормально разговаривать.

--- Я отправляюсь на обзорную башню, --- сообщил я присутствующим. --- Хочу взглянуть на все своими глазами. Модератус-примус все еще в улье?

--- Да, реклюзиарх.

--- Передайте ему, чтобы встретился со мной там. --- Я молча пересек комнату и оглянулся через плечо. --- Будьте вежливы, но не просите. Прикажите ему.

ГЛАВА JV

Инвизилата

Модератус-примус Валиан Кансомир потер щеку. Отросшая щетина, уже посеребренная седой, затемняла нижнюю часть лица. У него было мало времени, и он ясно дал это понять.

--- Вы не одиноки в своем положении, --- указал Гримальд.

Кансомир трачно улыбнулся, хотя и не без сочувствия.

--- Разница заключается в том, реклюзиарх, что я не намерен утирать здесь. Мой принцес-майорис все еще сомневается, вести ли Инвизилату В Хельсрич.

Рыцарь подошел к перилам, сочленения брони тязко гудели при движении. Обзорная площадка была небольшим пространством на крыше центрального шпилья штабной крепости, и каждую ночь Гримальд проводил здесь, наблюдая за подготовкой улья к войне.

В бесцветной дали, за городскими

стенами, его генетически улучшенные глаза различали скелетоподобные очертания титанов на горизонте. Там, в пустошах, машины Цнвигилаты уже были готовы. Толстобрюхие шаттлы возвращались на орбиту, что было завершающей частью развертывания имперских сил на планете. Совсем скоро, всего через пару-тройку дней, не останется ни малейшей надежды доставить сюда хоть что-то.

— Это самый большой портовый город Армагеддона. Нам грозит крупнейшее вторжение зеленокожих ксеносов, с которыми когда-либо сталкивался Империиум Человека. — Не поворачиваясь к пилоту титана, Храмовник смотрел на гигантские военные машины, чей далекый образ размывался песчаными бурями. — Нам нужны титаны, Кансомир.

Офицер выступил вперед и оказался рядом с Астартес. Его бионические глаза — линзы, напоминающие многогранный нефрит в бронзовой оправе, — вращаясь, издавали щелкающие звуки. Он проследил за взглядом рыцаря.

--- Я освесомлен о ваших нүждах.

--- Моих нүждах? Это нүжды ұлья.
Нүжды Армагеддона.

--- Как вы сами сказали, это нүжды ұлья. Но я не принцес-тайорис. Я лишь докладываю ей об обороне, а решения принимает она. Инвигилата получила убедительные прошения из гругих городов и от гругих сил.

Гримальд закрыл глаза, раздумывая. Нетирующие линзы шлема все так же взирали на далеких титанов.

--- Я должен с ней поговорить.

--- Я ее глаза, уши и голос, реклюзиарх. То, что знаю я, знает она; то, что я говорю, велит мне говорить она. Я, возможно, смогу организовать разговор по вокс-связи.

Несколько секунд Гримальд молчал.

--- Я ценю это. Но скажите мне, модератус, дозволительно ли поговорить с вашим принцем лично?

--- Нет, реклюзиарх. Это будет нарушением традиций Инвигилаты.

Гримальд еще раз открыл карие глаза, встатриваясь в мельчайшие детали

военных машин на горизонте.

--- Ваше возражение принято во внимание, --- протолвил рыцарь. --- У вас полностью проигнорировано.

--- Что? --- переспросил пилот титанов, не веря своим ушам.

Гримальд не ответил. Он уже говорил по воксу:

--- Артарион, подготовь «Лендрейдер». Мы отправляется в пустоши.

Четыре часа спустя Гримальд и его братья стояли в отбрасываемой гигантами тени.

Песчаная буря умеренной силы царапала песчинками их доспехи, но они игнорировали это так же легко, как Гримальд проигнорировал протест Кансомира против их миссии.

Команды сервиторов трудились на земле. Они не испытывали физического дискомфорта, в то время как жадный песок пустошей обдирал их незащищенную кожу и царапал механические части.

Сами титаны несли бдительную стражу, созерцая пустоши, ---

девятнадцать гигантов разных классов, от небольших, с командой в двенадцать человек «Нсов войны» до громадных «Разбойников» и «Владык войны». Подобные богам, неподвластные капризам природы, громадные титаны были облеплены техноагентами и дронами, проводившими ритуалы пробуждения.

Несмотря на дремоту, они были какими угодно, но только не тихими и безмолвными. Оглушительное завывание плазменных реакторов, пытавшихся запуститься, было звуком первобытного кошмара, вырвавшегося из тех миров, где люди боялись гигантских хищных ящеров и их рева, сотрясавшего землю.

Когда Гримальд с братьями шел в тени, отбрасываемой «Владыкой войны», безжалостное скрежетание металла стало полногласным раскатом грома, который ударом разорвал воздух. Раскаленный пар вырвался из оболочки титана, и тысячи людей вокруг немедленно преклонили колени, повернувшись к пробудившемуся исполину.

Крик пробудившегося гиганта

заглушил даже забывающие сирены. Это было нечто среднее между чистым механическим звуком и животным ликованием; звук такой же громкий, как работающие на полную мощность тануфакториумы, и ужасный, словно гнев новорожденного бога.

Гигант двинулся. Но не быстро, а хромая, неуверенными шагами человека, который за много месяцев отвык пользоваться своими мускулами. Одна из ног, достаточно большая, чтобы сокрушить «Лендрейдер», оторвалась на несколько метров от земли. Через мгновение она обрушилась вниз, во все стороны полетела пыль.

--- Священный просыпается! --- раздался возглас сотен голосов по вокс-связи. --- Священный идет!

На почтительные крики внизу титан ответил новым ревом.

Зрелище было впечатляющим, но Гримальд не ради этого привел сюда своих людей. Их цель возвышалась даже над могучими «Владыками войны».

Его называли «Герольдом Шторма».

Титаны линейного класса были оружийными платформами, способными сровнять с землей целые кварталы улья. «Герольд Шторма» был ходячей крепостью. Его орудия могли сровнять с землей целый город. Ноги, способные выдержать вес этой колоссальной шестидесятиметровой военной машины, были бастионами с оружийными башнями и арочными окнами для стрельбы по врагу. На своей сгорбленной спине «Герольд Шторма» нес зубчатые стены с бойницами и семь шпилей священного бронированного собора, посвященного Императору в Его ипостаси Бога-Машины. Горгульи лепились к резким граням здания, вокруг башенок и витражных окон. Их отвратительные пасти были открыты, словно они безтолвно были на врага из своего священного замка.

Знамена свисали с рук-пүшек и зубцов, перечисляя имена поверженных боевых машин врага за прошедшее с его рождения тысячелетие. Когда крик рождения Священного утих, рыцари услышали звуки толп в крепости-соборе на исполинских

плечах «Герольда Шторма», где набожные
души призывали своего повелителя
благословить очередное пробуждение
громадной богоподобной машины.

К когтеобразной стоне титана была
прикреплена лестница, ведшая в
защищенные отсеки в нижней части ноги.
Пока гигант не двигался, Гримальд
проложил себе путь через дюжины
суетившихся техножрецов и сервиторов.
Когда его обутая в броню нога с грохотом
ступила на первую ступеньку лестницы,
сопротивление, которое он предполагал,
наконец проявило себя.

--- Подождите, --- бросил он братьям.

Отряд людей с закрытыми лицами
высыпал из арок во внутреннее помещение
титана. Попытка рыцаря войти была
пресечена слугами Механикус.

Солдаты, встретившие их,
назывались скитариями. То были элитные
части пехотных сил Агентус Механикус ---
сплав всевозможных оружейных протезов и
человеческой плоти. Гримальд, как и
другие Астартес, за безыскусные
манипуляции с плотью и грубое

хирургическое вживание оружия вместилищ
бесконечностей относился к ним не лучше,
чем к разукрашенным и ничтожным
сервиторам.

Двенадцать созданий с бионическими
имплантатами направили гудящие
плазменные орудия на пятерых рыцарей.

— Я Гримальд, реклюзиарх Черных
Хра...

— Ваша личность нам известна, —
проговорили они одновременно. Единства в
этом хоре голосов было мало. Огни
звучали неестественно низко, другие вообще
были нечеловеческими и механическими, а
третьи оставались такими же, как у
людей.

— В следующий раз, когда вы меня
перебьете, — предостерег рыцарь, — я убью
одного из вас.

— Мы не те, кому можно угрожать, —
ответили двенадцать созданий, снова не в
унисон, хором разногласных голосов.

— И вы не те, к кому нужно
обращаться. Вы ничто; рабы, все вы, едва
ли выше сервиторов. А теперь в сторону. У
меня дело к вашей госпоже.

--- Нам нельзя приказывать повиноваться. Мы останемся, как велит долг...

Человек не расслышал бы разделения внутри этой объединенной речи, но слух Гримальда мог проследить малейшие отклонения в том, как они говорили. Четверо начинали и заканчивали слова на долю секунды позднее других. Какая бы связь ни соединяла этих двенадцать воинов, в одних она была более эффективной, чем в других. Так как его опыт общения со слугами Бога-Машины был весьма ограниченным, он посчитал это лишь занятой неполадкой.

--- Я буду говорить с принцесс-майорис Инвигилаты, даже если придется докрикиваться до собора отсюда.

У них не было приказа противодействовать подобному поведению и отсутствовало понимание, как это воспримет вышестоящее начальство, так что воины остались неподвижными и молчаливыми.

--- Реклюзиарх... --- сказал по воксу Приам. --- Должны ли мы стерпеть это

оскорбление?

--- Нет. --- Шлем с лицом-черепом рассмотрел каждого из скитариев немигающими алыми глазами. --- Убить их всех.

Как и все предыдущие семьдесят девять лет, она плавала и походил на саркофаг резервуаре, заполненном амниотической жидкостью цвета молока. Металлический привкус насыщенной кислородом жидкости был единственной вещью, что не менялась на протяжении почти века. Зарха так и не привыкла к ее вкусу, текстуре, проникновению в легкие и затежению ею воздуха.

Нельзя сказать, что ей было неудобно. В общем-то, даже наоборот. Это тревожило, но не ощущалось чем-то неестественным.

Во времена битв, всегда казавшихся слишком немногочисленными и скоротечными, принцесс-майорис Зарха равнодушно думала, что, должно быть, так себя чувствует плод в утробе. Прохладная жидкость, поддерживавшая ее,

становилась тогда теплой, подобно плазменному реактору, сердцу «Герольда Шторма».

Ощущение абсолютной власти в сочетании с чувством абсолютной защищенности. Это все, что ей было нужно, чтобы поддерживать себя в безумные, опасные моменты, когда неустойчивый, жестокий разум «Герольда Шторма» с внезапной силой кинжалом вклинивался в ее сознание, желая подчинить.

Зарха знала, что однажды придет день, когда помощники отключат ее в последний раз — когда ей не дадут вернуться к духу машины из страха, что развившиеся характер и личность титана поглотят ее слабеющую и слишком человеческую натуру.

Но это будет не сейчас. Не сегодня.

Нет, Зарха сфокусировалась на мысленном возвращении в утробу, и этого было достаточно, чтобы оттолкнуть настоячивые требования грубых и первобытных инстинктов «Герольда Шторма».

Голоса снаружи всегда доносились до нее приглушенно, несмотря на вокс-приемники, имплантированные туда, где когда-то были хрящи внутреннего уха.

Эти голоса заговорили о вторжении.

Принцесс-майорис Зарха не разделила их мнение. Она повернулась в молочной жидкости грациозно, словно морская нимфа из сказок с нечестивой Древней Терры, хотя аугментированное, сморщенное, безволосое создание в водяном гробу было каким угодно, только не прекрасным. Ноги ей удалили, так как они ей никогда больше не понадобятся. Кости были слабыми и мягкими, а все тело — скрюченным.

Силой мысли она ответила им, своим слугам, братьям и сестрам.

Я желаю поговорить с пришедшими.

- - - Я желаю поговорить с пришедшими. --- Вокс-динамики гроба исторгнули невыразительное эхо ее безмолвных слов.

Один из слуг подошел ближе к прозрачным стенкам амниотического вместилища, с почтением взирая на

плавающую в ней оболочку.

— Мой принцес. — Это говорил Лонн, и хотя он нравился Зархе, он никогда не был ее любимчиком.

Здравствуй, Лонн. Где Валиан?

— Здравствуй Лонн. Где Валиан?

— Модератус Кансомир должен вскоре вернуться из улья, мой принцес. Мы думали, вы будете еще спать в это время.

При таком-то шуме?

То, что осталось от ее лица, изобразило улыбку.

— При таком-то шуме?

— Мой принцес, Астартес хотят войти.

Я услышала. Я знаю.

— Я услышала. Я знаю.

— Каков будет ваш приказ, мой принцес?

Она вновь повернулась в воде, в своей грациозной манере, подобно морскому млекопитающему, несмотря на кабели, провода и шнуры, бегущие от механических генераторов саркофага к ее позвоночнику, голове и конечностям. Зарха была древней, сторщенной тарионеткой в

боде, безмятежной и улыбающейся.

Доступ гарован.

--- Доступ гарован.

--- Доступ гарован, --- одновременно произнесли двенадцать голосов.

Потрескивающая булава осталась неподвижной, зависнув в дюйте от головы скитария. Маленькая электрическая искорка с оружия лизнула солдата в лицо, заставив его отпрянуть.

--- Доступ гарован, --- произнесли все они повторно.

Гримальд дезактивировал крозическую булаву и отогвинул augmented солдата в сторону.

--- Я был уверен, что вы это скажете.

Путешествие через узкие коридоры и в поднимавшихся лифтах было кратким, и вот рыцари оказались перед закрытой переборкой мостика. На палубу они попали, пройдя мимо множества молчаливых техноагентов. Зеленые линзы, заменявшие им глаза, вращались, сканируя и злобешне подражая человеческой мимике.

Внутри титана было темно.

слишком темно, чтобы неизменные люди могли там работать. Единственным светом были красные аварийные лампы, словно в бункере или на корабле. Но генетически улучшенные глаза хорошо видели в сумраке даже без зрительных фильтров визоров в шлемах.

У дверей, ведущих на командный мостик, не было стражи, и обе створки с лязгом скользнули в стороны.

Артарион стиснул украшенный свитком наплечник Гримальда:

--- Вперед, брат.

Капеллан взглянул на воина, несшего его стяг, через серебряное лицо своего погибшего учителя:

--- Верь мне.

Командный мостик был круглым отсеком с возвышением в центре, окруженным пятью изукрашенными и снабженными массой кабелей тронами. В углах комнаты за панелями с сотнями кнопок, рычажков и циферблатов работали техноагенты в мантиях.

Из двух больших окон открывался

впечатляющий вид на улей. Гримальд
вздрогнул, осознав, что смотрит из глаз
боготашины.

На главном возвышении стоял
большой стеклянный резервуар. В его
топочных глубинах плавала обнаженная
старуха, чье тело было иссушено
возрастом и бионическими протезами,
необходимыми для того, чтобы
поддерживать ее жизнь в таких условиях.
Она смотрела через фасетчатые
аугментированные глазные протезы.

--- Приветствую, Астартес, ---
раздался голос из встроенных в гроб вокс-
динамиков.

--- Принцесс-майорис. --- Гримальд
кивнул плавающей в жидкости старухе. ---
Это большая честь --- видеть тебя.

Последовала отчетливая пауза перед
тем, как старуха ответила, хотя взгляд
ее не отрывался от воина.

--- Ты проницателен. Не трать
время на галантность. «Герольд
Шторма» просыпается, и скоро я
должна буду идти. Говори же.

--- Один из пилотов титана.

отправленный в Хельсрич, сказал, что
Цнвигилата не пойдет на нашу защиту.

Вновь пауза.

--- Это так. Я командую третьей
частью Легио. Остальные уже
направились на защиту региона
Хемлок, многие с твоими братьями,
Саламанграмми. Ты пришел просить
меня о моей части могущественной
Цнвигилаты?

--- Я не прошу, принцепс. Я пришел
увидеть тебя своими собственными
глазами и просить тебя --- лицом к лицу ---
сражаться и умереть рядом с нами.

Сморщенная женщина улыбнулась,
выражение ее лица было одновременно по-
матерински мурдым и удивленным.

--- Но ты еще не завершил
задуманную миссию, Астартес.

--- Это как?

На этот раз пауза была дольше.
Старуха растеялась внутри своего
наполненного жидкостью резервуара.

--- Мы не лицом к лицу.

Рыцарь потянулся к вороту брони,
разъединяя печати.

Без шлема запах священных масел и хитическая вонь заполняющей гроб жидкости оказались намного сильнее. Первые ее слова были столь неожиданными, что я не знал, как реагировать.

--- У тебя очень добрые глаза.

Ее собственные глаза гавным-гавно извлечены из головы, а глазницы наполнены этими выпуклыми линзами, которые двигаются, следуя за мной. Я не могу вернуть ей комплимент и не знаю, что еще можно сказать.

Поэтому и не говорю ничего.

--- Как твое имя?

--- Гримальд из Черных Храмовников.

--- Теперь ты с тобой лицом к лицу, Гримальд из Черных Храмовников. Ты оказался достаточно смелым, чтобы прийти сюда и открыть мне свое лицо. Я знаю, сколь редко капеллан открывает лицо кому-либо не из своего братства. Спрашивай, что ты пришел спросить, и я отвечу.

Я подошел ближе и приложил ладонь к поверхности резервуара. Его вибрация соединилась с резонансом моей собственной брони. Я чувствую взгляд слуг Механикус на мне, на моем темном керамике. И их взгляд выражает желание коснуться произведения искусства, которым является боевая броня Астартес.

Я смотрю в механические глаза принцессы, пока она плавает в молочных водах.

--- Принцесса Зарха, Хельсрич взывает к тебе. Придешь ли ты?

Она вновь улыбается, словно слепая старушка с гнилыми зубами, и прижимает ладонь к моей руке. Лишь толстое стекло разделяет нас.

--- Инвизилата придет.

Семь часов спустя люди в городе услышали далекий механический гул, доносившийся из пустошей. Он эхом прокатился по улицам, заставив похолодеть кровь в жилах каждого в улье. Бродячие собаки залаяли в ответ, словно почуяв неподалеку крупного хищника.

Полковник Саррен вздрогнул, хотя на лице его застыла улыбка. Красными от недосыпания глазами он оглядел собравшихся командиров.

--- «Герольд Шторма» пробудился, --- промолвил он.

Через три дня, как и было обещано, город сотрясла поступь боготашин.

Машины Инвизилаты приближались, и громадные ворота в северной стене широко распахнулись, приветствуя их. Гримальд и командующие улья смотрели на это с наблюдательной площадки. Рыцарь движением век активировал руну на ретинальном дисплее, получая доступ к закодированному каналу.

--- Доброе утро, принцес, --- мягко промолвил он. --- Добро пожаловать в Хельсрич.

Вдали движущийся собор-крепость медленно и степенно прокладывал себе путь через кварталы города.

--- Приветствую, капеллан. --- Голос старухи был низким от едва сдерживаемой энергии. --- Знаешь, я родилась в улье,

подобном этому.

--- Тогда будет вполне справедливо, если ты и утрешь здесь, Зарха.

--- Ты так думаешь, сэр рыцарь? Ты видел меня сегодня?

Гримальд смотрел на далекого еще «Герольда Шторма», такого же высокого, как окружающие его башни.

--- Не увидеть тебя просто невозможно, принцес.

--- Убить меня тоже невозможно. Помни это, Гримальд.

Ни один человек прежде не остеливался именовать его так фатильярно. И впервые за много дней рыцарь улыбнулся.

Город был наконец запечатан. Хельсрич был готов.

И когда пришла ночь, небо охватило огонь.

ГЛАВА V

Пламя в небесах

В былые славные времена он назывался «Пречистые потыслы».

Это ударный крейсер, построенный на небольшом мире-кузнице Шевиларе, был подарован ордену Призрачных Волков Агентус Астартес. Он пропал вместе со всем экипажем, захваченный ксеносами за тридцать два года до Третьей Войны на Армагеддоне.

Когда громадная бесформенная мешанина обломков и пламени прорвала слой облаков над укрепленным городом, сирены по всему улью вновь истошно завыли. Эскадрилья истребителей под командованием Кортена Барасата доложила по воксу о неспособности вступить с ним бой. Лазеры и длинноствольные автоматы «Молний» не могли причинить ему никакого урона.

Эскадрилья унеслась прочь, когда объятый огнем корабль вспорол небеса.

Тысячи солдат на своих постах

смотрели, как горящая громадина с ревом пронеслась над ними. Сам воздух дрожал физически ощутимой вибрацией от брэнчания слишком долго работавших и теперь утиравших двигателей.

Окрасив городские стены багровым заревом, «Пречистые потыслы» ровно через восемнадцать секунд закончил жизнь, украсив новым шрамом искалеченное войнами лицо Армагеддона. Хельсрич согрознулся до основания, когда крейсер врезался в землю.

Понадобилось еще две минуты, чтобы от причиненного урона выключились завывающие двигатели. Несколько разгонных ускорителей все еще изрыгали ревущую плазму и огонь, словно не знали, что теперь оно наполовину погребено в серных песках, ставших ему могилой.

Но вот двигатели отключились.

Пламя улеглось.

И наконец воцарилась тишина.

«Пречистые потыслы» погиб, его останки разбросало по пустошам Армагеддона.

--- Сүдно, зарегистрированное как «Пречистые помыслы», --- прочел полковник Саррен с инфопланишета собравшимся в конном совете. --- Корабль Астартес класса «ударный крейсер», принадлежащий...

--- Призрачным Волком, --- оборвал его Гримальд. Через вокс-динамики голос рыцаря казался резким и сухим, невыдававшим никаких эмоций. --- Черные Храмовники были с нити до самого конца.

--- В каком смысле --- до самого конца? --- спросила Кирия Тиро.

--- Они погибли в битве при Варагоне одиннадцать лет назад. Их последние отряды были уничтожены тиранидами.

Гримальд закрыл глаза и на мгновение погрузился в воспоминания. Варагон. Кровь Дорна. Это было прекрасно. Не было еще столь чистого боя. Враг был бесчисленным, бессердечным, безжалостным... абсолютно чужеродным, в высшей степени ненавистным и не имевшим права на существование.

Рыцари пытались воссоединиться с последними из воинов братского ордена, но

жестокие и пронирыливые враги, были неустанны в своей свирепости. Волны их когтей и крюков разбились о две группы Астармес, но отделили их друг от друга. Волки сражались иступленно. Барадон был их родным миром, их домом. Наполненные отчаянием крики астронатов пронесли по варну за недели до этого сражения, когда их монастырь-крепость был захвачен врагом.

Гримальд был там до конца. Последняя горстка Волков, их мечи разбиты, а болтеры без снарядов выневали. Литании Ненависти по вокс-каналу, который делили с Черными Храмовниками. Какая это была смерть! Они в песне выплескивали на врага свою ярость даже тогда, когда их убивали. Гримальд никогда не забудет последние минуты ордена. Одинокiй воин, ужасно израненный и стоявший на коленях под штангартот ордена, держал его гордо и прямо даже тогда, когда ксеносы толпой накинүлись на него.

Знамя ордена не могло коснүться земли, пока в живых оставался хоть один

Волк.

Такой момент. Такая честь. Такая слава, что вдохновляет воинов и заставляет помнить твои дела до конца их собственных жизней. И дает силы сражаться еще яростней в надежде удостоиться столь же великолепной гибели.

Гримальд выдохнул, с раздражением и неохотой возвращаясь к реальности. Какой же грязной будет эта война по сравнению с той.

Саррен тем временем продолжил:

--- Последний рапорт сообщает о тридцати семи вражеских кораблях, прорвавших блокаду. Тридцать один был уничтожен орбитальной защитой. Шесть разбились о поверхность планеты.

--- Каково положение боевого флота Армагеддона? --- спросил рыцарь.

--- Держатся. Но теперь мы располагаем более точными сведениями о численности врага. План орбитальной войны был рассчитан на четыре-девять дней, от него отказались тридцать минут назад. Это самый большой флот

зеленокожих, с которыми когда-либо сталкивался Император. Потери флота приближаются к миллиону. В лучшем случае у нас в запасе еще день или два.

--- Трон Императора, --- потрясенно прошептал один из полковников ополчения.

--- Сосредоточьтесь на разбившемся корабле, --- предостерег Гримальд.

Тут полковник сделал паузу и обратился к рыцарю:

--- Я считаю, что здесь все в порядке, --- реклюзиарх. Горстка выживших зеленокожих не рискнет напасть на город. Они должны быть совершенно безумными --- даже по меркам орков, --- чтобы решиться на такую авантюру.

--- Считаете, что лучше позволить этим присоединиться к их собратьям, когда основные вражеские силы окажутся на планете? --- раздался мелодичный голос Кирии Тиро.

--- Горстка врагов не изменит положения, --- указал Саррен. --- Мы все видели, как рухнули «Помыслы». Немногие из его команды смогли выжить.

--- Я сражался с зеленокожими прежде,

сэр, — встрял майор Райкин. — У них шкуры крепче, чем у болотной ящерицы. Обещаю вам, выживших будет очень много.

— Отправьте титана. — Комиссар Фальков улыбнулся, но без всякого веселья, и в комнате воцарилось молчание. — Я не шучу. Отправьте титана уничтожить обломки. Вдохновите людей. Дайте им убедительную победу перед тем, как начнется настоящая битва. Моральный дух у Стального легиона в лучшем случае посредственный. Среди ополчения он еще ниже, а у новобранцев так и вообще едва ли присутствует. Так что отправьте титана. Нам нужна первая кровь в этой войне.

— Ну, или, по меньшей мере, пусть истребители Барасата проверят район на наличие жизни, — добавила Тиро, — прежде чем отправлять за городские стены войска.

Во время этих предложений Гримальд не проронил ни слова. И именно его молчание в конце концов заставило разговоры стихнуть, а присутствовавших повернуться к рыцарю.

Реклюзиарх поднялся на ноги. Несмотря на неспешность его движений, сочленения брони издавали низкий гул.

--- Комиссар прав, --- сказал он. --- Хельсричу нужна убедительная победа. Необходимо подьем боевого духа у людей.

Саррен нервно сглотнул. Никому вокруг не понравилось, что Гримальд указал на разницу в происхождении между обычными людьми и генетически усовершенствованными Астартес.

--- Пришло время моим рыцарям вступить в игру, --- продолжил реклюзиарх. Его низкий, бархатный голос, проходя через шлем, превращался в механический рык. --- Людям нужна первая кровь, и мои рыцари жаждут ее. Мы дадим вам первую победу.

--- Как много Астартес вы возьмете? --- спросил Саррен после минутного раздумья.

--- Всех.

Полковник побледнел:

--- Но вам точно не нужно...

--- Конечно нет. Но необходима впечатляющая демонстрация имперской мощи. Я ее обеспечу.

--- Мы можем сделать даже лучше, ---
встряла Кирия. --- Если ваши воины
достаточно долго простоят в боевом
порядке, прежде чем покинут город, чтобы
мы организовали прямую пункт-передачу на
все зрительные терминалы в Хельсриче...
--- Она утолкла, довольной улыкнувшись.

Фальков грохнул кулаком по столу:
--- Тогда давайте начнем. Первый удар
за черными рыцарями. --- Тонкая
неприятная ухмылка появилась на его
лице. --- Если уж это не разожжет пламя в
сердцах людей, то ничто не разожжет.

Приат повернул клинок, расширяя
рану прежде, чем вытащить меч.
Зловонная кровь фонтаном хлынула из
груды существа, и ксенос околел, царапая
грязными когтями броню рыцаря.

Внутри упавшего корабля, проверяя
каюту за каютой, коридор за коридором,
Храмовники охотились за тварями.

--- Это не стешно, --- пробормотал он в
вокс.

Полученный ответ сопровождался
громким звоном оружия шедшего следом

Артариона.

--- Чтоб тебя! Назад!

Приам почувствовал, что в будущем его ждет еще одна лекция о тщеславии. Держа наготове меч, он продолжил двигаться в темноте, которую легко пронзал его превосходный красный визор.

Орки устраивали засады при помощи примитивных орудий и издавая свиноподобные боевые кличи. Презрение жгло язык Приама. Они выше всего этого. Они --- Черные Храмовники, и боевой дух этих вечно хныкающих людишек не их забота.

Гримальд слишком много времени проводит среди смертных. Реклюзиарх начинает думать, как они. Приам с горечью припомнил необходимость стоять стройными рядами, чтобы пикт-дроны вились вокруг и фиксировали образы рыцарей. Такую же горечь вызывала в нем охота на выживших оборванных орков. Астартес выше этого. Это работа для Имперской Гвардии, быть может, даже для ополчения.

«Мы прольем первую кровь, --- сказал

м Гримальд, словно это было что-то стоящее внимания --- как будто это могло повлиять на исход всей битвы. --- Присоединяйтесь ко мне, братья. Присоединяйтесь, когда я сброшу это отвратительное оцепенение с костей и утолю жажду крови в священной битве».

Остальные Астартес, по прихоти мертвых стоя дугацкими рядами, одобрительно кричали. Им нравилось все это.

Приам молчал, глотая поднимавшуюся в горле желчь. В тот момент он понял --- с ясностью более острой, чем когда-либо, --- что отличается от братьев. Они беспокоятся о проливаемой крови, словно этот пафосный жест что-то значит.

Эти воины, называвшие его тщеславным, слепы и не видят истину: во славе нет ничего тщеславного. Он не безрассуден, он просто верит, что его сил хватит, чтобы принять любой вызов. Так сделал и великий Сигизмунд, первый верховный маршал Черных Храмовников. Разве это слабость? Разве это порок ---

следовать примеру основателя ордена и любимого сына Рогала Дорна? Как это может быть пороком, если деяния и слава Приата уже стали затмевать достижения братьев?

Какое-то движение вперед.

Приат прищурился, наводя взглядом захваты целеуказателей на некие грубые очертания во тьме широкого неосвещенного коридора.

Трое зеленокожих, чья плоть источала жирный грибной запах, доносившийся до рыцаря с дюжины метров. Они лежали и ждали в засаде, веря, что хорошо спрятались за упавшими переборками и наполовину уничтоженной дверью.

Приат услышал, как они ворчат друг другу, что считается на их глупом языке шепотом.

Это лучшее, что они могут сделать. Вот какой оказалась их засада на воинов, созданных по образу и подобию Императора. Рыцарь безмолвно выругался и бросился вперед.

Артарион облизнул стальные зубы. Я слышал это, даже несмотря на то, что на нем был шлем.

--- Приам? --- позвал он.

Вокс отозвался тишиной.

В отличие от мечника, я был не одинок. Я шел с Артарионом, и мы вдвоем прокладывали себе путь через инжиниринг. Сопротивление слабое. Большая часть пути пока что состояла в отбрасывании с дороги трупов ксеносов или истреблении оставших одиночек.

Большинство Храмовников отправились в пустоши на «Рино» и «Лендрейдерах», чтобы догнать выживших в крушении. Я обрисовал им задачи и приказал охотиться. Лучше, чтобы зеленокожие умерли сразу, чем позволить им залечь где-нибудь в укрытии и присоединиться потом к диким сородичам. Я взял всего несколько воинов в разбившийся крейсер, чтобы исследовать его остров.

--- Оставь его, --- велю я Артариону. --- Позволь поохотиться. Сейчас ему нужно побыть одному.

Артарион помолчал, прежде чем ответить. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять, что он хмурится.

--- Ему нужна дисциплина.

--- Ему нужно наше доверие. --- Мой тон положил конец дальнейшим дискуссиям.

Корабль разбит на куски. Пол неровный, разорван и смят при падении. Мы завернули за угол, сапоги звонко стучат по наклонной палубе, когда мы направляемся к охлаждающей камере плазменного генератора. Огромное, словно молотвенный зал в соборе, обширное помещение занято металлическими цилиндрами, заключающими в себе древнюю технологию, позволявшую регулировать температуру и охлаждать двигатели корабля.

Я не вижу ничего живого. И не слышу. Как вдруг...

--- Чувствую запах свежей крови, --- сообщаю по вокс-связи Артариону. --- Выживший все еще истекает кровью.

Я указываю крошечным в сторону внутренней охлаждающей башни.

Стоит мне нажать на активирющую
ручку, и булаву окутывают молнии.

--- Там прячется ксенос.

Выживший едва ли заслуживает
такого определения. Он лежит под
металлическими балками, пронзенный в
живот и пришпиленный к полу. Когда мы
подходим, он лающим голосом кричит,
используя зачаточные знание готика. Судя
по луже остывающей крови,
растекающейся из-под искаленного тела,
жизнь зеленокожего оборвется через пару
минут. Звериные красные глазки не
отрываются от нас, свиноподобное лицо
искажено гневом.

Артарион поднимает цепной меч,
запускает мотор. Зубья завывают, вспарывая
воздух.

--- Нет.

Сначала брат-рыцарь оцепенел, не
поверив своим ушам. Его взгляд метнулся
ко мне.

--- Что ты сказал?

--- Я сказал, --- я приближаюсь к
утиращему орку, смотря вниз через
маску-череп, --- нет.

Артарион опустил меч, зубья
неохотно остановились.

— Они всегда кажутся мне совершенно
невосприимчивыми к боли, — говорю я,
понижив голос до шепота. Ставлю сапог на
кровоточащую грудь существа. Орк на
меня клацнул челюстями, выхаркивая
кровь, что бежит из разорванных легких.

Артарион наверняка расслышал
устешку в моем голосе.

— Ну нет. Посмотри в его глаза,
брат.

Знаменосец повинуется. Понимаю по
его замешательству, что он не замечает
того, что вижу я. Он смотрит вниз, но не
видит ничего, кроме бессильной злости.

— Я вижу ярость, — говорит он. —
Разочарование. Даже не ненависть. Только
гнев.

— Тогда взгляни получше.

Я надавливаю ногой посильнее. Ребра
хрустят с таким звуком, словно одна за
другой ломаются сухие ветки. Орк вопит,
пуская кровавые слюны и огрызаясь.

— Видишь? — спрашиваю я, зная, что
устешка все еще чувствуется в моем

голове.

--- Нет, брат, --- ворчит Артарион. ---
Если тут и есть урок, то я к нему глух.

Я поднял ногу, позволив орку
выкашлять остатки жизни из заполненной
кровью утробы.

--- Я видел это в глазах твари. Мудрость
поражения. Его нервы могут быть
нечувствительны к физической боли, но
то, что у него вместо души, способно
страдать. Зависеть от милости врага...
Посмотри на его лицо, брат. Посмотри, он
утирает так, потому что мы смотрим на
столь бесславный его конец.

Артарион смотрит и, я думаю,
возможно, тоже это видит. Однако
зрелище не завораживает его так, как
меня.

--- Дай мне покончить с этим, ---
говорит он. --- Его существование
оскорбляет меня.

Я качаю головой. Так не пойдет.

--- Нет. Его жизнь оборвется в
считанные минуты. --- Я чувствую, что
взгляд утирающего чужого не отрывается
от моих красных линз. --- Пусть он умрет в

этой боли.

Неровар помедлил.

--- Неро? --- позвал через плечо Кагор. ---

Ты что-нибудь видишь?

Апотекарий движением век кликнул по нескольким визуализирующим рунам на ретинальном дисплее.

--- Да. Что-то вижу.

Всвоем они общаривали разрушенные каюты инжинериума уровнем ниже, чем Гримальд и Артарион. Неровар нахмурился, смотря на бегущие перед глазами показания. Потом взглянул на большой нартециум, встроенный в предплечье левой руки.

--- Ну так просвети меня, --- промолвил Кагор столь же неприятным голосом, как всегда.

Неровар ввел код, нажимая разноцветные кнопки дисплея на облаченном в броню предплечье. Рунический текст мелькал с такой скоростью, что размывался.

--- Это Приам.

Кагор с ворчанием согласился. Этот

воин не доставлял ничего, кроме проблем.

--- Что, как всегда?

--- Я не вижу его жизненных показателей.

--- Такого не может быть, ---
растеклся Кагор. --- Здесь? Среди всего
этого сброса?

--- Я не ошибаюсь, --- ответил Неровар.
Он активировал общий канал отряда. ---
Реклюзиарх?

--- Говори. --- Голос капеллана звучал
несколько ступенно и слегка удивленно. ---
В чем дело?

--- Я потерял жизненные показатели
Приата, сэр. Ничего, полное отсутствие.

--- Немедленно проверь.

--- Проверено, реклюзиарх.
Удостоверился до того, как связаться с
вами.

--- Братья, --- голос капеллана внезапно
стал ледяным, --- продолжайте поиски и
уничтожайте врагов.

--- Что? --- Артарион не мог не
вмешаться. --- Нам нужно...

--- Помолчи. Приата найду я.

Рыцарь не понял, чем в него попали.

Зеленокожие высыпали из своих убежищ в темноте, один из них нес тяжелую мешанину обломков, лишь отдаленно напоминавшую оружие. Приам убил одного, смеясь над тем, как исторщилась торга твари, когда та рухнула на пол, и напал на следующего ксеноса.

Оружие из обломков рывнуло в руках зеленокожего. Окутанный потрескивающей энергией коготь вылетел из странного приспособления и вонзился в грудь рыцаря. Тело Приама пронзила острая боль, когда волокна его доспеха, соединенные с мускулами и костями, затрещали.

А затем внезапно почернел визор. Доспех превратился в безжизненную грудную броню, лишенную мощности. Они дезактивировали его доспех.

--- Кровь Дорна...

Приам сорвал шлем как раз вовремя, чтобы увидеть, как орк копается в своем оружии, похожем на примитивную пусковую установку, стреляющую металлическими болванками. Коготь,

вонзившийся в нагретую пластину и осквернивший крест Храмовников, все еще был соединен с устройством при помощи кабеля. Приам поднял клинок, чтобы рассечь эту связь, но орк, торжествующе захохотав, дернул второй рычаг.

На этот раз направленная энергия не только перегрузила электронные системы доспеха. Она выжгла нервные соединения и мышечные интерфейсы, заставив воина судорожно скорчиться.

Как и все Астартес, благодаря генным изменениям Приам был способен вытерпеть любую боль, какую только могли причинить ему враги человечества. Но сейчас он готов был даже закричать, только не смог. Его мышцы свело судорогой, челюсти сжались, попытавшийся вырваться крик стиснутые зубы превратили в вой.

Приам рухнул на землю спустя четырнадцать секунд после полученного удара.

Зеленокожие столпились над телом Астартес.

Утүдүрүшүшүсү повергнүтү врага, они, казалось, понятия не имели, что делать с добычей. Один крутит в неуклюжих руках черный шлем моего брата. Если тварь задумала превратить броню Приама в трофей, она заплатит за такое святотатство.

Идя по темному коридору, я веду булавой по стене — изукрашенная ударная часть оружия клцает по стальным аркам. Я не собираюсь прятаться.

— Приветствую, — выдыхаю через маску-череп.

Твари поднимают отвратительные свирепые морды, челюсти отвисают, обнажая ряды острых зубов. Один из врагов держит тяжелую мешанину осколков и обрезков, явно служащую оружием.

Она выстреливает... чел-то... в меня. Мне все равно чем. Ударом деактивированной булавы я отбиваю снаряд. Звон металла эхом наполняет коридор, и тогда я нахожу руну на рукояти крозиуса. Булава ожила, сверкая энергией, и я направляю ее на ксеносов.

— Вы остелились явиться во владения

человечества? Вы смеете разносить свою порчу на наши миры?

Они не ответили на вызов. Вместо слов твари кинулись на меня, поднимая тесаки; примитивное оружие, по статистике их примитивным натурал.

Когда они добегают до меня, я смеюсь.

Гримальд взмахнул булавой, держа ее двумя руками, и отбрасывая первого противника прочь. Потрескивающее силовое поле кроууса ярко вспыхнуло, прибавив свою энергию к кинетической, и еще больше усилило и так нечеловечески мощный удар. Зеленокожий уже был мертв, а его голова просто расщепилась на атомы, когда труп отлетел назад по коридору и врезался в поврежденную переборку.

Второй попытался улизнуть. Поняв, что он развернулся и по обезьяньи неуклюже побежал в ту сторону, откуда появился.

Но Гримальд был проворнее. Он поймал тварь через долю секунды, схватил облаченными в перчатку пальцами

бронированный воротник существа и ударил его о стену коридора.

Барахтаясь в мертвой хватке рыцаря, ксенос испустил череду ругательств на готике.

Гримальд вцепился в шею орка, черными перчатками сжимая, душа и сокрушая кости.

--- Ты смеешь осквернять язык чистой расы... --- Он вновь ударил чужого, раскрыв ему голову о стальную стену.

Зловонное дыхание зеленокожего окружило лицевую пластину шлема Гримальда, когда попытка орка взреветь переросла в панический визг.

--- Ты смеешь осквернять наш язык?

Он еще раз впечатал башку зеленокожего в стальную балку.

Орк перестал сопротивляться и с глухим стуком рухнул на металлический пол.

Приам.

Гнев утихал. Реальность заявляла о себе с холодной ясностью. Приам лежал на полу, повернув голову набок. Лицо заливала кровь. Гримальд подошел к нему,

там, в темноте, преклоняя колени.

--- Неро, --- негромко сказал он.

--- Реклюзиарх, --- отозвался молодой рыцарь.

--- Я нашел Приама. На пути к корме, четвертая палуба, третий основной коридор.

--- Уже в пути. Состояние?

Целеуказатели визора Гримальяда сфокусировались на неподвижном теле брата, а затем на странном оружии, которое сжимал один из убитых им орков.

--- Его ранили чем-то вроде силового разрядника. Броня дезактивирована, но он дышит. Оба сердца бьются.

Последний аспект был самым важным в состоянии поверженного рыцаря. Если резервное сердце начало биться, значит, рана была серьезной.

--- Три минуты, реклюзиарх. --- Вместе со словами донесся грохот огня из болтера.

--- Кагор, какое сопротивление?

--- Ничего стоящего.

--- Одиночки, --- пояснил Неровар. ---

Три минуты, реклюзиарх. Не больше.

Они уложились в две. Когда Неровар и Кагор припечались на место, от них шел химический запах боевых стимуляторов, содержащихся в крови, и острая вонь нагретых от выстрелов болтеров.

Аптекарий опустился рядом с Приатом, осматривая раненого брата при помощи медицинского аускультосканера, который был встроен в предплечье с нартециумом.

Гримальд посмотрел на Кагора. Самый старый член отряда перезаряжал болт-пистолет и переговаривался по воксу.

— Говори, — сказал капеллан. — Я хотел бы услышать твои мысли.

— Ничего, сэр.

Гримальд вдруг понял, что сжал глаза и стиснул зубы. Он почти повторил слова как приказ. Но его остановила не вежливость, а дисциплина. Он был не простым рыцарем, чтобы давать волю страстям. Как капеллан, он придерживался гораздо более строгих норм. Сделав над собой усилие, он холодно произнес:

--- Поговорим об этом позднее. Я не сплю и вижу твою напряженность.

--- Как скажете, реклюзиарх, --- отозвался Кагор.

Приат открыл глаза и сделал две вещи одновременно: дотянулся до своего меча, все еще прикованного цепью к запястью, и процедил, едва открывая рот:

--- Вот сволочи. Они попали в меня.

--- Какой-то вид нервно-паралитического оружия. --- Неровар все еще сканировал брата. --- Атаковало твою нервную систему через интерфейс передачи брони.

--- Отойдите от меня, --- сказал рыцарь, поднимаясь на ноги. Неровар протянул ему руку, но Приат оттолкнул ее. --- Я сказал, отойдите!

Гримальд вручил рыцарю его шлем.

--- Если закончил с разведкой в одиночку, возможно, ты теперь останешься с Неро и Кагором.

Пауза, последовавшая за словами капеллана, была заполнена горечью Приата.

--- Как пожелаете, мой повелитель.

Когда мы выбирается из разбившегося корабля, бледное солнце только начинает вставать, пронизывая тусклыми лучами занятанный облаками небосвод.

Остальные мои силы, сотня рыцарей Крестового Похода Хельсрич, собрались в пустоши вокруг металлических останков корабля.

Три «Лендрейдера», шесть «Рино», воздух вокруг них грозит от работы двигателей на холостом ходу. На какой-то миг мне кажется, что эта жалкая охота настелила даже наши танки.

На моем визоре прокручиваются доклады командиров отделений об успешной охоте. Простая ночная работа, не более, но смертные за городскими стенами получили первую кровь, которой они так сильно желали.

— Ты не радуешься, — сказал Артарион по вокс-связи мне, и только мне.

— Слишком мало очищено от грязи, слишком мало очищено от грехов.

--- Долг не всегда славен и блистателен, --- сказал он, и я подумал, не имеет ли он в виду нашу ссылку на эту планету.

--- Я полагаю, вы намекаете, что мне это пойдет на пользу?

--- Возможно. --- Он карабкается на наш «Лендрейдер», все еще разговаривая со мной. --- Брат, унаследовав мантию Мордгеда, ты изменился.

--- Глупости.

--- Нет. Выслушай меня. Мы разговаривали: Кагор, Неро, Бастилан, Приат и я. И ты слушали, что говорят другие. Мы все должны привыкнуть к этим изменениям, и мы все должны выполнять свой долг. Твоя тьма распространяется на весь Крестовый Поход. Сотня воинов, и все боятся, что огонь в твоем сердце исчез, оставив лишь тлеющие угли.

На мгновение его слова озвучили правду. Моя кровь холодна. Сердце слишком ровно бьется в груди.

--- Реклюзиарх, --- сквозь потрескивания пробился голос по воксу. Я

не сразу узнал его — слова Артариона
занимали все мои мысли.

— Гримальд. Говори.

— Реклюзиарх. О Трон Бога-
Императора... Это в самом деле
началось. — В голосе полковника Саррена
звучит благоговение и почти страстное
нетерпение.

— Уточни, — велю я ему.

— Флот Армагеддона отступает.
Флот Астартес следует за ним. — Голос
полковника пропадает в шуме полых, но
затем возвращается. — Обрушились на
систему орбитальной обороны. Уже
пробиваются через нее. Началось.

— Мы немедленно возвращаемся в
город. Были какие-нибудь сообщения от
«Вечного крестоносца»?

— Да. Планетарная вокс-сеть
пытается справиться с нагрузкой. Мне
переслать сообщение вам?

— Немедленно, полковник.

Я забираюсь внутрь и захопываю за
собой боковой люк «Лендрейдера». Внутри
танка все залито приглушенным светом
аварийных лампочек. Я оставался с моим

отделением, схватившись за поручни над головой, когда машина тронулась с места.

Наконец, соединив несколько вокс-каналов, я услышал слова верховного маршала Хельбрехта, брата, плечом к плечу с которым сражался столь долго. Его голос, даже в записи низкого качества, передавал ощущение его присутствия.

— Хельсрич, это «Крестоносец». Мы отступаем от планеты. Война на орбите проиграна. Повторяю: орбитальная война проиграна. Гримальд... когда ты услышишь эти слова, будь готов. Ты наследник Мордгедга, и я верю в тебя. Грядет ад, брат. Враг могуч, его флот не имеет числа. Но вера и ярость помогут тебе исполнить свой долг.

Я мысленно выругался, не желая выказывать злость. И безмолвно поклялся, что никогда не прощу маршалу этого изгнания... Будь я проклят, если умру напрасно.

За словами Хельбрехта я слышу какофонию ужасающего обстрела. Глухие взрывы, ужасная громоподобная грожь, --- щиты «Вечного крестоносца» были

пробиты, когда отправлялось это
сообщение. Я не мог припомнить ни одного
врага за всю историю, который бы сумел
причинить такой урон нашему флагману.

--- Гримальд, --- важно, с ледяной
холодностью произносит Хельбрехт мое
имя, и его последние слова обидно ранят
меня: --- Умри достойно.

ГЛАВА VJ

Высадка на планету

Гримальд смотрел, как извергалась на Хельсрич ярость.

Они прошли сквозь утренние облака, эти массивные транспортные суда, испещренные полосами пламени после вхождения в атмосферу и царапинами от схватки с орбитальной защитой.

Громоподобные посылки вздрагивали, пока их двигатели изрыгали огонь, замедляя ход перед посадкой. Они приходили из-за горизонта или спускались из облачного покрова вдалеке от города. Темноногие, что пролетали достаточно близко, чтобы их смогли достать защитные платформы города, подверглись ужасающим залпам и были разрушены с такой быстротой и силой, что пламенеющие обломки дождем сыпались на улицы.

Рыцарь стоял вместе со своим отрядом, положив руки на зубцы стены, и смотрел, как массивные корабли садились

в северных пύстошах. Имперские истребители всех типов и моделей быстро проносились между неторопливыми транспортами, используя все свое вооружение, с минимальным результатом. Корабли были слишком велики, чтобы оружие истребителей как-то им повредило. Но мере того как все больше инопланетного хлама прорывало ядовито-желтый облачный покров, появились и вражеские истребители. Барасаи и эскадрильи «Молний» перехватывали их в воздухе, нанося удары.

По всему городу, заглушаемая яростным грохотом зенитных установок, была сирена вперемежку с автоматическими объявлениями, требовавшими, чтобы каждая душа бралась за оружие и каждый человек был на отведенной ему позиции.

На стенах.

На начальной стадии вторжения защитники Хельсрича должны были находиться на городских стенах и быть готовыми отразить первые атаки. Сотни тысяч солдат и ополченцев несли

дежурство на стенах высотой с титанов.

Несколько чересчур самоуверенных порочных судов решили приземлиться в самом городе. Орудийные башни, пушки на стенах и батареи на крышах зданий пресекли их наглую попытку. Самые удачливые смогли продержаться достаточно долго для того, чтобы вылететь за стены и рухнуть в пустошах. Но большинство были разнесены в клочья непрерывным огнем и обрушились на землю, объятые пламенем.

Отряды гвардейцев, расквартированные по улью и специально отобранные для этой задачи, двинулись к подбитым судам, уничтожая выживших ксеносов. По всему городу пожарные команды тушили пожары.

Гримальд осмотрел стены. По обе стороны плотными группами стояли тысячи людей, одетых в охристую униформу Стального легиона. Это был не 101-й легион Саррена. Подчиненные полковника остались в командном центре и были рассредоточены взводами по городу в ключевых для защиты местах.

Слова Артариона все еще пылали в голове капеллана.

--- Братья, --- позвал реклюзиарх по вокс-связи, --- ко мне.

Рыцари подошли ближе: Неровар, молчаливо наблюдавший за далекими посажками кораблей; Приат --- уже с клинком в руке, лезвие покоится на наплечнике; Кагор, проявляющий невиданное терпение; Бастилан, мрачный и молчаливый; и Артарион, державший знамя Гримальда, единственный без шлема. Казалось, он наслаждался взглядами, которые кидали на его иссеченное шрамами лицо солдаты-люди. Время от времени рыцарь ухмылялся им, демонстрируя металлические зубы.

--- Надень шлем, --- протолвил Гримальд, его слова вырываются из динамика низким рычанием.

Артарион со стешком подчиняется.

--- Мы должны поговорить, --- сказал реклюзиарх.

--- Ты выбрал для этого не самый удачный момент, --- устехнулся Артарион --- стена под их ногами вновь вздрогнула.

когда пушки изрыгнули очередной залп огня во вражеский скрап-крейсер, ревавший в небе.

--- Город пробудился и исполняет свой долг, --- протолвил Гримальд. --- Время и мне сделать то же самое.

Рыцари стояли и смотрели, как транспорты ксеносов осуществляли посадку в нескольких километрах от города. Даже с такого расстояния Храмовники видели, как орды зеленокожих изливались из приземлившихся кораблей.

Донесения перекрывали друг друга по вокс-связи, говоря об аналогичных высадках к востоку и западу от города.

--- Говорите, --- потребовал Гримальд в ответ на дружное молчание братьев.

--- Что ты хочешь, чтобы мы сказали, реклюзиарх? --- спросил Бастилан.

--- Правду. Ваш взгляд на этот Крестовый Поход и его начало.

Корабль орков, пролетевший над ними пару минут назад, теперь неспешно снижался в пустошах с рычащей, сотрясающей землю мощью. Он врезался в землю, подняв облако пыли и пламени, и

Хельсрич вздрогнул до самого основания.

На стенах раздался дружный крик --- тысячи солдат радостно завопили.

--- Мы защищаем крупнейший город на планете вместе с сотнями тысяч солдат, --- сказал Кагор. --- А также с бесчисленными опытными офицерами Гвардии и ополчения. И у нас есть Инвизилата.

--- И каково твое мнение? --- спросил Гримальд, смотря, как полыхал разбившийся корабль. --- Думаешь ли ты, что этого хватит, чтобы выдержать осаду?

--- Нет, --- отозвался Кагор. --- Мы утрем здесь, но я не это хотел сказать. Я считаю, что у армии и без нас имеется командование.

Бастилан присоединился к брату:

--- Гримальд, ты не генерал. И послан сюда не для того, чтобы стать им.

Реклюзиарх кивнул, его разум, отпрешаясь от пожара в пустошах, вернулся к бесконечным совещаниям и встречам командующих, на которых смертные просили его присутствовать.

Он считал участие в этих заседаниях своим долгом, дабы держать под контролем ситуацию в улье. Но, высказав это братьям, встретил лишь ухмылки.

Капеллан смотрел, как расплзалось болото зеленокожих, по мере того как приземлялось все больше и больше ксеносов. Казалось, от их числа потемнело само небо. Словно стальные жуки, они заражали пустоши, извергая из себя полчища ксеносов.

— Мой долг был изучить каждую душу, каждое оружие, каждый метр улья. Но я ошибся, братья. Верховный маршал послал меня сюда не для командования.

— Я знаю, — мягко произнес Артарион, тронутый переменой в голосе Гримальда. Реклюзиарх почти стал самим собой.

— До того момента, когда я сам взглянул на врага, я не мог смириться с мыслью, что умру здесь. Я был... взбешен... тем, что Хельбрехт обрек меня на эту ссылку.

— Как и все мы, — ухмыльнулся Приат. — Но мы создадим здесь легенду.

реклезиарх. Мы заставим верховного
маршала запомнить тот день, когда он
отправил нас сюда утирать.

«Хорошие слова, --- подумал
Гримальд. --- Подходящие».

--- Он и так не забудет тот день. Но
нужно не его заставить запомнить
Крестовый Поход Хельсрич, --- капеллан
кивнул в сторону собиравшейся армии, --- а
их.

Гримальд посмотрел направо и влево.
Стальной легион выстроился рядами,
наблюдая, как скапливаются твари на
равнинах. Реклезиарх вновь повернулся к
врагу, и по его губам зазмеилась коварная
улыбка.

--- Это Гримальд из Черных
Храмовников, --- произнес он в вокс. ---
Полковник Саррен, ответьте.

--- Я здесь, реклезиарх. Командир
Барасат докладывает...

--- Потом, полковник. Потом. Я
смотрю на врага. Их десятки тысяч, и с
каждой минутой количество
увеличивается. Они не будут ждать, пока
приземлятся все их развалюхи-титаны.

Эти твари жаждут кровопролития. Первый удар придется на северную стену в течение следующей пары часов.

--- Со всем уважением, реклюзиарх, но как они доберутся до стен без титанов, что смогут их разрушить?

--- Реактивные ранцы и лестницы, чтобы забраться наверх. Артиллерия, чтобы проделывать в стенах бреши. Они сделают все, что только могут, и так скоро, как смогут. Эти твари были недели, а возможно, и месяцы заперты в своих посудинах. Не ждите от них здравого смысла. Ждите безумия и ярости.

--- Понял. Я прикажу эскадрильям Барасата подготовиться к бомбардировке вражеской артиллерии.

--- Я бы предложил то же самое, полковник. Ворота, Саррен. Мы должны следить за воротами. Стена крепка, но это ее слабейшее место. Они придут к северным воротам со всем, что имеют.

--- Подкрепления уже перенаправлены к...

--- Нет.

--- Простите, что?

— Вы меня слышали. Мне не нужно подкрепление. У меня здесь пятнадцать рыцарей и целый полк Стального легиона. Я сообщу вам, по мере развития событий. — Гримальд отключил вокс прежде, чем Саррен успел возразить.

Хратовник еще несколько минут смотрел, как скапливался враг вдали, и слушал болтовню стоявших неподалеку гвардейцев. Люди вокруг него носили отличительные знаки 273-го Стального легиона. На погонах красовался черный стервятник, сжимавший в когтях имперского орла.

Реклюзиарх закрыл глаза, припоминая сведения об этих воинских частях. 273-й полк. «Пустынные Трифы». Их командиром был полковник Ф. Насетт. Следующими по рангу — майоры К. Джоан и В. Орос.

В отдалении слышались громкие вопли. Тысячи и тысячи орков выпускали боевой клич.

Они решили нападать.

Рядом ревели собранные из мусора транспортные средства. Машины гля-

переброски пехоты, украденные у
Ципериума и соответствующим образом
полотанные в духе «усовершенствования»,
рычащие танки, уже стрелявшие
снарядами, которые падали вдали от
городских стен; даже колоссальные
чудища, размером с разведывательных
титанов, с обшарпанными
металлическими паланкинами на
качающихся спинах, набитыми ревущими
орками.

— У нас есть шестнадцать минут,
прежде чем они окажутся в зоне поражения
настенных орудий, — сказал Неровар. — У
двадцать две, прежде чем они достигнут
ворот, если не изменится скорость их
движения.

Гримальд открыл глаза и вздохнул.
Люди негромко переговаривались. Они
были тренированными и закаленными в
боях ветеранами, но генетически
улучшенные чувства Гримальда все равно
улавливали запах холодного пота и
учащенное от страха дыхание в их
респираторах. Ни один смертный не мог
бы остаться спокойным при виде

катящихся на него орг зеленокожих. Даже без мощных военных машин первая атака орков была впечатляющей.

Но город был готов. Пришло время встретиться с тем, ради чего капелланы и послали сюга.

Гримальд шагнул вперед.

Ветер был сильным — следствие нарушения атмосферы из-за столь большого числа тяжелых кораблей, опускавшихся на планету, — но, несмотря на мощный шквал, трепавший шинели солдат-людей, реклюзиарх оставался непоколебимым.

Он шел вдоль края стены, держа наготове оружие. Катюшки генератора в задней части плазменного пистолета светились ядовитым светом, и крошечная булава искрил смертоносной силой. Солдаты не отрывали от него глаз. Ветер трепал его табард и пергаментные свитки, прикрепленные к броне. Сам реклюзиарх не обращал ни малейшего внимания на ярость стихии.

— Вы видите это? — негромко спросил он.

Сначала ответом ему было молчание. Гвардейцы лишь обменялись нерешительными взглядами. Им было неуютно от присутствия капеллана, да и поведение его сбивало их с толку.

Теперь уже все взгляды были прикованы к нему. Гримальд указал булавой на приближавшихся врагов. Тысячи тварей. Десятки тысяч. И это только начало.

— Вы видите это? — прорычал он, обращаясь к людям. Ближайшие ряды вздрогнули от механического рыка, который с почти оглушающей громкостью вырвался из шлема-череп.

— Ответьте мне!

Несколько грожащих кивков в ответ.

— Да, сэр... — выгавила горстка воинов, лица говоривших было не вычленишь из безликих рядов солдат в масках-респираторах.

Гримальд вновь повернулся к пустошам, потемневшим от собравшихся в хаотичные шеренги врагов. Сначала его шлем издал низкий, искаженный восклицательный стешок. Через несколько секунд рыцарь уже

стелся, стелся в пылающие небеса, все так же направляя крозиус-булаву на врага.

— Все вы так же оскорблены, как и я? Вездь это все, что послали против нас!

Он повернулся обратно к людям, слух стих, но изумление все так же наполняло его речь, даже через коммуникатор шлема, сделавший голос совершенно нечеловеческим.

— Это и есть то, что они послали? Этот сброс? Мы защищаем один из могущественнейших городов на этой планете. Ярость его орудий в пламени низвергает врагов с небес на землю. Нас тысячи, наше оружие не имеет числа, правда наша бесспорна, и наши сердца гонят храбрость по нашей крови. И вот эти нападают на нас?

Братья и сестры... Целый легион нищих инопланетных подонков ползет к нам через равнину. Простите меня, когда наступит подходящий момент и они будут склится и потеть под нашими стенами. Простите меня, когда я прикажу вам тратить боеприпасы на этих ничтожеств.

Гримальд сделал паузу, наконец опустив оружие, и повернулся спиной к захватчикам, словно утомленный их присутствием. Все его внимание было теперь сфокусировано на солдатах.

— Я слышал, как многие шепотом произносили мое имя с тех пор, как я прибыл в Хельсрич. Я спрашиваю вас: вы знаете меня?

— Да, — ответили несколько голосов, несколько среди сотен.

— Вы знаете меня? — прорычал рыцарь, перекрывая грохот пушечной стрельбы.

— Да! — прозвучал целый хор.

— Я Гримальд из Черных Храмовников! Брат Стальных легионов этого непокорного мира!

Слабые крики приветствовали его слова. Недостаточно, но уже что-то.

— Никогда больше ваши действия не будут столь важны. Никогда вы не послужите так, как сейчас. Мы — защитники Хельсрича. В этот день мы вырезаем нашу легенду на трупе каждого убитого нами ксеноса. Вы со мной?

Теперь ликование стало искренним.

Крики солдат сотрясли воздух.

--- Вы со мной?

Вновь рев.

--- Сыны и дочери Империи! Наша кровь --- это кровь героев и мучеников! Ксеносы остелились осквернить наш город! Они ищут наглость ступить по священной земле нашего мира! Мы сбросим их трупы с этих стен, когда придет рассвет последнего дня!

Громкие крики волнами врезались в его броню. Гримальд поднял булаву, грозя атаковать небеса.

--- Это наш город! Это наш мир! Скажите это! Скажите это! Выкрикните это так, чтобы эти ублюдки на орбите услышали вашу ярость! Наш город! Наш мир!

--- НАШ ГОРОД! НАШ МИР!

Вновь ликование. Гримальд обратился к приближавшимся ордам:

--- Бегите, чужеродные псы! Идите к нам! Идите к нам! Придите и умрите в крови и огне!

--- В КРОВИ И ОГНЕ!

Реклюзиарх прорезал воздух
крозиусом, словно приказывая своим людям
наступать.

--- За Храмовников! За Стальной
легион! За Хельсрич!

--- ЗА ХЕЛЬСРИЧ!

--- Громче!

--- ЗА ХЕЛЬСРИЧ!

--- Они не могут слышать вас, братья!

--- ЗА ХЕЛЬСРИЧ!

--- Бросайтесь на эти стены,
уродливые шакалы! Утрите на наших
клинках! Я Гримальд из Черных
Храмовников, и я сброшу ваши мерзкие
труны с этих священных стен!

--- ГРИМАЛЬД! ГРИМАЛЬД!
ГРИМАЛЬД!

Гримальд кивнул, не отрывая взгляда
от пустошей, позволяя радостным крикам
стесаться с ревущим ветром и зная, что
тот донесет крики до приближающихся
врагов.

Голос по вокс-связи выдернул его из
задумчивости.

--- Впервые со времени нашего
прилета, --- промолвил Артарион, --- ты

стал самим собой.

— У нас здесь война, — ответил капеллан. — С прошлым покончено. Неро, сколько времени в запасе?

Апотекарий склонил набок голову, несколько мгновений созерцая полчища врагов.

— Шесть минут до зоны досягаемости настенных орудий.

Гримальд встал среди гвардейцев. Продолжая славить имя рыцаря, они тем не менее почтительно отступили от него на полшага.

— Грифы! — позвал он. — Я должен поговорить с полковником Наметтом и майорами Оросом и Ёоханом. Где ваши офицеры?

Много чего может случиться за шесть минут, особенно если кто-то располагает силами целого города крепости.

Дюжины серых истребителей 5082-й эскадрильи «Рожденных в небе» несутся над вражескими ордями, обрушивая на них смертоносный огонь. Застрекотали

автоматы, поливая металлом врагов. Лазеры испускают лучи, от яркости которых слепнут глаза, уничтожая немногочисленные тяжелые танки, представленные в этой первой атаке оков.

Гримальд стоял на стене с оружием в руках, наблюдая, как «Громы» и «Молнии» Барасата сеяли с небес опустошение и смерть. Он был ветераном двух сотен войн. И с холодной ясностью осознавал, когда что-либо оказывалось бесполезным.

Каждая вражеская смерть облегчает нашу задачу, думал он, заставляя себя верить в это, пока безбрежное море врагов подкатывалось все ближе.

Приат также остался равнодушным.

--- В лучшем случае действия Барасата не эффективнее плевков в волну прилива.

--- Каждая смерть на счету, --- возразил Гримальд. --- Каждая жизнь, отнятая там, означает меньше врагов, нападающих на стены.

Грохотное чудовище, этакий матонг в броне, заревел, обрушиваясь на землю.

когда брюхо и ноги ему прорезало очередью из лазпушки. Орки вывалились из паланкина, исчезая в пучине ревущего войска. Гримальд молился, чтобы тварей раздавили их же собратья.

На его ретинальном дисплее красным затерцали руны обратного отсчета.

Он возгел крозиус.

Вдоль северной стены сотни бочкообразных башен начали наводиться на цели. Скрипя механизмами, они принимали горизонтальное положение, оставляя город уязвимым сверху.

Вокруг каждой башни в готовности стояло по группе солдат — заряжающие, наводчики, вокс-связисты, агьютанты, все в ожидании приказа.

— Настенные орудия, — по воксу сообщил Гримальду Неро. — Теперь настенные орудия.

Реклюзиарх рассек воздух сверкающей булавой, выкрикнув лишь одно слово:

— Огонь!

Кратеры разверзлись в ордах врага.

Ужасные взрывы, разбрасывая грязь, осколки металла, куски тел и внутренностей, ежесекундно сотрясали землю. Канониры Хельсрича просто не могли промахнуться, имея перед собой сплошную стену из вражеских тел.

Тысячи умерли при первом залпе. Но еще больше продолжало наступать.

--- Перезарядить! --- рявкнула в вокало одинокая фигура в черных доспехах.

Сами стены вновь вздрогнули, грозя обрушиться. Пронеслась через роксит, когда раздался залп второй. И третий. И четвертый. Для вменяемой армии подобное уничтожение равнялось бы катастрофе. Потеряв целые легионы, уцелевшие наверняка обратились бы в бегство.

Но ксеносы, обезумевшие от крови и хаоса, выкрикивающие во всю глотку свои боевые кличи, даже не заметили движения. Они проигнорировали своих убитых, затоптали раненых и волной обрушились на стены.

Не имея в распоряжении ничего, способного сокрушить многометровые по толщине ворота северной стены, обезумевшие твари начали карабкаться

вверх.

Я всегда верил, что в первых мгновениях битвы есть нечто прекрасное. Это время самого сильного накала эмоций: страха смертных, пугающей жажды крови и воплей врагов человечества. Безупречность человеческой расы — это первое, что открывается противнику в такой миг.

Организованным порядком сотни солдат Стального легиона выступили вперед. Они двигались, словно части единого целого. Слобно отражение, растянувшееся до бесконечности, каждый мускула и женщина в линии подняли свои лазганы над стеной и направили вниз, на вопящие и цепляющиеся волны зеленокожих. Ксеносы подтягивались на когтях, карабкались по лестницам и шестам, поднимались на завывающих прыжковых ранцах.

И все это было тщетно.

Треск тысяч лазганов, сливаясь воедино, сплетался в песнь, странным образом воскрешавшую воспоминания. Песнь

о дисциплине, о вызове, силе и доблести. Более того, в первый раз защитники смогли излить свою ярость на нападающих. Каждый солдат в строю давит на курок, и лазерные винтовки рывкают, плюясь смертью. Лазерные разряды вонзаются в зеленую плоть, разрывая тела на куски, отшвыривая орков на землю далеко внизу, чтобы там их затоптали сапоги их же сородичей.

Истребители Барасама снуют в небе, их орудия, заикаясь, все еще поливают огнем врагов. Но цели изменились --- теперь пилоты чаще обрушивают ярость на самоходную артиллерию, что только теперь добралась до наступающей армии.

Я смотрю, как сбивают первый из наших истребителей. Противовоздушный огонь ведет похожая на кучу хлама «Гидра», два ее оставшихся ствола отслеживают группу «Молний». Взрыв почти незаметен --- раздается приглушенный хлопок, когда детонируют полные баки, и визг двигателей, когда истребитель по спирали падает вниз.

Его крылья оторваны. Он

соприкасается с землей в виде объятых
пламенем обломков, сгиная вражеские
ряды. Похоже, пилот убил больше врагов в
смерти, чем при жизни. Это печально,
однако меня заботит лишь то, что теперь
еще больше захватчиков мертвы.

Первый одинокий орк добрался до
вершины стены. Более чем в сотне метров
грудой разбивается вместе со своим
испускающим дым и огонь прыжковым
ранцем. Остальные твари уже либо
мертвы, либо умирают, падая, когда их
тела и топливные баки ранцев разрывает
лазерным огнем. Единственный
зеленокожий, взобравшийся на самый верх,
прожил меньше одного удара сердца.
Существо закалывают штыками в шею,
глаз, грудь и ноги, шестеро солдат тут же
сбрасывают орка вниз. Тварь рухнула
обратно за стену.

Минуты сложились в часы.

Орки кидались на стены, неспособные
закрепиться на них, взбирались по
корпусам уничтоженных танков, по
курганам из собственных убитых и

лестницам из перекрученного металла, в
тщетном усилии подняться на стену.

Внезапно по рядам сражающихся на
стенах пронеслась новость: восточная и
западная стены тоже подверглись
нападению. В пустошах вокруг города
приземлялись все новые и новые корабли,
выгружая свежие войска и легионы танков.
Значительная их часть немедленно
присоединилась к атакующим, но еще
больше врагов в отдалении от города
разбивали лагерь, очищали посадочные
полосы и готовились к будущему штурму.

Защитники улья даже могли
различить отдельные знамена в этом
мрачном болоте — кланы и племена,
многие из которых сейчас держались
позади, предпочитая не погибать в первой,
заведомо обреченной на неудачу атаке.

Гримальд оставался со Стальным
легионом на северной стене, его рыцари
распределились среди гвардейцев, временно
отказавшись от отрядного единства.
Время от времени зеленокожим удавалось
добраться до укреплений, а не погибнуть
на стенах. В эти редкие моменты ценные

мечи Храмовников прорезали вонючую
чужеродную плоть, прежде чем лазганы
заканчивали дело точными лучами
лазера.

В какой-то момент майор Орос в
потрясении обратился по вокс-связи к
Гримальду, перекрикивая грохот
бесконечной стрельбы со стен.

--- Они выстраиваются только для
того, чтобы умереть, --- со стешком
отметил он.

--- Это наиболее глупые и те, кто
совсем не может себя контролировать.
Они жаждут боя, причем неважно --- между
собой или с нами. Взгляните на пустоши,
майор. Посмотрите, где собираются наши
настоящие враги.

--- Понял, реклюзиарх.

Гримальд услышал, как офицеры
легиона закричали своим людям,
приказывая поменяться шеренгами.
Солдаты на укреплениях отступили,
чтобы перезарядить ружья, почистить
оружие и охладить перегревшиеся силовые
панели. Следующая шеренга выступила
вперед, чтобы немедленно открыть огонь

по карабкавшимся наверх оркам.

Горы трунов валялись у подножия стен. Храмовники и легионеры спасались от угдушливой вони при помощи шлемов и респираторов, но сам город, горожане и силы ополчения в первый раз почувствовали зловещий запах войны с ксеносами. Открытие было крайне неприятным.

Ночь грозила наступить прежде, чем враг наконец отступит.

Но то ли горы трунов охладили их ярость, то ли на них наконец снизошло понимание, что настоящая битва еще впереди, но большая часть зеленого прилива отхлынула. По всей пустоши разнесся трубный звук сотен рогов, оповещавших об отступлении, которое никак нельзя было назвать организованным. Лазерные разряды, вспыхивая, слетали со стен, пока легион продолжал яростно стрелять, теперь карающая орков за трусость так же, как ранее наказывал за неустовство. Еще сотни ксеносов рухнули на землю, убитые последним жестоким залпом.

Скоро даже одиночки оказались вне зоны поражения, возвращаясь к местам высадки.

Корабли орков теперь покрывали пустоши от горизонта до горизонта. Самые большие суда, почти такие же высокие, как шпиль самого улья, открывали трюмы, выпуская колоссальных топчущих скрап-титанов. Похожие очертаниями на горбатых, раздувшихся ксеносов, гиганты загрохотали через равнины, их тяжелые шаги поднимали облака пыли.

Это и было оружие, способное разрушить стены. Именно этих врагов должна была уничтожить Инвигилата.

--- Безрадостная картина, --- отметил Артарион, пока рыцари оставались на стенах.

--- Настоящая битва начнется завтра, --- пробурчал Кагор. --- По крайней мере, скучать не придется.

--- Уверен, они подождут, --- это сказал Гримальд, чей голос звучал теперь мягче, когда военные кличи и речи остались в прошлом. --- Они будут ждать, пока не

соберут армию, способную сокрушить нашу оборону.

Капеллан ненадолго затолчал, облокотившись на парапет стены и оглядывая армию. Закат окрашивал посаженный город в багровые тона.

— Я потребовал, чтобы ты вывели все подразделения гвардии с военных баз по всему югу Армагеддон Секунд. Полковник согласился.

Бастилан подошел к реклюзиарху. Сержант отсоединил зажимы шлема и теперь стоял с открытым лицом, не ощущая прохлады ветра.

— А что там такого ценного, что нужно охранять?

Никто не заметил, как реклюзиарх улыбнулся.

— Дни брифингов были необходимы из-за этого, чтобы ответить на подобные вопросы. Военное снаряжение, — ответил он. — Это снаряжение, которое можно будет получить и использовать, когда нападут города-ульи. Но это не все. «Пустынные Грифы» рассказывают занятную легенду. О том, что в песках

похоронено кое-какое оружье.

--- Мы что, теперь будем доверять мифологии этого мира?

--- Не отвергай ее. Сегодня я услышал нечто, давшее мне надежду. --- Гримальд вздохнул. Сүзив глаза, он наблюдал за тором вражеских знамен. --- И у меня появилась идея. Где магистр кузниц Юризиан?

ГЛАВА VJJ

Древние секреты

Кирия Тиро откинулась в кресле и закрыла глаза, чтобы не видеть осточертевших цифр.

Потери первого дня были невелики, нанесенный стенам ущерб тоже оказался минимальным. Чтобы оттащить трупы ксеносов от городских стен и сжечь их, были спущены отряды с огнеметами. Эту работу выполняли только добровольцы, и сопровождалась она большим риском: при внезапном ночном нападении орков не было гарантии, что люди смогут вернуться в город.

Теперь, за час до рассвета, костры все еще полыхали. Трупов было слишком много, чтобы управиться за одну ночь, но холмы из тел ксеносов, по крайней мере, уменьшились в размере.

Боеприпасы, потраченные в первый день, были... Она увидела цифры и едва поверила своим глазам. Город был крепостью, и его запасы вооружений

казались неистощимыми, но за один день и за один бой всего три полка сделали абсолютно очевидным грядущий кошмар в материально-техническом обеспечении.

«Я устала», — подумала женщина с сухой улыбкой. А ведь она даже не сражалась сегодня.

Тиро завершила отпечатком пальца несколько инфопланишетов, уполномочивая передачу отчетов генералу Курову и комиссару Яррику, уже занятых защитой далеких ульев.

Сигнал ближайшей двери вновь затерцал.

— Входите, — позвала она.

Вошел майор Райкин, прогелавший весь путь от восточной стены. Его шинель была растегнута, маска респиратора висела на шее, черные волосы намокли.

— Настоящий ливень, — проворчал он. — Не поверите, что орбитальное возмущение сделало с атмосферой. Что вы хотели такого, что нельзя решить по вокс-связи?

— Я не смогла связаться с полковником Сарреном.

— Он не спал больше шестидесяти часов. Думаю, Фальков пригрозил расстрелять полковника, если он не согласится хоть немного отдохнуть. — Райкин сүзил глаза. — Есть и другие полковники. Дюжины полковников.

— Да, действительно. Но ни один из них не является начальником штаба командующего.

Майор потер шею сзади. Из-за кислотного дождя кожа пощипывала и была покрыта грязью.

— Мисс Тиро, — начал он.

— На самом деле благодаря моему званию квинт-адъютанта главы планеты меня следует называть «тэм» или «советник». А не «мисс Тиро». Это не светский вечер, а будь даже и он, я бы не стала тратить время на разговоры с такой мокрой крысой, как ты, майор.

Райкин үхтыльнүлсә. Тиро осталась невозмутимой.

— Очень хорошо, тэм. Чем же жалкий грызун может быть вам полезен? Перед рассветом мне придется возвращаться в настоящую бурю.

Она оглядела свой тесный, но теплый кабинет в центральной командной башне, скрывая смущение притворным кашлем.

--- Мы получили это час назад из улья Ахерон. --- Она указала на несколько отпечатанных листков с топографическими картинками.

Райкин взял их с захлестленного стола и просмотрел.

--- Это снимки с орбиты, --- сказал он.

--- Я знаю, что это такое.

--- Мне казалось, что вражеский флот уничтожил все наши спутники.

--- Он и уничтожил. Это последние снимки, которые они отправили. Ахерон получил и разослал их в другие города.

Райкин показал Кирии один из снимков:

--- На этом пятно от кофеина. Ахерон его тоже прислал?

Тиро нахмурилась:

--- Растешь, майор.

Он потратил еще несколько мгновений на изучение данных.

--- Что я должен здесь увидеть?

--- Это снимки Мертвых Земель к

югу. Далеко к югу, за океаном.

--- Спасибо за урок географии, мэм. ---

Райкин просмотрел снимки еще раз, остановившись на изображении огромного скопления высадившихся на планету орков. --- Но в этом нет смысла, --- сказал он наконец.

--- Я знаю.

--- В Мертвых Землях нет ничего. Вообще ничего.

--- Знаю, майор.

--- Так у нас есть какие-нибудь идеи, почему они высадили там силы, достаточные для штурма большого города?

--- Стратеги полагают, что враг строит там костюпорт. Или колонию.

Райкин фыркнул, бросив снимки обратно на стол.

--- Тактики просто пьяны, --- сказал он. --- Каждый мужчина, каждая женщина и ребенок знают, зачем орки пришли сюда, чтобы сражаться. Сражаться, пока не утрут все они или все мы. Они не станут собирать величайшую в истории армию только для того, чтобы разбить палатки

на южном полюсе и растить там
маленьких уродливых ксеносов.

--- Но факты остаются фактами. ---
Тиро указала на снимки. --- Враги
высадились там. За океаном они
недосыгаемы для наших воздушных ударов.
Ни один истребитель не доберется к нам
без нескольких дозаправок. Они могли бы
так же легко разбить полевой аэродром в
пустошах гораздо ближе к городам-ульям.

--- А что с нефтяными
платформами? --- спросил Райкин.

--- Платформами? --- Она покачала
головой, не уверенная, к чему он клонит.

--- Вы стаетесь надо мной, --- фыркнул
майор. --- Нефтяные платформы Вальдеса.
Вы разве не изучили Хельсрич до прилета
сюда? Как вы думаете, откуда половина
городов-ульев в Армагеддон Секунд берет
топливо? Его добывают на плавучих
платформах --- и делают из него
проектий для остального континента.

Тиро уже знала это. Она подарила
ему этот миг своего лишнего унижения.

--- В основном я изучала экономику, ---
улыбнулась она. --- Платформы защищены

от нападающих с юга тем же преимуществом, что и мы: для удара они слишком далеко.

--- Тогда, со всем уважением, мэм, почему вы сдернули меня со стены? У меня есть обязанности.

Вот оно. Ей придется деликатно подойти к вопросу.

--- Я... оценю вашу помощь. Во-первых, я должна распространить эту информацию среди других офицеров.

--- Для этого вам не нужна моя помощь. Вам нужен только вокс-передатчик, и вы как раз находитесь в здании, которое ими напичкано. Да и почему их нужно этим беспокоить? Какое отношение имеет потенциальная колония врага на другом континенте к обороне улья?

--- Верховное командование проинформировало меня, что этот вопрос признан проблемой Хельсрича. Мы, так сказать, ближайший город.

Райкин застесался:

--- Они хотят, чтобы мы напали? Я подготавливаю людей, велю им закутаться

потеплее и перенесу осаду на южный полюс.
Надеюсь, что орки за стенами города с уважением отнесутся к тому, что мы будем отсутствовать оставшуюся часть осады. Они как раз выглядят настоящими джентльменами, которые просто решили немного размяться. Уверен, они подождут, пока мы вернемся в улей, прежде чем атаковать снова.

--- Майор.

--- Да, мэм.

--- Верховный командующий велел распространить эту информацию и позволить всем офицерам разделить эту заботу. Это все. Никаких вторжений. Умне не для этого нужна ваша помощь.

--- Тогда для чего?

--- Гримальд, --- сказала она.

--- Правда? Проблемы с Избранным Императора?

--- Это серьезный вопрос, --- нахмурилась Тиро.

--- Ясное дело. Так поговорите с «Грифами», они же были последними с ним. Они слушали его чертовски вдохновляющую речь.

--- Он озвучил свои обязанности на стене с великим искусством и преданностью. --- Она все еще улыбалась. --- Но проблема не в этом.

Райкин вопросительно изогнул бровь.

Кирия вздохнула:

--- Тут проблема во взаимопонимании и взаимодействии. Он отказывается говорить со мной. --- Она сделала паузу, словно впервые о чем-то задумалась. --- Возможно, потому, что я женщина.

--- Вы серьезно? --- протолвил Райкин. --- Вы действительно в это верите.

--- Ну... он ведь общается с мужчинами-офицерами, не так ли?

Райкин подумал, что это было спорно. Он слышал, что единственным существом в городе, с которым Гримальд общался без высокомерной раздражительности, была древняя женщина, ведшая Легио Цивилизата. Но это было лишь слухом.

--- Это не потому, что вы женщина, --- сказал майор. --- Это потому, что вы бесполезны.

Повисла неловкая пауза. Лицо Кирии
Тиро каменело с каждым мгновением.

--- Простите, не поняла? --- спросила
она.

--- Бесполезны для них, можно сказать.
Все просто. Вы --- связующее звено между
Верховным командованием, которое
слишком занято, чтобы заботиться о
происхождением, и слишком далеко, чтобы
повлиять на что-либо, даже если захочет.
И войсками других миров, у которых нет
ни желания, ни заинтересованности во
взаимодействии с гвардейцами. Разве
старейшая Инвигилаты передает приказы
через тебя? А Гримальд? Нет.

--- Субординация... --- начала было она,
но уткнула.

--- Субординация --- это система, в
которую не входят Легио и Храмовники. А
если бы и решили присоединиться, то были
бы выше ее.

--- Я чувствую себя бесполезной, ---
выдохнула она наконец. --- И не только для
них.

Он видел, как много стоило ей это
признание. Также он видел, что, когда ее

защита снижалась, она уже не казалась такой высокомерной стервой. Но только Райкин перевел дыхание, чтобы заговорить и озвучить более вежливую версию своих текущих мыслей, зажужжал вокс-передатчик на столе.

--- Квинт-адъютант Кирия Тиро? --- раздался глубокий, звучный мужской голос.

--- Да, кто это?

--- Реклюзиарх Гримальд из Черных Храмовников. Мне нужно поговорить с тобой.

Старейшая Инвизилаты плавала в наполненном жидкостью саркофаге, иногда улавливая приглушенные звуки снаружи.

Но правде говоря, она уделяла им мало внимания. Речь и движения принадлежали физическому миру, который она едва помнила. Зарха была связана с «Герольдом Шторма», и грохочущий гнев Бога-Машины проникал в ее разум, подобно неким химическим препаратам. Даже в моменты покоя ей было трудно сфокусироваться на чем-либо одном.

Делить разум с «Герольдом

Шторма» — значит жить в лабиринте чужих воспоминаний, видеть бесчисленные поля битв за сотни лет до того, как принцесс Зарха родилась. Стоило ей только закрыть заменяющие глаза видоискатели, как она переставала видеть мутную молочную жидкость. Зато вспоминались пустыни, которые принцесса никогда не видела, битвы, в которых Зарха никогда не сражалась, и слава, которой не завоевывала.

Голос «Герольда Шторма» в ее разуме был безжалостным бормотанием, постоянным жужжанием, неизменным, словно спокойно горящее пламя. Титан рычанием без слов бросал ей вызов, манил отведать вкус побед, которые сам вкушал так долго. Он был гордым и неумолимым машинным духом и жаждал не только яростного вихря войны, но и холодной экзальтации триумфа. Он чувствовал значимость прошлых войн, что свисали с его металлической кожи. Он двигала ярость и невообразимая гордость.

— Мой принцесс, — раздался приглушенный голос.

Зарха активировала фоторецепторы.
Вернулось зрение, чужие воспоминания
исчезли. Странно, насколько же они были
ярче воспоминаний последних дней.

Привет, Валиан.

--- Привет, Валиан.

--- Мой принцес, агенты души
сообщают о недовольстве в сердце
«Герольда Шторма». Мы получаем
аномальные данные о раздражении из
центра реактора.

Мы рассержены, модератус. Мы
жаждем обрушить наш гнев на врагов.

--- Мы рассержены, модератус. Мы
жаждем обрушить наш гнев на врагов.

--- Понимаю, мой принцес. Но вы
сати... функционируете в полную силу? Вы
уверены?

Ты спрашиваешь, есть ли риск того,
что меня поглотит сердце «Герольда
Шторма»?

--- Ты спрашиваешь, есть ли риск
того, что меня поглотттттт
сердцццц?

--- Обслуживающий агент, --- позвал
Валиан Кансомир техножреца в робе, ---

проверь вокалайзеры принцеса. --- Он повернулся к своему командующему. --- Я верю вам, мой принцес. Простите, что потревожил вас.

Здесь нечего прощать, Валиан.

--- Здесь нечегоzzzzzzzzzzzzх!

Это скоро станет раздражать, подумала она, но не послала эту мысль к своему вокалайзеру. Твоя забота трогает меня, Валиан.

--- Твоя забота трогает меня, Валиан.

Но я в порядке.

--- Ннннрх я в порядке.

Техножрец подошел к контейнеру Зархи. Механические руки выскользнули из-под его робы и приступили к работе.

Модератус-примус Валиан Кансомир потеглил и, сделав вид, что поверил, вернулся к своему месту.

--- Мы скоро увидим битву, Валиан. Гримальд обещал нам это.

Сначала Валиан не ответил. В его понимании если враг намерен собрать все свои силы, то стрельба по нему с городских стен вряд ли может быть названа битвой.

— Мы уже готовы, мой принцес.

Томаз не мог уснуть.

Он сел в постели, проглотив глоток едкого атасека, дешевого пойла, что Хеддон варил в одном из портовых складов. Напиток на вкус мало отличался от машинного масла. Томаз не удивился бы, если б оно оказалось одним из его ингредиентов.

Он сделал очередной большой глоток, вызвавший зуд в горле. Докер понял, что есть неплохой шанс покончить с атасеком за один присест. Он не привык пить на пустой желудок, но сомневался, что смог бы еще раз поесть всухомятку. Он тельком взглянул на несколько пакетов неоткрытых, плотно запечатанных зерновых плиток на столе.

Может быть, позднее.

Он не был вблизи северной и восточной стен. В южной части порта не ощущалось большой разницы между сегодняшним и любым другим днем. Жужжание крана заглушало все далекие звуки войны, и Томаз провел всю

двенадцатичасовую стену, разгружая танкеры и организуя распределение груза по складам. В общем, делал то же самое, что и во все остальные дни.

Невыполненная работа на находящихся в доках судах и тех, что еще только ожидали разгрузки, превысила уже все мыслимые размеры. Половина команды Томаза ушла, записавшись в ряды ополчения, и их отправили по всему городу разыгрывать из себя гвардейцев, за километры от того места, где они действительно были нужны. Он был представителем профсоюза докеров и узнал, что у всех остальных бригадиров та же проблема с рабочими руками.

Поговаривали об ограничении потока сырой нефти, прибывающей с платформ Вальдеза, когда надет орбитальная защита, и все из-за страха перед тем, что торки будут бомбить морские пути.

Но необходимость, конечно же, пересиливал риск гибели танкеров. Хельсрич нуждался в топливе. Поставки продолжались. Даже после запечатывания города порт остался открытым.

Каким-то образом работы стало больше, чем раньше, даже несмотря на тот факт, что из котанг осталась только половина. Отряды Стальных легионеров и обслуживающих сервиторов управляли множеством противовоздушных турелей, расположенных по периметру порта и на крышах складов. Сотни и сотни ангаров теперь использовались для размещения танков. В обслуживающие терминалы были превращены и гаражи для ремонта военных машин. Конвои танков «Летан Русс» с грохотом проезжали через порт.

С половиной рабочих и в условиях постоянного вмешательства в работу порт Хельсрича был на грани остановки.

Но при этом танкеры прибывали.

Томаз проверил хронометр на запястье. Два часа до рассвета.

Он решил не ложиться спать до начала смены и сделал еще один глоток из бутылки с этим отвратным алмасеком.

Хедгона нужно пристрелить за то, что варит такое крысиное пойло.

Она вышла на стену, шинель
Стального легиона тяжело давила на
плечи.

Хлесткие струи дождя едва ли
очистили улицы. Мокрые здания источали
серную вонь, когда кислотный дождь
стешивался с загрязненными,
покрывавшими камни и рокрыт по всему
городу.

«Не самый лучший момент, чтобы
забыть респиратор», — подумала Кирия...

Майор Райкин сопровождал ее. В
тусклой дали на востоке солнце уже
освещало краешек неба. Кирия не хотела
смотреть за край стены, но не смогла
сдержаться. Слабое освещение давало
возможность увидеть армию врага —
темное море до горизонта.

--- Трон Бога-Императора, ---
прошептала она.

--- Могло быть хуже, --- заметил
Райкин, потянув ее вперед, когда женщина
застыла на месте.

--- Да их там, должно быть,
миллионы.

--- Без сомнений.

--- Сотни племен... Можно даже различить знамена...

--- Я стараюсь этого не делать. Смотрите перед собой, мэм.

Она с неохотой отвернулась. Перед ней, в пятидесяти метрах дальше на стене, под дождем стояла группа гигантских черных изваяний, потоки воды полировали их броню.

Один из гигантов шевельнулся и, грохоча сапогами, направился к Кирии. Жесткий ветер хлестал мокрые свитки на броне, а табард с черным крестом на груди проток насквозь.

Его лицом был ухмыляющийся серебряный череп. Глаза светились бездушным красным светом, насквозь пронизывавшим женщину.

--- Кирия Тиро, --- произнес он низким, потрескивающим через вокс голосом, --- приветствую.

Астартес осенил себя знаком аквилы, и его пальцы в черной броне при этом громко стучали по грудной пластине.

--- И майор Райкин из Сто первого. Добро пожаловать на северную стену.

Райкин поприветствовал рыцаря в
ответ:

— Я слышал речь, которую вы
произнесли перед «Стервятниками»,
реклюзиарх.

— Все они прекрасные воины, —
отозвался Гримальд. — Им были не нужны
твои слова, однако мне было приятно ими
поделиться.

Райкин оказался застигнут врасплох.
Он не ожидал ответа, а тем более этого
стирения, выбивающего почву из-под ног.
Прежде чем он ответил, заговорила
Кирия. Запрокинув голову, она смотрела на
Гримальда, рукой прикрывая глаза от
дождя. Жужжание брони действовало на
нервы. Звук казался более громким, чем
обычно, словно доспехи реагировали на
плохую погоду.

— Чем я могу служить вам,
реклюзиарх?

— Неправильный вопрос, — ответил
рыцарь, его измененный восклицательным
голосом казался рыком. По броне стучал ливень, с
шипением встречаясь с черным
кератитом. — Ты здесь не для того, чтобы

задавать вопросы, ты здесь, чтобы на них отвечать.

--- Как пожелаете. --- Кирия пожала плечами, чувствуя себя неловко из-за официальности рыцаря. Честно признаться, все, связанное с ним, заставляло ее нервничать.

--- В пустошах есть укрепления, занятые Стальным легионом. Среди других окопавшихся против орков полков есть и несколько взводов «Стервятников Пустыни». Маленькие городки, учебные лагеря на побережье, тайники с оружием, склады ГСМ, станции связи.

Тиро кивнула. Большинство этих вопросов затрагивалось на встречах командования.

--- Да, --- сказала она, не зная, что еще сказать.

--- Да, --- с устешкой повторил он ее ответ. --- Сегодня меня проинформировали о том, что хранится в подземном ангаре на Западном аванпосте D-16 в девятидесяти восьми километрах к северо-западу от города. Ни на одном нашем собрании не упоминали про опечатанный комплекс

Механикус.

Тиро и Райкин обменялись взглядами. Майор пожал плечами. Большая часть его лица была закрыта маской респиратора, но глаза показывали, что он и понятия не имеет, о чем говорил капеллан. Кирия встретила взглядом с башней возвышавшимся рыцарем.

— Я мало знаю о перемещении того, что хранится в Западном D-16, реклюзиарх. Все, что я знаю, — это то, что на одном из этажей хранится дезактивированная реликвия эпохи Первой Войны. Никто из Гвардии не имеет доступа к содержимому хранилища. Это территория Механикус.

— Я услышал то же самое сегодня. Вас это не интригует? — спросил Астартес.

Но правде говоря, нет, это ее не интересовало. Первую Войну выиграли почти шестьсот лет назад, и сейчас на планете были другие города и другие армии.

— Вряд ли это представляет какую-то ценность, — сказала она. — Что бы там

ни хранилось, оно погребено по приказу
Агентус Механикус -- я подозреваю, что по
чертовски хорошим причинам, -- и это
секрет даже для верховного командования
планеты.

-- Ты знаешь историю своей планеты,
агьютант Тиро? -- Голос Гримальда был
спокойным, низким и невозмутимым. --
Прежде чем высидеться здесь, я посвятил
немало времени ее изучению. Практически
любая информация может стать оружием
против врага.

-- Я изучала решающие сражения
Первой Войны, -- отозвалась женщина. --
Так делали все офицеры Стального
легиона.

-- Тогда ты должна знать, какое
оружие Механикус было создано и
использовано тогда.

-- О Трон, -- прошептал Райкин. --
Святой Трон Терры.

-- Я... не думаю, что вы правы, --
выдавила Тиро.

-- Возможно, и нет, -- согласился
Гримальд. -- Но я намерен выяснить
истину. Один из наших кораблей отвезет

группу на Западный D-16 через час.

--- Но база законсервирована!

--- Ненадолго.

--- Это территория Механикус!

--- Мне все равно. Если я прав в своих предположениях, там хранится мощнейшее оружие. Я хочу получить это оружие, Кирия Тиро. И я его получу.

Она запахла шинель плотнее, так как буря усилилась.

--- Если бы это было что-то, что поможет нам, --- возразила она, --- Механикус уже извлекли бы его.

--- Я не верю в это и удивлен, что ты веришь. Механикус внесли значительный вклад в оборону Армагеддона. Но это не значит, что они относятся к войне так же, как мы. Я неоднократно сражался рядом с почитателями культа Марса. Они дышат тайнами, а не воздухом.

--- Вы не можете покинуть город перед рассветом. Враг...

--- Враг не бросится на городские стены в первый же день. И в мое отсутствие командовать Храмовниками будет Баярг, чемпион Императора.

--- Я не могу позволить вам сделать это. Механикус прыгнул в ярость!

--- Я не спрашиваю твоего позволения, адъютант. --- Гримальд сделал паузу, и она могла поклясться, что ощутила улыбку за его следующими словами. --- Я спрашиваю, хочешь ли ты отправиться со мной.

--- Я... я...

--- Когда я прибыл сюда, ты сообщила, что ты здесь для того, чтобы обеспечить взаимодействие между прибывшими на планету силами и войсками самого Армагеддона.

--- Да, но...

--- Запомни мои слова, Кирия Тиро. Если у Механикуса есть причины не использовать древнее оружие, это не значит, что их причины покажутся столь же основательными для других. Меня не волнуют эти причины. Для меня важно выиграть эту войну.

--- Я буду вас сопровождать, --- прохрипела Кирия. «О Трон, что же я сделаю...»

--- Так я и думал, --- протолвил Гримальд. --- Солнце встает. Поидемте к

«Грозовому ястребу». Мои братья уже ждут.

Взревели мощные двигатели, и корабль, вздрогнув, оторвался от посадочной площадки.

Пилот, посвященный-рыцарь с несколькими почетными знаками на броне, уверенно поднимал махину в небо.

--- Постарайся, чтобы нас не сбили, --- сказал ему Артарион, стоя позади кресла пилота в рубке.

В любом случае сначала они собирались подняться над облаками, взять курс на океан и лететь вдоль побережья и только затем повернуть обратно вглубь континента, где уже не будет осаждающей армии и прикрывающих ее истребителей.

--- Брат, --- ответил посвященный после того, как включил вертикальное ускорение. --- Кто-нибудь вообще стееется над твоими шутками?

--- Люди --- изредка.

На это пилот ничего не ответил. Ответ Артариона был более чем исчерпывающим. Корабль встряхнуло,

когда включились разгонные двигатели, и
много окон кабины заскользили ядовитые
облака.

ГЛАВА VJJJ

«Оберон»

Уставившись в прицел лазгана, Домоска пробормотала Литанию Меткости. Глаза были защищены от солнца специальными очками. Она моргнула, затем подняла очки и посмотрела в прицел уже без затемненных линз.

--- Андрей! --- позвала она через плечо.

Двое солдат находились в лагере на границе D-16. Они сидели на песке и чистили оружие. Тот факт, что они находились в стороне от главной базы, также отдалал их и от остальных сорока восьми Стальных легионеров, назначенных на это бессмысленное самоубийственное задание.

Андрей не оглянулся, продолжая сидеть и вытирать элементы питания лазерного пистолета масляной тряпкой.

--- Что еще, а? Я занят, ясно?

--- Это десантно-штурмовой корабль?

--- Эй, о чем ты говоришь? --- Андрей

был из Армагеддона Прайм, с другой части планеты. Его акцент забавлял Домоска. Почти всегда он говорил так, словно задавал вопрос.

— Вот об этом. — Она указала на небо почти у горизонта.

Невооруженным глазом ничего было не разглядеть, и Андрей стал шарить руками, чтобы взять снятый прицел, лежащий на расстеленной на земле куртке.

— Слушай, я пытаюсь оказать уважение духу оружия, так? Чего тебе надо? Я не вижу никакого корабля. — Прищурившись, он посмотрел в прицел.

— Несколько градусов над горизонтом.

— Ох, слушай, это точно корабль, да? Ты должна немедленно об этом доложить.

— Это Домоска, на рубеже три. Контакт, контакт, контакт. Приближается имперский десантно-штурмовой корабль.

— Это ведь Черные Храмовники, да? Они из Хельсрича. Я это знаю. Я слушал на инструктаже, а не спал, как ты.

— Помолчи, — пробормотала она.

ожидая подтверждения по воксу.

--- Думаю, я буду одним из тех, кто получит кучу медалей. У тебя ведь ни одной нет, да?

--- Заткнись!

--- Подтверждаю, --- наконец пришел ответ.

Андрей принял это как сигнал, что опять можно говорить.

--- Надеюсь, они говорят, что мы можем вернуться в город, да? Это были бы отличные новости. Высокие стены! Титаны! Мы можем даже пережить эту войну, да?

Никто из них раньше не видел «Громовых ястребов». Когда корабль приблизился, паря над полупустыми складами и бункерами и затекаясь, у Домоска вдруг засосало под ложечкой.

--- Это не к добру. --- Она прикусила нижнюю губу.

--- Я не согласен, ясно? Это дело Астартес. Все будет хорошо. Хорошо для нас, плохо для врага.

Девушка лишь удостоила его скептическим взглядом.

— Что? Говорю ж тебе, что хорошо.
Увидишь, так ведь? Я всегда прав.

Капитан штурмовиков Инса
Рашевска окинула взглядом солдат,
стоявших по обе стороны от нее, пока с
шипением гидравлики опускался трап
корабля.

В ее голове уже пять минут, с тех
пор как Домоска доложила о прибытии
корабля, крутилась одна очень простая и
четкая мысль: проклятие, что здесь
делают Астартес?

Как раз сейчас она получит ответ.

— Нам... отдать честь? — спросил
один из солдат рядом с Рашевска. — Что
мы должны делать?

— Я не знаю, — ответила она. —
Просто стойте по стойке «смирно».

Прибывшие спустились, гроыхая
сапогами по трапу. Человек — не иначе как
из легиона — и два Хратовника.

Оба Астартес были в черном цвете
их ордена. На одном красовался табард,
демонстрировавший личную геральдику, а
его лицевой пластине шлема пригали

облик помертвонной маски. Второй был в более массивной броне, снабженной дополнительными слоями абляционного покрытия, и пластины доспеха жужжали и лязгали во время движения пансегомотускульных усилителей.

— Капитан, — промолвила офицер легиона, — я квинт-агъютант Тиро, послана в улей Хельсрич из штаба генерала Күрова. Со мной реклюзиарх Гримальд и магистр кузни Юризиан из ордена Черных Храмовников.

Рашевска поприветствовала прибывших, осенив себя знаком аквилы и пытаясь не выказать беспокойство в присутствии гигантских воинов. Четыре механические руки с жужжащими сервосуставами зазмеились от силового ранца на спине Юризиана. Их металлические захваты сжимались и разжимались, в то время как сами механические руки вытягивались, словно потягиваясь.

— Приветствую, — прогромыхал Юризиан.

— Капитан, — промолвил Гримальд.

--- Мы пришли, чтобы войти на базу, ---
улыбнулась Кирия Тиро.

Рашевска молчала по меньшей мере
секунд десять. А когда заговорила, то
слова сопровождалась оцепенелым и не
верящим стехом:

--- Простите, но это что, шутка
такая?

--- Отнюдь, --- сказал Гримальд, шагая
мимо нее.

На поверхности база Западный D-16 не
была особенно велика. Из песка пустошей
поднималось скопление прочных,
бронированных приземистых зданий. Все
были пусты, кроме тех, что занимал
сейчас расквартированный здесь небольшой
контингент Стального легиона. В этих
зданиях спальные принадлежности и
оборудование были сложены в строгом
порядке, что говорило о дисциплине. Две
обширные посадочные площадки,
достаточно большие, чтобы вместить
даже способные переносить титанов
массивные крейсера Механикус, были
наполовину занесены песком, ибо пустыня
постепенно заявляла свои права.

Единственным объектом, представлявшим интерес, была дорога шириной в сотню метров, что вела в подземный комплекс. Какие бы колоссальные двери ни открывались когда-то в подземный комплекс, сейчас они были погребены под песком. Через несколько десятилетий последние признаки дороги тоже исчезнут.

Один из бункеров не содержал ничего, кроме нескольких подъездников. Двери каждого лифта были запечатаны, и оборудование, стоявшее у стен и соединенное с шахтами, оказалось отключенным. На стенах рядом с каждой дверью виднелись панели с кнопками разных цветов.

--- Здесь нет электричества, --- промолвил реклюзиарх, оглядываясь по сторонам. --- Они оставили это место полностью обесточенным.

В таких условиях реактивация --- если эту установку вообще можно будет привести в действие --- окажется невероятно трудным предприятием.

Юризиан вошел в бункер, его тяжелая

поступь заставляла пол вздрагивать.

--- Нет, --- сказал он, его голос по вокал-связи был протяжным, медленным. --- Здесь есть электричество. База спит, но не умерла. Ее погрузили в состояние бездействия. Энергия все еще бьется в венах. Колебания слабые, пульс медленный. Но я все равно их слышу.

Гримальд провел пальцами по ближайшей панели, уставившись на незнакомые символы, покрывавшие каждую кнопку. Язык рун не был высоким готиком.

--- Можешь открыть эти двери? --- спросил он. --- И провести нас вниз в комплекс?

Четыре механические серворуки Юризиана вновь вытянулись, защелкали когти. Две серворуки поднялись над плечами техногесантника. Другие остались рядом с его настоящими руками. Магистр кузни подошел к дверям одного из лифтов, уже потянувшись к своему улучшенному ауснику, прикрепленному к поясу. Поднявшиеся над плечами руки взяли болтер и клинок, захватив их когтями и оставив собственные руки рыцаря

свободными.

--- Юризиан? Ты можешь это сделать?

--- Нужно перенаправить много энергии из вспомогательных источников, что будет сложно. Потребуется побочная закачка из...

--- Юризиан, отвечай на мой вопрос.

--- Простите меня, реклюзиарх. Да. Мне понадобится примерно час.

Гримальд ждал, подобный статуе, наблюдая за работой техногесантника. Кирии это быстро наскучило, и она принялась бродить по комплексу, разговаривая с несшими здесь службу штурмовиками. Двое из них возвращались со своего поста на границе, и адъютант помахала им, стоя в тени в форме птицы, которую отбрасывал корабль.

--- Мадам, --- поприветствовала ее женщина-военный, --- добро пожаловать в Западный D-16.

--- Нас навестило начальство из Хельсрича, да? --- сказал ее спутник. Через мгновение он осенил себя аквиллой. --- Я же тебе говорил, что все будет хорошо.

Кирия ответила на приветствие, ничуть не застигнутая врасплох их беззаботностью. Штурмовики были лучшими из лучших, и их отличие от обычных солдат часто порождало некоторую, скажем так, самобытность поведения.

--- Я квинт-адъютант Тиро.

--- Мы знаем. Нам сообщили по вокс-связи. Раскапываете секреты в песке, да? Думаю, Механикус не заулыбаются, прослышав об этом.

Очевидно, солдата мало волновало, будут ли Механикус улыбаться или нет. Сам он в любом случае улыбался.

--- Большой риск, --- добавил он, мудро кивая, словно постиг некий тайный смысл происходящего. --- Могут быть большие проблемы, так ведь?

Похоже, ситуация его развлекала.

--- Со всем уважением, --- встряла женщина-штурмовик, явно беспокоясь. На ее шинели плоскими черными буквами значилось «ДОМОСКА». --- А это не разъярит Легио Инвизилату?

Тиро откинула со лба прядь прямых

темных волос. Она повторила именно то, что сказал ей Гримальд, когда она сама задала аналогичный вопрос в кабине «Громового ястреба».

--- Возможно, --- протолвила она. --- Однако вряд ли они покинут город в знак протеста, не так ли?

Двери открылись.

Шум сопротивляющихся внутренних механизмов был ужасен: жалобный визг нестазанных деталей разнесся в воздухе. Кабина лифта с матовыми, металлического цвета стенами могла вместить человек двадцать.

Юризиан отступил от контрольной панели.

--- Пришлось отключить питание всех других поднимающих и опускающих систем. Функционировать будет только этот лифт. Остальные сейчас мертвы.

Гримальд кивнул.

--- Мы сможем вернуться на поверхность, если спустится под землю?

--- Шанс тридцать три целых восемь десятых процента, учитывая текущую

дестабилизацию системы, что на обратный подъем понадобится дополнительное обслуживание и перенастройка. И есть еще двадцать девять процентов, что никакая перенастройка не восстановит функции без обращения к главной электросети.

--- Слово, которое ты ищешь, брат, --- Гримальд направился к открытым дверям, --- «возможно».

Казалось, спуск длился много часов.

Подземный комплекс был безмолвным и лишенным света --- целые серии подобных лабиринту коридоров и пустых комнат. Юризиан включил верхнее освещение комплекса после нескольких минут работы с консолью на стене.

Кирия выключила фонарик. Гримальд отключил системы усиления зрения в шлеме. Через секунду помещение осветилось тусклым желтым светом.

--- Я пробудил духов освещения, --- сказал Юризиан. --- Они слабы из-за сна, но справятся.

Мягкая серость окутывала их по

мере продвижения в недра комплекса. По углам молчаливых залов грохотилось неподвижное оборудование и генераторы неизвестного назначения.

Время от времени Юризиан останавливался и проверял отдельные покинутые механизмы из технологии Механикус.

--- Это приют стабилизатора магнитного поля, --- прогудел он в один момент, кружа вокруг чего-то, обходя то, что для Кирии выглядело как громадный танковый двигатель размером с БМН «Хилера».

--- Что он делает? --- Она явно сделала ошибку, задав этот вопрос.

--- Вмещает стабилизаторы для генератора магнитного поля.

В этот момент ее страх перед Астартес уменьшился. Кирия хотела сдержать вздох, но не смогла.

--- Вы хотите знать, --- спросил Юризиан, --- какой механизм в имперской технологии сходен с этим устройством?

--- Да, примерно это я и имела в виду. Для чего оно нужно?

--- Магнитные поля значительных размеров и интенсивности трудно создать и еще труднее поддерживать. Такие конструкции, как здесь, используются в антигравитационной технологии, большая часть которой засекречена Механикус. Если говорить более обще, Имперский флот использовал бы эти устройства для сооружения и обслуживания магнитных колец ускорителя костических кораблей. Для технологий плазменного оружия по большому счету.

--- Нет, --- покачала головой Кирия. --- Не может быть.

--- Увидим, --- пробормотал Юризиан. --- Это только первый уровень сооружения. Исходя из угла дороги, я бы предположил, что комплекс уходит под землю по меньшей мере на километр. Исходя из моих знаний шаблонных схем, которые обычно используют Механикус при строительстве, скорее даже на два или три километра.

Прошло девять часов после того, как Гримальд, Юризиан и Кирия вошли в

комплекс. Продвигались они медленно и дошли только до четвертого подуровня. Почти шесть часов понадобилось на прохождение третьего уровня с запечатанными дверями. Чтобы открыть их, требовались немалые усилия. В какой-то момент Гримальд решил, что с ними уже достаточно препятствий. Он поднял обеими руками кроуус, активировал и приготовился выместить гнев на закрытой двери.

--- Не наго, --- предостерег Юризиан, не отрывая взгляда от панели управления.

--- Почему? Ты сам сказал, что может не получиться, а время не на нашей стороне.

--- Не применяй силу. Как ты можешь заметить, каждая из дверей не менее четырех метров в толщину. Разумеется, ты в конечном счете пробьешься внутрь, но это будет не слишком быстро, а применение силы может активировать системы защиты.

Гримальд опустил булаву.

--- Я не вижу никакой защиты.

--- Да, не видишь. В этом их сильная

сторона и основная причина, почему здесь нет ни живых, ни аугментированных стражей.

Он говорил, не отрываясь от работы. Четыре из шести рук Юризиана трудились над консолью: нажимали на кнопки, дергали пучки проводов и кабелей, связывали их, соединяли, переставляли местами, настраивали выключенные экраны. Нижние серворуки теперь крепились рядом с наспинным ранцем, держа болтер и силовой меч.

--- Смотри, --- продолжил Юризиан. --- Только в этом коридоре в стенах двести углублений толщиной с излучающих расположенных в десяти сантиметрах друг от друга.

Гримальд проверил стены. Его визор автоматически заметил одно отверстие, и теперь рыцарь знал, где остальные.

--- И это?..

--- Защита. Одна из ее частей. Применение силы --- неважно, насколько справедливой, --- задействует механизмы защиты этими отверстиями --- а такие отверстия есть во всех коридорах и залах

по всему комплексу --- и распылит токсичный газ. Я полагаю, что газ атакует нервную и дыхательную системы и особенно ядовит для биологически незваных гостей.

Магистр кузни кивнул в сторону Кирии.

Крозиус Гримальда потерк, когда рыцарь отпустил руну.

--- Есть ли другие защитные системы, которые мы не заметили?

--- Да, --- сказал Юризиан. --- Много. От автоматических лазерных турелей до экранов пустотных щитов. Простите меня, реклюзиарх, раскодирование требует всего моего внимания.

Это было три часа назад.

Наконец открылись двери на четвертый подуровень. Кирии воздух показался колючим и холодным, и она плотнее закуталась в плащ.

Гримальда этого не заметил. Юризиан прокомментировал:

--- Температура на приемлемом для жизни уровне. У тебя не будет никаких долгосрочных последствий. Так обычно

бывает в оставленных на минимальном энергообеспечении комплексах Механикус.

Женщина кивнула, стуча зубами.

Перед ними тянулся коридор, расширявшийся в конце к гигантским гвустворчатым дверям, запечатанным, как и все другие двери, встретившиеся им на пути. На тусклом сером металле наготике было отчетливо вырезано единственное слово:

«ОБЕРОН»

Вот почему Гримальд не обратил внимания на то, что Кирия грозит от холода. Реклюзиарх не отрывал глаз от надписи, каждая буква которой была размером с самого Храмовника.

— Я был прав, — выдохнул он. — Это он.

Юризиан был уже у двери. Одна из его человеческих рук ударила по поверхности запечатанного портала, пока другие порхали над терминалом в стене поблизости. Сложность консоли была невероятной в сравнении с теми, что

располагались у предыдущих дверей.

--- Он так прекрасен... --- В голосе технокесанта одновременно звучали нерешительность и благоговение. --- Он так величественен. Он переживет даже орбитальную бомбардировку. Даже использование циклонических торпед по ближайшим ульям едва ли нарушит защиту этого зала. Он защищен пустотным щитом, бронирован лучше любого бункера, который я когда-либо видел... и запечатан... миллиардом или даже большим числом отдельных кодов.

--- Ты справишься? --- спросил Гримальд, бронированной ладоной поглаживая «О».

--- Я никогда не видел ничего столь удивительного и сложного. Это будет все равно что нанести на карту неба абсолютно все звезды.

Гримальд отдернул руку. Казалось, он не услышал ни слова из объяснения.

--- Так ты справишься?

--- Да, реклюзиарх. Но понадобится от девяти до одиннадцати дней. И я хочу, чтобы ты прислал моих сервиторов, как

только вернешься.

--- Бюджет сделано.

Кирия Тиро почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, пока она пристально смотрела на илтя.

--- Не верю. Этого просто не может быть здесь.

--- Тем не менее оно здесь, --- отозвался Гримальд, кидая последний взгляд на двери.

--- Здесь Механикус спрятали Ординатус Армагеддон после Первой Войны. Это гробница «Оберона».

Когда они вернулись на поверхность, наручный вокс Кирии затреещал, привлекая ее внимание, а на ретинальном дисплее Гримальда затерцала сигнальная рунa.

--- Тиро слушает, --- сказала она в коммуникатор.

--- Гримальд. Говори, --- протолвил рыцарь.

Это оказалось одно и то же сообщение, отправленное из двух разных источников. Тиро говорила с полковником Сарреном, и в его голосе было больше

усталости, чем чего-либо другого. Гримальд слушал резкий и повелительный тон чемпиона Баярда.

--- Реклюзиарх, --- произнес Храмовник. --- Расчет Старика был верным, как ты и предполагал. Враг уничтожил улей Гадес с орбиты. Грубая работа: электромагнитной катушкой вывернули астероиды на беззащитный город. Черный день, брат. Ты скоро вернешься?

--- Мы уже возвращается, --- ответил рыцарь и прекратил связь.

Тиро опустила коммуникатор, ее лицо побледнело.

--- Яррик был прав, --- выдохнула она. --- Гадес пылает.

ГЛАВА IX

Гамбиты

Враг не атаковал и на второй день.

Защитники наблюдали со стен Хельсрича, как пустоши чернеют от вражеских судов, как кланы орков занимают их территорию, разбивая лагерь и поднимая в небо знамена. Все больше зеленокожих вливались в орду из приземлившихся транспортных. Громоздки крейсера изрыгали толстобрюхих развалюх-титанов.

С вражеских знамен в небо взирали тысячи грубо намалеванных символов, каждый изображал род, племя, военный клан ксеносов, который скоро бросится в битву.

С высоты укреплений в ответ на это взмывали штандарты — по одному от каждого расквартированного в городе полка. В огромном количестве взметнулись знамена Стального легиона, охристые, оранжевые, желтые и черные.

Вернувшись из Западного D-16,

Гримальд самолічно установил знатя Черных Храмовников на северной стене. «Стервятники Пустыни» собрались, чтобы посмотреть, как рыцарь вбивал древко знамени в рокурт и приносил клятву, что Хельсрич не падет, пока хоть один его защитник будет в живых.

--- Гадес может сгореть дотла, ---
воззвал рыцарь к собравшимся солдатам. ---
Но он пылает, потому что враг боится нас. Он горит, чтобы скрыть стыд врага, ибо твари хотят никогда не видеть место, где проиграли прошлую войну. Пока стоят стены Хельсрича, будет стоять это знамя. Пока дышит хоть один защитник, город не будет потерян.

Повторяя жест рыцаря, Кирия Тиро уговорила модератуса установить неподалеку знамя Легио Инвигилаты. У них не было штандартов, которые по размеру подходили бы людям, только гигантские знамена, что несли боготашины, поэтому взяли один из вымпелов, который украшал руку-оружие «Палача» --- титана класса «Нес войны».

Солдаты на стенах ликовали.

Непривыкший к такому вниманию
модератус «Нса войны» выглядел
польщенным их реакцией. Он осенил себя
шестерней, приветствуя
присутствовавших офицеров, а через
мгновение — аквилрой, словно поспешно
исправляя ошибку.

Ночью ветер усилился, стало
холоднее. Он почти очистил воздух от
серной вони и, когда стал еще сильнее,
сорвал с западной стены штандарт 91-го
Стального легиона. Проповедники тут же
предупредили полк, что это было
знамение: 91-й падет первым, если не
проявит исключительной храбрости, когда
начнется настоящий штурм.

На закате Хельсрич снова вздрогнул
от грохота. «Герольд Шторма» вел
несколько своих металлических сорогичей
к стенам, где большие титаны боевого
класса могли стрелять поверх укреплений
по оркам, едва те попадали в прицел.

Гвардии было приказано покинуть
стены. Работа их орудий стала бы крайне
опасной для всех, кто оказался бы рядом.
Такое соседство могло стать даже

стерпелым, столь много энергии
выделяли гиганты, стреляя.

Рыцарь открыл глаза.

--- Брат, --- позвал его голос, ---
Старейшая Инвигилаты желает твоего
присутствия.

Гримальд вернулся в город несколько
часов назад и ожидал этого вызова.

--- Я молюсь, --- ответил он в воск.

--- Знаю, реклюзиарх. --- Обычно
Артарион не был столь официален.

--- Артарион, она просила меня
прийти?

--- Нет, реклюзиарх. Она... как бы это
сказать... требовала.

--- Сообщи Инвигилате, что я посетую
принцесс Зарху в течение часа, как только
закончу соблюдение обрядов.

--- Гримальд, я не уверен, что она в
настроении ждать.

--- И тем не менее именно это ей
придется сделать.

Капеллан вновь закрыл глаза, стоя на
коленях в маленькой пустой комнате в
командном шпиле, и вновь стал шепотом

произносить слова почтения.

Я приближаюсь к атмнотическому резервуару.

Я не вооружен, и на этот раз напряжение в объятый кипящей деятельностью рубке титана превращается в нечто еще более яростное. Команда, пилоты, техножрецы... Все они смотрят на меня с нескрываемой неприязнью. Несколько рук покоятся на ремнях близко к ножнам клинков или кобурат.

При виде всего этого я сдерживаю стех, хотя это и непросто. Они командуют величайшей военной машиной в городе и все равно цепляются за церемониальные кинжалы и автоматические пистолеты.

Зарха, Старейшая Инвигилаты, плавает передо мной. Морщинистое лицо старой женщины искажают эмоции. Передние конечности постоянно подергиваются, словно в спазмах, — это следствие обратной связи от соединения с духом «Герольда Шторма».

--- Ты просила о моем присутствии? ---
говорю я ей.

Старая женщина, плавающая в
молочной жидкости, облизывает
металлические зубы.

--- Нет. Я вызвала тебя.

--- И это твоя первая ошибка,
принцес, --- говорю я ей. --- Тебе даруется
право еще на два прохода прежде, чем
этот разговор закончится.

Она рычит, ее лицо в жидкости
выглядит отвратительно.

--- Довольно наглости, Астартес.
Тебя следует убить на месте.

Я оглядываю рубку. Рядом со мной
девятнадцать человек. Целеуказательная сетка
фиксирует все видимое оружие прежде,
чем вновь сфокусироваться на
перекошенных чертах Старейшей.

--- Это будет глупо, --- говорю я ей. ---
Никто в этой комнате не способен даже
ранить меня. А если ты призовешь
девятерых скитариев, ждущих за дверями,
я все равно превращу это место в склеп. И
ты, принцес, утреешь последней. Стожешь
ли ты убежать от меня? Сомневаюсь. Я

вытащу тебя из искусственного чрева на
воздух, а когда ты начнешь задыхаться,
вышибу рну сквозь глаз твоего драгоценного
титана, чтобы ты подохла, голая и
одинокая, на холодной земле города,
защищать который тебе не позволяет
гордыня. А теперь, если ты намерена
закончить обмениваться угрозами,
предлагаю перейти к более важным
вопросам.

Она улыбается, но я вижу, что ее
черты искажены ненавистью. Это по-
своему красиво. Нет ничего чище
ненависти. Из ненависти выковали
человечество. Ненавистью мы поставили
галактику на колени.

--- Вижу, на этот раз ты не
открываешь лицо, рыцарь. Ты видишь
меня, но сам скрываешься за
посмертной маской своего
Императора.

--- Нашего Императора, --- напомунаю
я ей. --- Ты только что совершила вторую
ошибку, Зарха.

Я ослабляю печати на ворота шлема
и снимаю маску. Здесь пахнет потом.

топливом и страхом. Остальных присутствующих я совершенно игнорирую. И чувствую, как злость усиливается вокруг меня с каждой секундой. Приятно стоять без шлема, ограничивающего чувства. Со времени планетарной высадки я только дважды снимал шлем на людях, оба раза при встречах со Старейшей.

--- Когда мы виделись в прошлый раз, --- говорит она, внимательно рассматривая меня, --- я сказала, что у тебя добрые глаза.

--- Я помню.

--- Это правда. Но я жалею об этом. Жалею, что вообще стала говорить с тобой, богохульник.

Одно мгновение я не был уверен, как реагировать на ее слова.

--- Ты встала на опасный путь, Зарха. Я капеллан Агентус Астартес, я верен на своем посту благодати Экклезиархии Терры. В моем присутствии ты только что выразилась, что Император Человечества не является для тебя богом, каков Он для всего славного Империята. Факт остается фактом: ты произносишь

еретические речи перед реклюзиархом, перед Избранным Императора. Ты впадаешь в ересь! А я уполномочен уничтожать любую ересь, что встречу в Вечном Крестовом Походе. Поэтому давай будем осторожнее. Ты не станешь оскорблять меня фальшивыми обвинениями в богохульстве, а я отвечу на вопросы, связанные с Западным D-16. И это не просьба. Соглашайся -- или я казню тебя за ересь прежде, чем твоя команда успеет обделаться от страха.

Я вижу, как она судорожно вздрагивает и ее улыбка невольно выдает изумление.

-- Как интересно говорить в такой манере, -- произносит она почти задумчиво.

-- Я допускаю, что ты видишь картину шире, чем я. -- Мой пристальный взгляд встречается с ее оптической аугментикой. -- Но время непонимания прошло. Говори, Зарха. Я отвечу на все вопросы. Это нужно решить для блага Хельсрича.

Она поворачивается в контейнере,

медленно плавает в этом наполненном жидкостью гробу, прежде чем посмотреть на меня снова.

--- Скажи мне почему, --- произносит она. --- Скажи, почему ты это сделал.

Я не ожидал столь простого вопроса.

--- Это Оргинатус Армагеддон. Одно из величайших орудий, когда-либо созданных человеком. Это война, Зарха. Мне нужно оружие, чтобы победить.

Она качает головой:

--- Необходимости недостаточно. Ты не можешь из прихоти использовать «Оберон», Гримальд. ---

Она подплывает ближе, прижимаясь лбом к стеклу. Трон, какой же усталой она выглядит. Морщинистая, усталая, лишенная всяких надежд. --- Он запечатан, потому что должен быть запечатан. Не используется, потому что его нельзя использовать.

--- Магистр кузни разберется с этим, --- говорю я.

- - - Нет. Гримальд, прошу, останови это. Ты причинишь боль всем силам Механикус на планете.

Для слуг боготашины это вопрос величайшей важности. «Оберон» нельзя вновь активировать. Использование его в битве будет богохульством.

--- Я не собираюсь проигрывать эту войну из-за марсианских традиций. Когда Юризиан получит доступ в последний зал, он осмотрит Оргинатус Армагеддон и оценит шансы пробуждения духа внутри ташины. Помоги нам, Зарха. Мы не должны утратить здесь напрасно. Клянусь Троном Императора, «Оберон» поможет нам победить в этой войне. Неужели ты настолько слепая, что не видишь этого?

Она вновь переворачивается в жидкости и кажется погружившейся в раздумья.

--- Нет, --- отвечает она наконец. --- Он не может и не будет активирован.

--- Я искренне скорблю, что придется проигнорировать твои желания, принцесса. Но я не останавливаю изыскания Юризиана. Возможно, реактивация «Оберона» окажется за гранью его возможностей. Я готов утратить, приняв это. Но я не погибну, пока не сделаю все, что в моих

силах, для спасения этого города.

--- Гримальд, -- она вновь улыбается и выглядит почти так же, как в нашу первую встречу, -- я получила приказ от своего командования убить тебя, прежде чем ты продолжишь свои действия. Исход может быть только один. Я говорю тебе сейчас, пока мы окончательно не разругались. Пожалуйста, не делай этого. Оскорбление Механикус будет безграничным.

Я тянусь к вороту и нажимаю на кнопку вокс-связи. Мне отвечает один удар -- условленный сигнал.

--- Ты сделала третью ошибку, угрожая мне, Зарха. Я ухожу.

Со стороны тронов пилотов раздаются голоса.

--- Мой принцес, -- позвал один из них.

--- Да, Валиан.

--- Мы получаем данные ауспигов. Приближаются четыре тепловых объекта. Сверху. Городские настенные орудия не целятся в них.

--- Да, -- говорю я, не отрывая взгляда

от Зархи. — Оборонные системы города не
будут стрелять в четырех моих
«Громовых ястребов».

— Гримальд... Нет...

— Мой принцес! — вопит Валиант
Кансотир. — Забудьте о нем! Нам нужны
приказы, немедленно!

Слишком поздно. Отсек уже начал
грожать. Шум снаружи заглушается
грохотом брони самого титана, но все
равно остается: четыре корабля
пролетают, их двигатели ревут, угольно-
черные силуэты скользят в лунном свете,
что пробивается через глаза титана.

Я смотрю через плечо и вижу, как
четыре десантно-штормовых корабля
направляют дула тяжелых болтеров и
установленные на крыльях ракеты на
глаза-иллюминаторы.

— Поднять щиты!

— Не стоит, — негромко произношу я. —
Если вы попытаетесь поднять щиты и
помешать мне уйти, я прикажу открыть
огонь по мостику. Пустотные щиты не
успеют подняться вовремя.

— Ты убьешь себя.

--- Да, убью себя. Но и тебя. И твоего
милана.

--- Не поднимайте щиты, --- с
горечью произносит она. Команда
подчиняется, ловя каждое движение и
каждое шепотом произнесенное слово. ---
Ты не понимаешь. Присоединиться к
битве будет богохульством для
«Оберона». Священные военные
платформы должны быть
благословлены Повелителем
Центурио Ординатус. Духи машин
придут в ярость без этого. «Оберон»
никогда не будет функционировать.
Как ты не видишь?

Я понимаю.

Но еще вижу возможный компромисс.

--- То есть единственная причина,
почему Механикус не использует в войне
одно из величайших орудий, чтобы спасти
этот мир, заключается в том, что оно
остается без благословения?

--- Да. Дух машины взбунтуется.
Если даже он проснется, то будет
объят гневом.

В этих словах я увидел выход из

патовой ситуации.

--- Зарха, я все понимаю. Юризиан не станет реактивировать Ординатус Армагеддон и не будет приводить его в Хельсрич, --- произношу я.

Она не отрывает от меня взгляда, зрительные рецепторы щелкают и стрекочут, скудно подражая выражению человеческого лица.

--- Не станет?

--- Нет. --- На несколько мгновений повисает пауза, и затем я говорю: --- Мы просто снимем с него оружие «Нова» и привезем в Хельсрич. В любом случае это все, что нам нужно.

--- Тебе не разрешено разрушать тело «Оберона»! Снять пушку --- это все равно что отрубить голову или вырвать сердце.

--- Зарха, я устал выслушивать банальности, и мне пора идти. Магистр кузни обучался на Марсе, под руководством Кюльта Машины, в согласии с самой древней клятвой между Астартес и Механикус. Он чтит это оружие и считает свою роль в его пробуждении

величайшей честью.

--- Если бы он искренне чтил наши принципы, то не делал бы этого.

--- А если бы вы искренне читили Империи, то сделали бы это. Подумай, Зарха. Нам нужно оружие.

- - - Повелитель Центурион
Ординатус уже в пути с Терры. Если он прибьет вовремя и его корабль сможет пробиться через блокаду, тогда есть шанс, что Хельсрич увидит «Оберон» в действии. Большого я не могу тебе обещать.

--- В настоящий момент это все, что мне нужно.

Я думал, что так это и закончится. То есть в любом случае не закончится хорошо. Но тем не менее закончится.

Я направился прочь, но она вдруг меня позвала:

- - - Остановись на минутку. Ответь мне еще на один вопрос. Почему ты здесь, Гримальд?

Я снова посмотрел на принцессу, на это сторщенное древнее существо в гробу, смотрящее на меня механическими

глазами.

--- Поясни вопрос, Зарха. Не глотаю, что ты говоришь о настоящем моменте.

Она улыбается:

--- Да. Не об этом. Почему ты здесь, в Хельсриче?

Когда тебя спрашивают о таких вещах, я не вижу причин врать. Особенно ей.

--- Я здесь, потому что тот, кто был братом моему погибшему повелителю, послал меня сюда, умереть в этом мире. Верховный маршал Хельбрехт потребовал, чтобы один командующий из Храмовников остался и вдохновлял защиту. Он выбрал меня.

--- Почему ты? Ты сам не задавал себе этот вопрос? Почему он выбрал тебя?

--- Не знаю. Все, что знаю наверняка, принцип, это то, что я забираю ту пушку.

--- Я с трудом верил, --- произнес Артарион, --- что твой план сработает.

Рыцари стояли на стене рядом, смотря на врага. Ксеносы собирались,

фортирүя хаотичные полки. Все это напугивает рои насекомых, подумал Гримальд.

Скоро наступит рассвет. И неважно, этого знака ждали ксеносы или какого-то другого. Поток приземляющихся кораблей превратился в тонкую струйку, и теперь каждый новый прибывал раз в час. Пустоши уже приютили миллионы орков. Сегодня начнется штурм. Силы, необходимые врагу для нападения, уже здесь.

— Еще нет, — ответил Гримальд. — В конечном счете все сводится к их разрешению. Нам нужно сотрудничество Инвизилаты. — Капеллан кивнул в сторону собирающихся оргов. — Если не получим помощь Механикус в реактивации пушки, эти инопланетные псы через несколько месяцев будут пировать нашими костями.

Дальше по стене раздался крик. На укреплениях было мало гвардейцев, а те, кто остался, выполняли функции часовых. Двое из них кричали, и крик подхватили по всей северной стене. Общий вокс-канал заполнился взволнованными голосами. Вновь завывала городская сирена.

Сначала Тримальд ничего не сказал. Он смотрел, как орда накатывается, словно снежная лавина. Порядок, и так не соблюдавшийся в рядах врага, теперь и вовсе разрушился --- осталось только хлынувшее вперед море грубого металла и зеленой плоти, скрап-танков и развалюх-титанов. Первых облепили со всех сторон завывающие ксеносы, вторые сотрясали пустоши размашистой поступью.

--- Я тут слышал кое-что, --- заметил Артарион. --- Поговаривают, что зеленокожие создают своих титанов по своему свиному подобию.

Приам пробормотал:

--- Это объясняет, почему они такие уродливые. Посмотрите вон на того. Как такое может быть божеством?

В чем-то он был прав. Слепленные из железного мусора титаны были металлическим воплощением тучных ксеносов, их обширные животы использовались для укрепленных отсеков, где располагались пушки.

--- Я бы постеялся, --- заметил Неро, --- если бы их не было так много. В шесть раз

больше, чем машин Инвизилаты.

--- Вижу бомбардировщики, ---
заметил Кагор, не заинтересованно и не равнодушно, просто констатируя факт.

Группа уродливых самолетов, больше сорока, сорвалась с посадочных платформ, спрятанных за сугами основных сил. Гримальд даже отсюда услышал их двигатели, работавшие как больной старик, поднимающийся по ступеням.

--- Братья, нам стоит оставить стены. --- Неро повернулся, чтобы посмотреть, как последние гвардейцы спускаются по трапам и лестницам с укреплений. --- Титаны скоро начнут стрельбу.

--- Да. --- Приат улыбнулся под шлемом. --- И стены будут превращены в порошок.

В этот самый момент над головами рыцарей пронеслась эскадрилья истребителей --- гладкие металлические корпусы «Молний» Барасата лучами восходящего солнца были окрашены в серебро.

--- Какая отвага! --- протолвил Кагор.

Командующий Барасат долго и напряженно спорил, чтобы получить разрешение начать атаку. Вопрос был принципиальным, потому что было ясно, что почти наверняка эта первая атака станет и последней.

Полковник Саррен был против. Агьютант Тиро тоже. Даже представитель порта, да проклянет его Император, был против. Барасат был терпеливым человеком; он гордился своим тактом и готовностью планировать, не сидеть и слушать, как гражданские жалуются и оспаривают его мнение, — это было уже слишком.

— Разве нам не нужны будут твои самолеты, чтобы защищать танкеры, приходящие от платформ Вальдеза? — спросил представитель порта Магерн.

Барасат притворно улыбнулся и кивнул в знак признательности.

— Непохоже, что оркна хватит ума, чтобы искать способ перекрыть нашу поставку топлива, а если даже и хватит, нам придется долго колесить вокруг города

и рисковать обстрелом прежде, чем они доберутся до наших путей в океане.

--- Все равно есть риск, --- сказал Саррен, трясая головой и лихорадочно ища, как закрыть вопрос.

--- Со всем уважением, --- настаивал Барасат, ничем не выдавая будущие в душе страсти. --- Эта атака даст нам слишком много, чтобы просто от нее отмахнуться.

--- Риск чересчур велик, --- сказала Тиро, и Барасат тут же ее возненавидел: наглая маленькая принцесса из штаба главнокомандующего --- ей стоило бы вернуться к своим канцелярским занятиям и оставить войну тем мужчинам и женщинам, которые для этого тренировались.

--- Война, --- протолвил Барасат, обуздывая гнев, --- это и есть риск. Если я возьму три четверти своей эскадрильи, то мы уничтожим первую волну бомбардировщиков и истребителей прикрытия. Они даже не достигнут города.

--- Именно поэтому это совершенно

дурное предприятие, — возразила Тиро. Она была менее искусна в контроллинге чувств. — Оборонные системы города предотвратят любую воздушную атаку. Нам даже не надо рисковать ни одним из ваших истребителей.

«Вот именно, моих», — безмолвно подтвердил Барасат.

— Адъютант, я попрошу вас обдумать практичность вашего предложения.

— Я обдумываю, — устехнулась она.

«Нагменная стерва», — мысленно закончил пилот свою предыдущую фразу.

— Это двойная атака, как я полагаю.

— Барасат посмотрел на собратьев-командующих, собравшихся в комнате для инструктажа.

Сама по себе комната была жужжащим ульем, заполненным персоналом и сервиторами, обслуживающими вокс-панели, сканеры и тактические дисплеи. Главный стол, за которым раньше заседало все городское командование, теперь был почти пуст. Почти все главы полков сейчас находились

со своими солдатами, готовые к битве.

--- Я слушаю, --- сказал полковник Саррен.

--- Если мы поразим врага над городом, большая часть горящих обломков рухнет на улицы и здания. Добавьте к этому тот факт, что мы окажемся под огнем наших собственных защитников. Противовоздушные орудия на шпилях будут стрелять, и, скорее всего, зенитные батареи поразят моих же пилотов. Но если мы нападём на них за городскими стенами, их драгоценные истребители упадут на их же собственные головы. Как только моя атака поразит их ряды, посылайте вторую и третью волну. Мы можем атаковать их аэродромы.

Ответом ему было гробовое молчание. Барасат решил этим воспользоваться:

--- Их воздушные силы будут уничтожены всего за час. Вы не можете сказать мне, полковник, что такая победа не стоит риска. Именно так мы должны поступить!

Барасат видел, что не убедил

полковника. Соблазнил -- да, но не убедил. Тиро слезка покачала головой, наполовину в раздумьях, наполовину уже готова отказ.

-- Я разговаривал с реклюзиархом, -- внезапно сказал Барасат.

-- Что? -- одновременно спросили Саррен и Тиро.

-- Об этом плане. Обсудил его с реклюзиархом. Он поддержал меня и убедил, что городское командование одобрит план.

Конечно, Барасат ничего такого не сделал. Последнее, что он слышал о лидере рыцарей, -- это то, что Гримальд занят какими-то сложными переговорами со Старейшей Инвигилаты. Но фраза затронула Тиро, и это было все, что ему требовалось. Нотка сомнений. Лучик интереса.

-- Если Гримальд посоветовал... -- протянула она.

-- Гримальд? -- Саррен приподнял бровь. На его лице с двойным подбородком боролись изумление и тревога. -- Довольно фатильярно с вашей стороны называть его так.

--- Реклюзиарх, --- сугорожно
поправилась женщина. --- Если он считает,
что это хороший план, то, возможно, нам
стоит его обдумать.

Барасат был экспертом по сокрытию
своих чувств, и не только отрицательных.
Теперь он сдержал довольную ухмылку.

--- Полковник, --- сказал он. --- У
агьютант Тиро. Я понимаю, что вы
хотите сохранить как можно больше сил в
резерве, что хорошо с точки зрения
тактики. Это оборонительная война, и
агрессивные атаки сыграют в ней мизерную
роль. Но ты с твоими пилотами будешь
бесполезны, если стены падут и враги
хлынут в город. Это видно даже по
геологическим симуляциям, не так ли?

Саррен вздохнул, сцепив пальцы на
животе.

--- Выполняйте, --- сказал он.

И Барасат не прервал этим
воспользоваться. Его эскадрилья через час
уже была в воздухе, проносясь над
городскими улицами, прежде чем
спуститься над пустошами.

В тесной кабине «Молнии» Барасату

было не просто удобно. Он чувствовал себя здесь как дома. Оба штурвала в руках были продолжением его тела. Другие сказали бы, что пехота тоже ощущает свое оружие, но, Святой Трон, это не идет ни в какое сравнение. «Молния» была подобна копью ангела.

На земле под ним темнели массы ксеносов.

--- Я вряд ли должен каждому напоминать, --- произнес майор в вокал эскадрильи, --- что выбрасываться с парашютом в орочью орду в высшей степени неосмотрительно.

Ответом ему был хор голосов: «Да, сэр».

--- Если вас собьют и, во имя Трона, с некоторыми из вас это случится, бросьте вашу птичку на одного из этих жирных богов. Заберите с собой так много терзацев, сколько сможете.

--- Гаргантов, сэр. --- Это был голос Хелики. --- Орки называют своих титанов гаргантами.

--- Верно подмечено, Хелика. Пятьдесят-восемьдесят-два, по моему

сигналу вы разомкнете строй и откроете огонь. Да пребудет с нами Император, мальчики и девочки. И помните, Храмовники наблюдают за нами. Покажем им, как мы заработали рыцарские кресты на наших фюзеляжах!

--- За Армагеддон! --- Кортеж прищурился, глубоко вдыхая переработанный кислород из дыхательной маски. --- И Хельсрич!

ГЛАВА X

Осада

Когда стену пробили в первый раз, пролом завалило лавиной измельченного рокрыта.

В воздух взметнулась темная порошкообразная пыль, более плотная, чем дыл, и расплзающаяся, словно штормовое облако, в котором ни зги не видно.

Я смотрю на это за сотни метров, стоя с братьями и солдатами «Стервятников Пустыни». В конце улицы больше нет стены. Наша защита разрушена, и за облаком пыли зияет широкая брешь.

Началась настоящая осада. На каждой крыше, в каждом переулке, на каждой улице и из каждого окна — на километры вокруг — преданные Императору руки сжимали оружие, готовое убивать захватчиков.

Дорога за дорогой, гом за гомом. Именно так и будет вестись битва за Хельсрич, и именно к этому готов каждый

в городе.

Громадные фигуры титанов начали удаляться. Их первая задача была выполнена; они стояли на стенах и обрушивали шквальный огонь на вражеские силы. Теперь машины Инвигилаты, отступали непобежденные — требовалось пополнить боеприпасы перед настоящей битвой. Старейшая вывела на общую тактическую сеть местоположение приземлившихся в городе кораблей Механикус, которые будут служить Инвигилате базами для перевооружения. Титаны сейчас отступали к ближайшим из них, сотрясая город громоподобной поступью. Они были настолько громадными, что заслоняли встающее солнце, хоть и шли по далеким улицам.

Отчеты сталкиваются друг с другом в вокс-сети. Стена разбита вдребезги, рухнув под безумным шквальным огнем множества танков и развалюх-титанов. Я чувствую, как вокруг меня усиливается запах страха, исходящий от солдат-людей. Это противный аромат: кислое албре, резкая вонь мочи и приторный жгучий

запах пота. Человеческое тело даже у самых храбрых всегда реагирует подобным образом, и мне трудно это терпеть. Их страх отвратителен.

Над облаком пыли возвышались голова и плечи гарганта, выпуклая башка из металлолома похожа на ревущую пасть ксеноса. Трон Императора, это создание возвышалось бы над стеной, даже если бы наша жалкая баррикада все еще стояла на месте. С приближением вражеского титана вдоль всей улицы из окон новылетали стекла.

Через мгновение под его ногами уже угрожит улица. Гвардейцы попадали на землю, их проклятия затерялись среди грохота. Я устоял на ногах благодаря стабилизаторам сочленений госпеха, которые компенсировали тряску. А затем голова титана вспыхнула, словно солнце, и разлетелась кучей обломков в облаке пыли.

Теперь самым громким звуком вокруг меня стали крики радости.

--- Гаргант убит! --- Голос Зархи по воксу звучит весело, несмотря на помехи. --- Гримальд, теперь ты мой должник.

Я не отвечаю. Выстрел действительно был мастерским, но мне не важно ни то, где находится сейчас «Герольд Шторма», ни то, что он отступает. Важно то, что происходит здесь и сейчас. Напряжение проносится по венам, словно кипящая кровь. Я чувствую, что братья ощущают то же самое. Нас двадцать, все дышат чаще, руки стискивают оружие, которое, согласно традиции, цепями приковано к нашей броне. Ценные мечи недовольно ворчат, разрывая воздух. Клятвы последних минут уже прошептаны или выкрикнуты в небо.

Вырываясь из пылевого облака и издавая боевые кличи, подобные свинячьему хрюку, появляются приземистые фигуры врагов.

Целые сотни их выливаются на улицы.

--- Огонь! --- кричит один из офицеров Стального легиона.

--- Не стрелять! --- кричу я, благодаря громкоговорителям шлема перекрывая окружающий шум.

--- Они в радиусе поражения! --- вопит

майор Орос в ответ мне.

--- Не стрелять!

Я уже бегу, рвусь изо всех сил, суставы брони жужжат. Я оставляю людей далеко позади. Руны с жизненными показателями атакующих братьев мерцают на ретинальном дисплее, но в этом нет необходимости. Я знаю, кто следует за мной.

--- Сыны Дорна! Рыцари Императора! В атаку!

Первый орк выскочил из облака крокритовой крошки, его зеленая кожа посерела от пыли. Он замахивается чем-то металлическим в грубых кулаках и утирает, когда миг спустя мой крозиус расплюсчивает его уродливую морду.

Болезненный, грибной запах орочьей крови повисает в воздухе. Ценные мечи взрываются в туши ксеносов. Болтеры исторгают смертоносный груз --- оглушающие рыки выстрелов, а следом приглушенный звук, когда заряды взрываются внутри тел.

Умирая, твари воют и смеются.

Убивая, мои рыцари хранят

молчание.

Ощущения поблекли, как и всегда в бою, они стенились мерцающими картинками. Сосредоточиться невозможно, ненависть переросла в священный гнев и заполнила разум. Я сжал реликвию своего учителя обеими руками и ударил сразу троих зеленокожих, оказавшихся передо мной. Потрескивающее силовое поле булавы отшвырнуло орков, все трое убиты — их грудные клетки раздроблены, — и ксеносы катятся по улице, а затем затирают безжизненными грудями мяса.

Я убиваю, убиваю и убиваю. Меня не заботит, что этой орде нет ни конца ни края. Враги падают передо мной, отброшенные праведными ударами священного оружия, и важно лишь то, сколько крови ты сможешь пролить прежде, чем нас вынудят отступить.

По воксу я слышу одобрительные крики Ороса и его людей. Так легко не обращать на них внимания.

Артариону приходится труднее, чем остальным. Он жертвует одной рукой,

чтобы держать мое знамя, а другой
сжимает ценной меч. Штандарт
привлекает к нему врагов. Они хотят
заполучить наше знамя. Как всегда.
Артарион даже не ворчит, как обычно, --
знаменосец рубит направо и налево,
парирует неуклюжие удары и отвечает
свирепыми контратаками.

Приат первым замечает опасность. Я
вижу, как один из ксеносов за спиной
Артариона разрублен нагвое -- меч
Приата разделил тварь от макушки до
пояса. Мечник ударом ноги сбрасывает с
клинка останки орка, прорубает путь к
знаменосцу.

-- Реклюзиарх, -- вытаскивает он
меч из брюха выпотрошенного
зеленокожего. Липкие и вонючие кишки
орка вывалились на дорогу и хлюпают у
рыцаря под ногами. -- Нас скоро сочнут.

В мой шлем врежется копье, отчего
на лиз дисплей визора заполняют помехи.
Я бью в ответ метнувшую оружие тварь,
и визор включается в тот миг, когда
крозиус сносит череп орку. И снова
стешанная с мозгами кровь, подобно

легкому ливню, проливается на мой доспех.

Еще двое орков пали, одному разорвал
глотку цепной меч Неро, другому моя
булава врезалась в грудь и отшвырнула к
стене ближайшего дома. Кровь Дорна,
оружие Моргрега — бесценный дар. Оно
убивает практически без усилий!

Я чувствую, как крозиус заряжается и
высвобождает энергию при каждом
попадании. За долю секунды перед ударом
энергетическое поле вокруг его наверху
вспыхивает с тихим, недовольным
близостью с чужой плотью гулом, а затем
высвобождает мощь в сокрушающем костях
выбросе кинетической энергии.

Враги окружают нас, но меня это
мало волнует. Прорваться будет несложно.

— Орос, — выдохнул я в вокс, — мы
готовимся отступить к вам.

— Только дайте знак, — отзывается
он. — Нам не терпится сделать свой ход.

С началом настоящей осады
имперские войска приступили к
исполнению плана обороны.

На каждой дороге возвышалась

баррикада, за которой выстроенные в шеренги солдаты Стального легиона приготовились обрушить лазерный огонь на скопления зеленокожих. Снайперы с крыши выполняли свой смертоносный долг. Боевые танки всех классов и видов прокладывали себе путь по улицам, ведя огонь по первым волнам разлившейся по внешним кварталам улья вражеской пехоты.

Каждая дорога и строение были прописаны в плане и играли свою роль в сражении. Каждое подразделение должно было держаться и нанести столько ущерба наступающему врагу, сколько возможно, прежде чем отойти к следующей баррикаде.

Перевооружившиеся титаны обдирательными стражатами возвышались над каждым городским районом, их оружие пожидало жизни существ, кишящих возле их ног. Вражеские гарганты все еще старались пробиться через стены. Но в эти первые часы никто не мог превзойти Цнвигилату в мастерстве боя.

Захватчики врывались в Хельсрич и

погибали тысячами. Каждый захваченный или метр земли был куплен декалитрами злобонной крови ксеносов.

Полковник Саррен наблюдал за гололитическим столом, как разворачивается битва. Дрожавшие изображения отображали позиции имперских сил на окраинах города, неизбежно отступавших от стен. Более крупные рун-маячки показывали расположение машин Инвигилаты или танковых батальонов Стального легиона. За прошедшие недели полковник подробно разработал это отступление, и видеть план в действии было очень даже любопытно.

Во время первой фазы было предписано свести потери к минимуму. Время, когда армии будут перемалывать друг друга, еще придет. А сейчас потери должны быть очень небольшими, а вот число убитых врагов — чем больше, тем лучше. Пусть захватчики займут удаленные кварталы города. Позволим им захватить эти покинутые людьми зоны ценой их же жизней. Все это было частью

плана.

Скоро волна разобьется.

Саррен смотрел на мерцавшие значки на огромной карте, обозначающие его войска. Он скоро придет, тот момент, когда первый натиск врага захлебнется и от авангарда орков отстанут медленные части поддержки. Первые орды пехоты разобьются о сопротивление Стального легиона на улицах, через которые никогда не смогут пробиться без поддержки танков и развалюх-титанов.

И в этот момент волна разобьется, словно прилив о песчаный берег. И тут же защищавшиеся начнут действовать в полную силу.

Контратаки будут предприняты на некоторых улицах, особенно на тех, которые близки к машинам Инвизилаты или бронетанковым частям Стального легиона.

Все средства должны держать врага в стороне от магистрали Хель.

На последней встрече, уже облачившись в боевую броню, Саррен еще раз изложил план, подчеркнув

необходимость защищать шоссе.

--- Это ключ к осаде, --- сказал он. --- Если они захватят магистраль Хель, город станет вдвое труднее защищать. Враги получают доступ ко всему улью. Думайте о ней как об артерии, дамы и господа. Артерия! Как только ее разорвут, тело истечет кровью. Как только враг захватит шоссе, город будет обречен.

Ответом на его слова была мрачность на лицах присутствующих.

Полковник склонился над столом, сверля взглядом дорогу за дорогой, здание за зданием, отряд за отрядом.

Он молча наблюдал за войной, ожидая, когда волна разобьется.

Барасат тяжело ударился о землю.

Он видел, как Хелика падала, и слышал тоже. С этим трудно было справиться. Почти три года назад, притворившись пьянее, чем были на самом деле, они провели ночь вместе. Кортен никогда не забывал об этом и не хотел, чтобы тот раз оказался единственным. А теперь он слышал, как она утирала, и

кровь стыла у него в жилах. Ему пришлось бороться с самим собой, чтобы не отключать канал связи с ней. Он слышал последние крики Хелики и видел, как падал ее самолет, объятый пламенем.

Ее «Молния» с окрашенными в белый цвет крыльями врезалась прямо в грудь чужой боготашине. От удара титан на секунду согнулся, а затем пламя и обломки вырвались из его спины, когда истребитель Хелики — от которого остались лишь кружащиеся обломки — пробил гарганта насквозь.

Гаргант продолжил движение, несмотря на зияющую в груди дыру.

Это был первый заход. Хелика даже не успела открыть огонь.

Свирепая маневренная схватка с истребителями орков закончилась тем, что большая часть хлата ксеносов, кружась на разрушающихся двигателях, понеслась к земле. Истребитель Барасата подбили. Попали в бензобак, но, к счастью, топливо вытекало струей, самолет не превратился в огненный шар. Путь был очищен, прибывали вторая и третья волны

Барасата.

Именно тогда все стало плохо.

Вражеские титаны не продолжили просто безучастно идти к городу. Турели на их плечах и головах нацелились на битву в небе и обрушили на имперские истребители как лазерный огонь, так и бронебойные снаряды. Уклоняться от обстрела было непростой задачей. А когда к стрельбе гаргантов присоединились новые хлам-самолеты орков и противовоздушный огонь танков, наступил кошмар, как и предвещал полковник Саррен.

Первая волна Барасата рассеялась, направляясь к примитивным посадочным полосам, которые враг соорудил в пустыне.

Сотни орочьих истребителей все еще стояли на земле, ожидая своей очереди на взлетных полосах. Более пессимистичный человек, чем Кортен, сделал бы вывод, что сможет причинить слишком мало вреда такой огромной армаде, командуя лишь несколькими уцелевшими истребителями. Большой пессимист покружил бы вокруг авиабазы и подождал бы, пока к ним

присоединятся тяжелые бомбардировщики «Гром».

Но Кортен Барасат пессимистом не был. И когда ему понадобилось терпение, оно как раз сидело на сиденье за его спиной. Грациозно заходя на атаку с бреющего полета, он разрядил автомашки и истощил энергетические батареи лазушек, выплеснув все, что мог, на застывшие на земле истребители. дюжины их попытались, паникуя, взлететь, чтобы обороняться, но большинство разбилось при взлете, так как шасси завязли в песчаной почве пустошей. Те немногие, что смогли оторваться от земли, стали легкой добычей имперских пушек.

Тем временем прибыла вторая волна имперских сил, обрушивая на врагов смертоносный огонь. Бомбардировщики «Гром», гораздо более крупные и тяжеловооруженные, чем «Молнии», подняли над пустошью огромные столбы дыма и пыли взрывами зажигательных бомб.

— Смотрите это место в пыль, —

велел по воксу Барасат, с трачными
удовольствием наблюдая, как пилоты в
точности выполнили приказ.

Пламя голодным зверем ревело в
пустошах, поглощая вражеские полевые
аэродромы, которые уже нельзя будет
использовать после бомбардировки.
Стоявшие на земле истребители
взрывались один за другим.

Несколько танков палили по яростно
атакующим имперским истребителям с
грацией и точностью стариков,
пытающихся прихлопнуть муху.

Его истребитель загорелся на
последнем вираже над воздушной базой.
Удачный -- или неудачный, с точки зрения
Барасата, -- выстрел оторвал часть
левого крыла. Из такого смертельного
полета было не выйти. И не попасть во
вражеских титанов, как сделали Хелика и
еще несколько летчиков.

Он рванул рычаг катапульты и
взмыл над горящей землей. Краткий
момент дезориентации, порыв ветра, и
мир снова стал нормальным после
извилистого нырка падающего самолета...

а затем пилот погрузился в черный дым и пылевые облака.

Тьма объяла его. Респиратор спас от вдыхания удушающего дыма, но летные очки не были улучшенными и не помогали видеть в темноте. Барасат потянул за шнур, чувствуя, как его дернуло назад, как только открылся зравишют.

Не имея ни малейшего понятия, где находилась земля, он оказался достаточно удачлив, так как приземлился, не переломав себе ноги. Только растяжение голеностопа, но он решил, что легко отделался.

Осторожно, понимая, что дым прячет его так же, как и скрывает врагов, Барасат достал лазерный пистолет и двинулся через непроницаемую тьму. Было жарко, дутое пекло вокруг говорило о горящих неподалеку истребителях и посадочных площадках, но этого огня было недостаточно, чтобы видеть в непроницаемом дыму.

Мертвой хваткой сжимая пистолет, пилот наконец вырвался из черного облака и, увидев то, что стояло перед ним, начал стрелять.

— О Трон, — сказал он с удивительной вежливостью — прямо перед тем, как оркестр убил его выстрелом в грудь.

«Герольд Шторма» жаждал битвы.

Каждый тяжелый шаг давался с болью, плазменное ядро в груди горело, когда титан неохотно повернулся спиной к врагу и зашагал по улицам. Его путь был расчищен. Строения снесли неделей раньше — их фундаменты взорвали, а жилые блоки превратились в пыль, дабы расчистить дорогу гиганту.

Титан яростно жаждал повернуться и излить ненависть на врагов, но не мог заглушить шепот Старейшей в своем разуме.

Старейшая. Ее присутствие было в высшей степени раздражительным. Условно «Герольд Шторма» наклонился при ходьбе, чтобы медленно, но целеустремленно обернуться. Однако ногти принцессы вновь сжимались в его разуме, чтобы контролировать его тело.

«Мы идем, — прошептала она, — чтобы скоро сразиться в великой битве».

При этих ее словах ярость «Герольда Шторма» поухнула. Было в ее голосе что-то новое, нечто такое, что его разум хищника схватил и распознал немедленно. Страх. Сомнение. Мольба.

Сейчас Старейшая была слабее, чем когда-либо прежде.

«Герольд Шторма» ничего не знал об удовольствии или изумлении. Его души выковали в древних обрядах из огня, расплавленного металла и плазмы, что бушевала с яростью заточенного в клетке солнца. Чувством, которое у него было ближе всего к понятию удовольствия, был прилив осознания и уменьшение его болезненного гнева, когда от его орудий гибли враги.

Теперь гигант ощущал тень этого чувства. Пока что он подчинялся требованиям принцессы, все еще находился под ее контролем.

Но Старейшая стала слабее.

И он ее подчинит.

Ночь застала Домоска с ее отрядом штурмовиков в руинах того, что когда-то

было жилым блоком.

Тяжелая техника зеленокожих прокатилась здесь, изменив все на своем пути. Сейчас район был кучей обломков, покрыта и бронеплит, и Домоска спряталась за невысокой стеной, прижимая к груди усиленный лазган. За спиной жужжал пристегнутый силовой ранец. Кабели между входным портом лазерного ружья и ранцем нагрелись и покачивались.

Она была рада, что череполикий Астартес и та желанная квинт-адьютант приказали им вернуться в город. Девушка не хотела это признавать, но путешествие в корабле Астартес --- даже просто в отсеке со сложенными прыжковыми ранцами и штурмовыми мотоциклами --- оказалось довольно нервным.

Домоска была не в восторге от позиции, доставшейся ее взводу, но она была штурмовиком, штурмовиком легиона. Она гордилась преданностью долгу и никогда не жаловалась.

Отряды по всему городу должны были оставаться в засаде, пока наступали орки.

или тайно следовать, дабы занять позиции
в тылу врага.

По всему Хельсричу это делали
ветераны и отряды штурмовиков.
Полковник Саррен использовал лучших
солдат, чтобы выполнять самые сложные
операции.

И это работало.

Домоска предпочла бы в безопасности
прятаться за баррикадой под защитой
танков «Леман Русс», но такова уж была
жизнь.

--- Эй, --- прошептал прятавшийся
рядом с ней Андрей. --- Это лучше, чем
сидеть на задницах в пустыне, да? Да,
точно лучше, вот что я думаю.

--- Помолчи, --- прошептала она в
ответ.

Ее ауспик ничего не улавливал. Ни
тепла врагов, ни движения поблизости не
наблюдалось. Но Андрей продолжал
нагнать:

--- Последнего я выпотрошил штыком,
а? Так и хочется вернуться за черепом.
Отшлифовать и повесить на поясе, как
трофей. Думаю, это будет привлекать ко

мне больше внимания.

--- Скорее тебя из-за него пристрелят в первую очередь.

--- Хм... Не такое внимание. Ты слишком пессимистична, а? Да, я так и говорю. Это правда.

--- А я говорю, помолчи.

Чудесным образом он наконец затолкал. Низко пригибаясь, они перебирались от угла до угла. С соседней улицы доносились звуки боя --- Домоска слышала гортанный рев и свинячье фыркание орков.

--- Это Домоска, --- прошептала она в наручный вокс. --- Контакт впереди. Скорее всего, вторая группа, что прошла час назад.

--- Понято, третья разведывательная группа. Продолжайте движение, как предписано, со всеми предосторожностями.

--- Да, капитан. --- Домоска отключила вокс. --- Андрей, готов?

Штурмовик кивнул, крадучись передвигаясь рядом с ней.

--- У меня осталось три взрывчатки, хорошо? Еще три танка должны умереть. Тогда я получу обещанный капитаном

кофеин.

Голографический стол с
обнадеживающей точностью отражал
происходящее. Саррен не мог отвести
взгляда, хотя от мерцающих световых
образов через какое-то время начинало
жечь глаза.

Волна разбилась.

Гвардейцы окопались и удерживали
позиции. Клеши из частей Стального
легиона выдвигались на дислокации за
первой линией захватчиков и готовились
погнать орков вперед — расплющить
между толотом и наковальней.

Саррен улыбнулся. Неплохой выдался
день.

Юризиан не сходил с места уже
почти сутки.

Он сказал, что ему понадобится
больше недели и даже, скорее, две. Теперь
он в это не верил. Работа займет недели,
месяцы... Может быть, даже годы.

Коды, державшие неразрушенные двери
бункера запечатанными, были

великолепным произведением искусства ---
наверняка работа многих мастеров
Механикус. Юризиан не боялся ни одного
живого существа и убивал во имя
Императора вот уже двадцать три
десятилетия. И лишь сейчас он испытал
отвращение к своему делу.

--- Гримальд, мне нужно больше
времени, --- несколько часов назад сказал он
по вокс-связи.

--- Ты просишь о том единственном,
что я не могу тебе дать, --- ответил
реклезиарх.

--- Это может занять месяцы.
Возможно, годы. Когда выявляются коды,
они порождают вторичные коды, что, в
свою очередь, тоже требует тщательной
работы. Они размножаются, как в природе,
изменяясь, реагируя на мое
вмешательство порождением еще более
сложных систем.

Пауза была заполнена ледяной
яростью.

--- Юризиан, мне необходима эта
пушка. Доставь мне ее!

--- Как прикажешь, реклезиарх.

Ушел трепет от надежды увидеть
«Оберон» и стать той душой, что
пробудит великий Ординатус Армагеддон.
На их место пришли холодная
эффективность и неизбывное отвращение.
Запирающий код был одним из самых
сложных и изощренных творений, которые
могло собрать человечество из самых
разных сфер знаний. Уничтожение его
причиняло нестерпимую боль, сравнимую с
той, что чувствует художник, уничтожая
бесценное полотно.

Руны зеленым цветом мелькали на
его ретинальном дисплее. Юризиан решил
шесть кодов из показанных шести за один
лишь вздох. Последние пять требовали
дополнительных вычислений, основанных
на параметрах, установленных
предыдущими шестью.

Код эволюционировал. Он реагировал
на вмешательство, словно живое существо,
его древний дух сражался против
манипуляций магистра кузни. «Какое
прекрасное творение», -- думал Юризиан,
не прекращая работать. Проклятие, зачем
Гримальд поручил ему это!

Сервиторы стояли за его спиной с пустыми глазами, разинув рты и медленно умирая от истощения.

Юризиан не обращал на них внимания.

Ему предстояло уничтожить шедевр.

ГЛАВА ХІ

Первый день

Поступь титана гавно не заботила Асавана Тортеллия.

Само его присутствие было честью и тем, за что он ежедневно благодарил Механикус в своих молитвах. За одиннадцать лет службы он привык к тому, как грожали от огня орудий стены его монастыря. К чему Тортеллий так никогда и не смог привыкнуть, так это к Щиты.

Во многих смыслах Щит заменил небо. Асаван родился на Джирриане — малозначительном мире в незначительном подсекторе в средней удаленности от Святой Терры. Если о Джирриане можно было сказать, что у него есть какая-то отличительная черта, то это был климат его экваториальной зоны. Небо над городом Хангра-Лай было столь насыщенного, глубокого голубого цвета, что поэты тратили массу времени, пытаясь описать его словами, а

художники переводили тонны красок, чтобы увековечить в картинах. В мире утомительной традиции и серости бесконечного социального равенства — где все были в одинаковой степени бедны — небо над трющобати улья Хангра-Лай было единственным аспектом его молодости, достойным воспоминаний.

Щит отобрал у него это. Конечно, у Асавана все еще оставались воспоминания. Но с каждым годом они все больше тускнели, словно само присутствие Щита заставляло их блекнуть.

Не то чтобы Щит обладал каким-то определенным цветом. Нет, цвета у него не было. И не то чтобы он как-то особенно подавлял. Нет, такого тоже не было.

Большую часть времени он даже не был виден, и в лучшие времена он даже не был там.

И все же в некотором смысле он был всегда. И подавлял. И всегда был там. Он обесцвечивал небо. Его существование выдавало резкое электрическое шипение в воздухе. Статическое электричество потрескивало между пальцами и

металлическими поверхностями. Спустя какое-то время начинали болеть зубы. Это раздражало сильнее всего.

Раздражало осознание того, что Щит может быть включен в любой момент. Даже чужие небеса не доставляли удовольствия, и все это из-за Щита. Он уничтожал истинное наслаждение от созерцания небес. Даже будучи дезактивированным, Щит всегда угрожал внезапно появиться и без предупреждения отрезать Тортеллия от всего остального мира.

В моменты битвы Щит был скорее красивым, чем угрожающим. Он рябил, словно об него разбивались волны, и все цвета радуги проносились по небу, переливаясь, как в луже масляной краски под ливнем. Запах Щита после попаданий был смесью озона и меди, и если кто-нибудь отваживался постоять в это время на укреплениях монастыря, то спустя какое-то время от этого запаха начинала кружиться голова. В такие минуты Тортеллий считал обязательным показаться вне пределов монастыря, но

вовсе не из-за будоражащих эффектов насыщенного электричеством Щита — он находил мрачное удовольствие в выходе за пределы темницы, вернее, в избавлении от страха ожидания невидимого гнета.

Иногда Асаван даже задавался вопросом — а может, он смотрел в тайной надежде, что Щит падет? Если так случится... тогда что? Неужели он действительно хотел подобного? Нет. Нет, конечно нет.

Глядя на раскинувшийся внизу город, Тортеллий обдумывал все, что касалось ксеносов. Зеленокожие были грязными и жестокими тварями, их интеллект обычно описывали как рудиментарный, а если точнее, то звериный.

Могущественный «Герольд Шторма», инструмент божественной воли Бога-Императора, остановился. Тортеллий заметил это только потому, что столкнулся с громоподобная поступь гиганта.

Монастырь, бывший частью собора и шпилей и укреплений, украшавших мощные плечи титана, оставался безмолвным. Асаван слышал, как внизу, в пятидесяти

метрах, в ноге титана стреляли турели, истребляя ксеносов. Исключением были орудия на куполах — покрытых гранитными горгульями и высеченными из мрамора образами подобных ангелам примархов, благословенных навших сынов Бога-Императора, — они только готовились открыть огонь.

Тортеллий провел пальцами по развевающим волосам (проклятие, причиной которого он считал неприятные электростатические заряды Щита) и вызвал свой сервочереп. Тот поплыл вдоль креплений к хозяину, миниатюрные датчики позволяли ему парить в воздухе. Сам по себе череп был человеческим, отшлифованным до приятной гладкости. После отделения от трупа его изменили, добавив имплантированные камеры и активируемый голосовой командой интерфейс для записывания проповедей.

— Привет, Тарвон, — произнес Тортеллий. Череп когда-то принадлежал Тарвону Ушану, его любимому слуге. Какая замечательная судьба — даже после смерти служить Экклезиархии. Сколь же

счастливым должен быть дух Тарвона в
вечном свете Золотого Трона!

Череп-зонг ничего не ответил.
Гравитационные суспензоры жужжали,
пока он балансировал в воздухе.

--- Записывай, --- велел Тортеллий.

Череп испустил мелодичный звук в
знак согласия, когда встроенный в его
расширенный лоб инфопланишет --- не
больше человеческой лагони --- затерцал.

Ветерок, проникавший сквозь Щит,
был слишком слабым, чтобы охладить
покрытое потом лицо Тортеллия. Солнце
Армагеддона не могло сравниться со
звездой, озарявшей экваториальный
Джирриан, но и от него было достаточно
жарко и душно. Тортеллий вытер темный
лоб надушенным платком.

«В этот первый день осады улья
Хельсрич захватчики вторглись в город в
невероятном, невиданном ранее
количестве. Нет, постой. Командное слово
"пауза". Удали "невиданном ранее". Замени
на "несметном". Командное слово "далее".
Небо заволокло облаками грязного дыма,
выбрасываемого промышленностью

планеты, залпов зенитных орудий оборонных систем улья и дыма пожаров, терзающих далекие районы, уже захваченные врагом.

Я верю, что хоть несколько хроник этой войны сохранятся и попадут в имперские архивы. Сейчас я делаю эти записи не из тщеславного желания возвысить и увековечить свое имя, а для того, чтобы описать каждую деталь священного кровопролития этого масштабного Крестового Похода».

Здесь он потедел. Тортеллий искал слова, и когда покусывал нижнюю губу, раздумывая над драматичным описанием, монастырь под его ногами вновь вздрогнул.

Титан снова задвигался.

«Герольд Шторма» шел через город, не встречая сопротивления.

Три вражеские машины — развалюхи-шагатели, называемые ксеносами-гаргантами, — уже погибли от его орудий. В своей прозрачной тюрьме, заполненной жидкостью, Зарха чувствовала, как культа начала пульсировать тупой

горячей болью.

«Когда-то, -- подумала она с угрюмой устешкой, -- у меня были руки».

Следующие слова она произнесла уже не про себя.

Аннигилятор перегревается.

-- Аннигилятор перегревается.

-- Понял, мой принцес, -- отозвался Кансомир. Он дернулся на троне, получая данные о состоянии оружия напрямую от систем в сердце титана. -- Подтверждено. Отсеки с третьего по шестнадцатый демонстрируют рост температуры и давления.

Зарха повернулась в молочном саркофаге, интуитивно чувствуя титана лучше любого на борту: люди нуждались в показаниях на мониторах или в недлительных проводных соединениях. Она смотрела, как Кансомир опять дернулся, чувствуя, как пульсируют через его разум приказы, посредством одной только силы воли достигая когнитивных рецепторов в центре титана.

-- Поток хладагента, интенсивность утерянная, -- сказал он. -- Начнется через

восемь секунд.

Зарха вытянула правую руку, чувствуя боль в несуществующих пальцах.

--- Выпуск хладагента, --- сказал ближайший агент, склонившись над вмонтированной в стену контрольной панелью.

Немедленно пришло блаженное облегчение, словно обожженную солнцем руку опустили в ведро со льдом. Зарха отключила прием света фоторецепторами, погрузившись в приятную тьму, струившуюся через ее руку.

Спасибо, Валиан.

--- Спасибо, Валиан.

Зрение вновь вернулось, когда она реактивировала бионику. Потребовалось мгновение, чтобы изменить восприятие, фильтруя картинки окружающего мира. Вдохнув, Зарха посмотрела на город глазами боготашины.

Враг, подобно муравьям, роился на улицах вокруг ее лодыжек. Зарха подняла одну ногу, чувствуя одновременно и порыв воздуха на металлической коже, и

бурление жидкости вокруг своей лишенной ступни куклы. Орки бросились врассыпную от грозившей опасности. Один из танков был раздавлен в лепешку.

Вспомогательный огонь из укреплений на ногах «Герольда Шторма» выплеснулся на улицу, целыми ватагами поражая орков.

--- Мой принцес. --- Секунд-модератус Лонн дернулся на троне, его мышцы сводило спазмами в ответ на прилив мильсов из соединения с титаном.

Говори, Лонн.

--- Говори, Лонн.

--- Мы рискуем без поддержки скиитариев.

Зарха не была слепой, чтобы этого не видеть. Она пожала плечами, чувствуя, как напряглись и дрожат мышцы, и двинулась вперед.

Я знаю. Я чувствую... что-то.

--- Я знаю. Я чувствую... что-то.

Жилые башни по обе стороны от шагающего титана были покинуты: этот квартал был одним из немногих счастливиц, из которых легко было

звернуться до подземных бункеров.

Сообщу полковнику Саррену, что я настаиваю на второй фазе.

--- Сообщу полковнику Саррену, что я настаиваю на второй фазе.

--- Да, мой принцес.

Этот сектор, Омега-юг-девятнадцать, был одним из первых занятых врагом, когда рухнули стены. Ксеносы много часов пробирались через эту территорию, но значительного количества гаргантов здесь пока не наблюдалось. Такая ситуация давала отличную возможность уничтожать целые легионы врагов, пока их титаны были заняты где-то в другом месте.

В ее голове усилилось навязчивое, острое чувство, громящая в сплетениях вен в мозгу. Ничего подобного она не слышала многие, многие десятилетия.

Кто-то кричал в агонии.

Зарха почувствовала, как открылся рот, когда чувство расцвело и пустило корни. Оно стало более резким и грубым, ядовито пульсируя в черепе.

--- Мой принцес?

Сначала она не услышала.

--- Мой принцес?

Да, Валиан.

--- Да, Валиан.

--- Мы получает сигнал от
«Безжалостного». Мой принцес, он
утирает.

Я знаю... Я чувствую это.

Через мгновение Зарха осознала, как
все чувства словно оцепенели.
Предсмертный крик бушевал в ее
подсознании подобно урагану.
«Безжалостный» погибал. Его принцес,
Ясен Верагон, вопил, когда ксеносы
облепили труп гиганта, карабкаясь по
металлической коже.

Как его смогли убить?

И вот нашелся ответ. В крике боли
была память, которую она искала.
Искажавшийся образ того, как машину
боевого класса «Грабитель» повергли на
колени. Чувство приводящей в ярость
беспомощности. Он был богом... Как такое
могло случиться? Почему его конечности
больше не двигаются?

Вокруг были только обломки и дым.

которые не давали что-либо разглядеть.

Теперь крик утихал. Сердце-реактор «Безжалостного», сосуд кипящей плазмы, остывало.

--- Мы потеряли контакт, --- сообщил Валиан, почувствовавший это вслеп за Зархой.

Она плакала, хотя соленые капли, вытекавшие из слезных каналов, немедленно растворялись в окружающей ее жидкости.

Лонн закрыл глаза, получая доступ к гололитическому дисплею когнитивной связи.

--- «Безжалостный» был в районе Омега-запад-пять. --- Его темные глаза открылись, блеснув. --- Рапорты показывают, что район такой же, как этот: эвакуированные жилые башни, минимальное присутствие гаргантов.

Agent с похожим на скарабея динамиком вместо рта, управлявшийся со сканирующим экраном, выпалил через рубку серию машинных кодов.

--- Подтверждено, --- сказал Кансомир. --- Мы поворачиваем аусник на юг.

Значительные показатели тепла. Почти наверняка вражеская машина.

Зарха не расслышала почти ничего из этих слов. Картина смерти «Безжалостного» стояла перед ее искусственными глазами. Она еще раз всхлипнула, сердце болело, готовое разорваться от такой тьмы. Но, услышав с тем, что враг поблизости, она задвигала конечностями, имитируя ходьбу.

Титан вздрогнул и сделал шаг.

--- Мой принцес? --- позвали одновременно оба модератора.

Я отомщу. Даже в собственном сознании она едва ли слышала свои слова. Механические нотки добавились к ее мыслям --- и защищались с непреодолимой яростью. Я отомщу.

--- Мы отомстим.

Титан проходил мимо высоток, задевая их плечами.

--- Мой принцес, --- начал Кансмир. --- Я рекомендую, чтобы ты осталась здесь и подождали, пока скитарии разведают район впереди.

Нет. Я буду мстить за Ясена.

--- Нет, --- раздался из voxа резкий
голос. --- Мы отомстим за
«Безжалостного».

Не видя разницы между мыслями и
вырывающимися словами, Зарха дернулась
вперед. Голоса не столкнули, но от них она
могла отмахнуться усилием воли.
Никогда прежде принцесу не было так
легко пренебречь дребезжащими низшими
голосами ее меньших родичей. Другое дело
голос Валиана, доносившийся из отсека
мостика, а не по когнитивной связи.

--- Мой принцес, мы получаем
прошения о мессе.

Никакой мессы. Я охочусь. Месса с
Легио может состояться вечером.

--- Никакой мессы. Мы охотимся.
Месса с Легио может состояться
вечером.

Валиан с усилием повернулся в
ограничителях трона. Кабели, змеившиеся
из разъемов в черепе, последовали за ним,
словно хвосты причудливого животного.

--- Мой принцес, принцес Верагон
мертв, и Легио требует мессу. --- В его
голосе отчетливо слышалось беспокойство

--- без намека на панику или страх.

Остальные члены боевой группы жаждали моментального разделения внимания и цели --- единство принцев и гуду их машин, --- что было традицией после подобных потерь.

Легио подождет. Я жажду битвы.

--- Легио подождет. Мы жаждем битвы.

Вперед. Главные орудия к бою. Я даже отсюда чувствую вонь ксеносов.

Ее голос заглушило шумом потех, но «Герольд Шторма» продолжил движение.

Кансомир не был чересчур эмоционален, но что-то холодное и неудобное промелькнуло в мыслях, когда он повернулся обратно, чтобы посмотреть на город через гигантские глаза титана.

Он не был так тесно соединен с пылающим сердцем «Герольда Шторма», как принцес, но его собственные узы с богоподобной машиной не были лишены некоторой дружеской близости. Через связи с менее чувствительным центром машины Кансомир ощущал всю глубину ярости, которая была сродни наркотик у

своей всеохватывающей чистоте. Страсть эта перерастала через эмпатическую связь в мрачную раздраженность, и Валиану пришлось сопротивляться желанию обругать за неэффективность всех вокруг, пока он двигал титана вперед. И осознание причин этого раздражения совсем не утешало.

Правая нога титана ступила на угол улицы, превратив грузовик в лепешку. «Герольд Шторма» медленно и величественно повернулся, и встроены в корпус пикт-приемники показали широкую улицу. Утреннее солнце заблестало на полированной металлической коже титана. Валиан всего на мгновение погрузился в прилив внешних изображений, пришедших через мысленную связь. Сотни пикт-приемников, каждый из них демонстрировал чистую серебристую кожу или плотную броню, покрытую трещинами и царапинами от огня легкого стрелкового оружия.

Впереди, в конце широкой улицы, выдвинулась вражеская машина, терцавшая на ауспик-сканерах мостика размазанным

красным пятном. Валиан вздрогнул при виде его, глубоко вдыхая насыщенный специфическими запахами воздух. Как и всегда, жизнь внутри «Герольда Шторма» была пропитана машинным маслом, ритуальным фимиалом и сильным жгучим потом экипажа — они работали изо всех сил, хотя их тела неподвижно покоились на тронах.

Вражеский титан был нелепым до такой степени, что одним своим видом внушал отвращение. Его массивная, словно собранная из металлолома конструкция не внушала ни благоговения, ни уважения. Металлические кости «Герольда Шторма» были трижды благословлены техножрецами еще до того, как их собрали вместе в скелете титана. Каждый из миллиона зубцов, шестерней, заклепок и пластин брони, использованных при рождении титана класса «Император», были доведены до совершенства и благословлены прежде, чем стать частью тела гиганта.

Сейчас же воплощение безукоризненного совершенства

столкнулось с полной своей
противоположностью, и каждый член
команды, пилотирующей титана, ощутил
прилив отвращения. Вражеский гаргант
был жирным, похожим на большой колокол
— чтобы вмещать и войска, и боеприпасы
для усеивающих тушу орудий. Они были
установлены беспорядочно и казались
бородавками на его отвратительном
теле. Голова гарганта, в отличие от
выполненного в готическом стиле
механического черепа «Герольда
Шторма», была толстой и плоской, с
преснувшими глазными линзами и
тяжелыми челюстями. Он грачливо
установился на двигающуюся имперскую
машину и заревел, бросая вызов.

Он звучал именно тем, чем являлся:
военный вождь орков на мостике в голове
ревел в вокс-передатчик. «Герольд
Шторма» расхохотался в ответ, и его
предупреждающие сирены стеной звука
ударил в ответ.

В контейнере с жидкостью Зарха
подняла руки, направив вперед лишенные
костей обрубки.

«Герольд Шторма» с оглушительным ревом в точности повторил ее движение.

Но гигант не выстрелил. Ловушка, грубая и примитивная, захлопнулась вокруг величественного титана.

--- Ваше прошение о подкреплении принято, --- протрещал голос.

Райкин опустил вокс-микрофон, вновь сжимая лазерную винтовку.

--- Они в пути, --- прошипел он Вантине.

Женщина прижалась спиной к стене рядом с ним. Выражение ее лица, скрытого очками и респиратором, трудно было определить, но она кивнула майору.

--- Ты говорил то же самое полчаса назад.

--- Знаю. --- Райкин зарядил новую батарею в лазер. --- Но они идут.

Стена за их спинами грохнула под ударом очередного снаряда. С потолка на них посыпалась известка.

Взвод Райкина оказался в самом неприятном положении, и как бы яростно они ни сражались, без посторонней помощи

выбраться не удастся. Большинство его людей, те, кто не истек до смерти кровью, разместились у окон на разных этажах жилого дома, поливая огнем улицу снаружи. Комнаты были заставлены мебелью, оставленной семьями, которые нашли убежище в подземных бункерах.

Проблема заключалась в том, что, когда пали последние укрепления, взвод Райкина оказался отрезанным слишком быстро. Будучи арьергардом, прикрывавшим отступление, они попали в окружение и не имели возможности выбрать себе укрытие.

--- Они карабкаются по стенам! ---
заорал вдруг кто-то.

Райкин подскочил к ближайшему окну, все так же пригибаясь, чтобы обстрелять улицу. Тут он обнаружил, что стоит лицом к лицу с зеленокожей тварью, продравшейся через оконный проем второго этажа. От орка несло плесенью и оружейным дымом, а пороссячий взгляд был исполнен воинственности.

Райкин воткнул штык в горло твари, трижды выстрелив при этом. Ксенос

вылетел из окна, рхнуv на сорогичей.

Но те все равно продолжали
взбираться по этим проклятым стенам.

Райкин приказал троим из своих
людей следить за окном и понесся к
лестнице, ведшей на первый этаж. Треск
выстрелов здесь был даже громче.

--- Подкрепление в пути! --- прокричал
он вниз.

--- Вы это сказали полчаса назад! ---
ответил ему сержант Калас.

Райкин поймал взгляд сержанта.
Тот двумя руками стиснул болт-
пистолет, стоя на колене у окна и посылая
рокошующие выстрелы в проем. Майор
вернулся к ближайшему окну, добавив свой
вклад в канонаду.

Вся улица была завалена
зеленокожими трупами. Только самые
глупые или кровожадные орки пытались
перебежать дорогу и забраться на стены
здания. Большинство ксеносов --- и Райкин
благодарил Императора за эту небольшую
удачу --- обладало достаточной
сообразительностью, чтобы озаботиться
укрытием за собственным хлам-

транспортом или стрельбой из окон соседних жилых зданий. Они хохотали и глумились, пока продолжался обстрел, и раскаты свиного хохота становились еще громче, когда очередная группка ксеносов пыталась перебраться через улицу только для того, чтобы быть застреленной оборонявшимися солдатами Стального легиона. Хриплая радость от смерти своих же сородичей была варварским безумием, которую Райкин давно уже стал считать неотъемлемой чертой мерзостных ксеносов.

Нельзя было понять таких существ.

--- Мы не можем продержаться здесь. --- Вантина вновь спряталась в простенке, шепча краткую Литанию Преданности и перезаряжая винтовку. --- Вы слышите их машины? Майор, их прибывает все больше.

--- Мы вряд ли выберемся отсюда в ближайшее время. --- Он произнес эти слова как горькое проклятие, опуская на лицо маску респиратора. --- Так что будем держаться.

--- Или умрем.

--- Это не вариант, и я пристрелю

тебя, если скажешь это еще раз.

Она улыбнулась под противогазом, но Райкин этого, разумеется, не увидел. Он поднялся и прильнул к стене, прижав к груди ладан, а затем рискнул выглянуть из окна. Увиденное заставило его выругаться так красочно, как никогда не приходилось слышать Вантине.

— Ну так что? — Она приблизилась к нему, занимая позицию с другой стороны окна. — Не слишком хорошие новости, да?

— Танки. Эти ублюдки гонят по дороге тяжелую технику.

Вантина сама посмотрела на улицу. Три имперских «Леман Рюсса», захваченные и «усовершенствованные» приклепанными кривыми листами брони и раскрашенные в несочетаемые цвета. Неровная передняя поверхность трех танков демонстрировала инопланетные символы, ничего не значащие для человеческого глаза.

— Мы покойники, — покачала она головой. — И не надо пристреливать меня. Они разрушат здание и убьют меня вместо вас.

Райкин проигнорировал ее замечание.

--- Ников! --- Он заставил ожить бусину в воксе. --- Ников, что там с пусковой установкой?

Ников был на верхнем этаже жилого блока, куда отступил с ракетной установкой минут десять назад. Оружие получило повреждение, когда прорвали прошлую баррикаду.

--- Все еще заклинено. --- Ответ Никова пришел через потрескивающее шипение в воксе. После длительной паузы он добавил: --- Я правильно слышал, ты снова кричал о подкреплении?

--- Они идут! О Трон, почему все ноют об этом?

--- Думаю, потому, что ты предпочл бы не утирать, сэр.

Именно в этот момент взорвалась западная стена. Осколки разлетелись по всей комнате, наполняя ее каменной пылью. Через очки Райкин уставился на дыру в стене размером с трех взрослых человек. Большинство солдат поблизости уже поднимались с пола. Двое остались лежать.

--- Заставь установку работать! ---
приказал Райкин, как только настал
момент зловещей тишины.

Вантина с трудом поднялась на ноги
и отбежала подальше от зияющей бреши в
стене.

Снаружи донесся хохот ксеносов,
грохот гусениц танков и далекое
завывание реактивных двигателей.

--- Ух все больше? --- позвала Вантина.

--- Это не враг, --- отозвался Райкин. ---
Не танки.

Это действительно были не они.
Бусина его voxа передала
прерывающийся разговор разных каналов,
но один голос все же пробился.

--- Ваш запрос о подкреплении, ---
произнес он, будучи слишком низким,
чтобы принадлежать человеку, ---
подтвержден.

Комнату накрыла тень десантно-
штурмового корабля, с шумом
пролетевшего на воющих турбинах.
Челнок снизился и открыл огонь по улице.
Долго лететь под углом на крейсерской
скорости было невозможно, но пилот

приложил максимум усилий, чтобы удержать своего «Грозового ястреба».

Установленные на его крыльях и боках тяжелые болтеры плевали смертоносными снарядами в крупные группы врагов. Нечеловеческая кровь загрязняла воздух, когда десятки существ упали от попадания разрывных снарядов. Огрызаясь, выжившие орки открыли огонь — загребезжали стабберы, пули ливнем обрушились на черный корпус, столь же безвредные для него, как град.

Другое дело танки. Первый снаряд врезался в бок челнока с силой шквала, и Райкин вздрогнул от взрыва. Корабль закрутился после попадания вокруг своей оси, поднимая во время разворота горячий ветер работающими стартовыми двигателями. В ответ на атаку птичий силэт взмыл вверх, сделал вираж над танком и наконец сбросил свой груз.

Темные фигуры с лязгом приземлились прямо на танки, черные, словно жуки, на металлической шкуре машин.

Первый из высидившихся — фигура на

башне ведущего танка — был в шлеме с серебряным черепом вместо лица и орудовал булавой со вспыхивающим силовым полем вокруг наверху в виде раскрывшего крылья орла. Оружие обрушилось ребром вниз, разбивая вдребезги оружейную башню. Ее срезало начисто, и она упала в орду столпившихся ксеносов.

— Доброе утро, реклюзиарх. — Голос Райкина прерывался от облегчения и радости.

Рыцарь ответил не сразу. Он и его знаменосец занялись зеленокожими, которые кишмя кишели у корпуса уже бесполезного танка и лезли вверх в отчаянном порыве пролить кровь черных рыцарей.

Болтер Артариона плевался смертью, сокрушая и отбрасывая тварей вниз на дорогу. В сияющей как солнце вспышке плазменный пистолет Гримальда дезинтегрировал еще две карабкающиеся твари, позволив пылающим останкам рухнуть обратно в толпу.

Второй уничтоженный танк усеяло множество следов — дым поднимался из

вентиляции и трещин в броне. Храмовники швырнули внутрь него гранаты, и Райкин увидел, как два рыцаря отпрыгнули прочь, больше не обращая внимания на подбитый «Леман Русс», и набросились на толпу врагов на улице.

— Прости, что задержались, майор. — У реклюзиарха даже дыхание не сбилось. — Мы были нужны при прорыве баррикады в южном квартале девяносто два.

— Лучше поздно, чем никогда, — ответил Райкин. — Судя по последнему сообщению от центрального командования, план Саррена в этом квартале работает лучше, чем предсказывали все аналитики. Мы будем передислоцироваться для контрудара?

На башне танка Гримальд описал булавой смертоносную дугу, превращая орков в кровавое месиво.

— Ты еще дышишь, майор. Этого достаточно.

Рассвет не принес ничего, кроме продолжения ночной бойни.

Такого звука я еще никогда не

слышал. За два столетия жизни мне приходилось воевать рядом с боготашинатами, чьи орудия были громче, чем предсмертные крики звезд. Я противостоял многотысячным армиям, где каждое существо криками выражало свою ненависть. Я видел, как корабль размером с башню улья врезался в поверхность океана в одном из галекитиров. Фонтан воды, который он выбросил в небеса, и приливная волна, что последовала за ним, были подобны божественному суду, что пришел затопить землю и сокрыть все человечество в соленых глубинах.

Но ничто из этого не могло сравниться с защитой Хельсрича.

На улицах схлестнулись люди и ксеносы, грохот оружия и голоса смешались в громадную волну бессмысленного шума. На каждой крыше турели и многоствольные бочкообразные защитные орудия стреляли в небо, и запас их снарядов не заканчивался, ритм огня не замедлялся ни на секунду. Машинный рев сражавшихся титанов был слышен за несколько

кварталов от места битвы.

Никогда прежде я не слышал, как целый город был занят войной.

Пока мы сражаемся, чтобы очистить улицы от тварей, осаждающих майора Райкина, и пока сами легионеры оставляют укрытия и присоединяются к нам в битве, я не перестаю следить за главными вокс-каналами.

Райкин не ошибся. Пока мы заняты в запланированном вооруженном отступлении по всему улью, всего лишь несколько кварталов оставлены без приказа.

Вражеские титаны уже в городе. Отчеты об уничтоженных гаргантах поступают от командиров Инвигилаты и вносят свою лепту в общий хаос вокс-сообщений, но это радостный хаос. Хельсрич остается непокоренным на том момент, когда солнце достигает полудня.

Мои братья все так же рассеяны по городу, поддерживая самые слабые участки обороны и помогая защите там, где прилив орков особенно мощен. Как жаль, что мы не можем собраться вместе в

последний раз. Эта упущенная
возможность — еще одна ошибка, которую
я должен искупить.

Отчеты поступают ко мне каждый
час. Пока никакие потери не очернили
наши списки. Я не могу ничем помочь, но
задаюсь вопросами: кто из нас падет
первым и как долго просуществует наша
команда, когда часы станут днями, а дни
неделями?

Этот город упрет. Все, что
остается, — это только выяснить, как
долго ты сможешь бросать вызов судьбе. У
превыше всего я хочу получить оружие,
погребенное в песках пустошей.

Я делаю вдох, чтобы вызвать
«Громоу ястреб», когда вокс вдруг
разражается паникой. Трудно хоть что-то
понять из этой какофонии шума и криков,
но ключевые слова я все же могу выловить:
титан. Инвизилата. «Герольд Шторма».

И затем голос, гораздо более сильный,
чем другие, произносит единственное
слово. В нем чувствуется боль.

— Гримальд.

ГЛАВА ХІІІ

В тѣни примарха

«Громоуой ястреб» лчитсѧ на юг, все вокрѹг нас грохочет от свирепого воздушного вихря, поднятого ѹскорителями корабля. Очень легко вообразить, как взбалтываются при этом плотные облака Армагеддона.

Ветер ревет в кабине экипажа, залетая через открытый люк. Я по правую сторону первым ѹ выхода, стиснувь одной рѹкой край шлюза, в то время как ветер когтями пытается сорвать табарг и свитки. Под нами расстилается город, стрелятся в небо башни, льнут к земле ѹлицы. Первые в огне, вторые наводнены теплом и врагами.

Многие дальние кварталы полыхают. Это Хельсрич — промышленный город, производящий топливо. Здѣсь много такого, что хорошо горит.

Языки пламени задымляют небо, когда кольцо огня проглатывает окраины ѹлья, медленно продвигаясь вперед. В

десятки раз увеличивается поток беженцев из окраин в центр. Размещение их уже не является самой большой головной болью. Главная проблема забытых горожанати улиц заключается в том, что войска не могут передислоцироваться так быстро, как этого требует план Саррена.

Я не осуждаю полковника за эту недоработку. Его управление городом -- а он прибыл в Хельсрич ненамного раньше нас -- оказалось настолько эффективным, насколько вообще можно ожидать от человека под воздействием сильнейшего стресса. Я вспоминаю, как на первых инструктажах он был подавлен огромным количеством гражданских, которые отказывались покидать дома даже перед угрозой вторжения. Но правде говоря, город строился явно не с переизбытком убежищ. В конце концов Саррен с неохотой позволил им оставаться в домах, зная, что проблема -- частично -- решится сама собой. Как только ксеносы захватят некоторые районы, численность погибших гражданских окажется катастрофической.

-- Ну что ж, -- сказал он как-то ночью

собравшимся командират, — значит, будет меньше беженцев.

Тогда я искренне восхитился Сарреном. Его безжалостная ясность мышления достойна высочайшей похвалы.

Накренившись, «Грозовой ястреб» начал спуск. Я приготовился, шепча слова почтения духу пристегнутого к доспеху прыжкового ранца. Он громоподобный и древний, покрыт вмятинами, царапинами и нуждается в покраске, но соединение с броней безупречно. Движением век я кликаю по руне активации, и гул внутренних систем ранца сливается с рычанием работающего доспеха.

Я замечаю «Герольда Шторма».

Через мое плечо Артарион видит то же самое.

— Кровь Дорна, — непривычно тихо произносит знатеносец.

Вся сцена занята пыльными серыми облаками, поднимающимися от разрушенных зданий. В этом сером облаке, наполовину погребенный в обломках взорванных зданий, титан стоит на коленях.

Шагающая шестидесятиметровая
смерть --- неупержимая оружейная
платформа, чьи плечи украшает
прекрасный собор, --- повержена и стоит на
колених. Вокруг несколько разрушенных
жилых башен. Захватчики, будь прокляты
их лишённые души жизни, заложили
взрывчатку в ближайшие жилые блоки и
обрушили все это на гиганта.

--- Они поставили титана класса
«Император» на колени, --- говорит
Артарион. --- Никогда не думал, что
доживу до такого.

Сотни тварей толпились на улицах,
забираются на спину поверженной
боготашины при помощи крюков и
дымящих прыжковых ранцев. Они
облепляют броню, словно паразиты.

--- Гримальд, --- зовет меня титан, и
внезапно становится понятно, почему в
этом голосе столько боли. Не от боли. От
стыда. Она наступала без прикрытия
фаланг скитариев и оказалась
беззащитной против атаки такой массы.

--- Я здесь, Зарха.

--- Я чувствую, как они ползают по

моей коже, словно миллион пауков. Я...
не могу встать. Не могу подняться.

--- Приготовьтесь, --- велю я по воксу
братьям. Затем обращаюсь к униженному
принцу: --- Мы вступаем в бой.

- - - Я чувствую их, --- вновь
произносит она, и я не могу понять по ее
машинному голосу, какие чувства она
сейчас испытывает, горечь, ярость или и
то и другое одновременно. --- Они убивают
моих людей. Тех, кто читает мне
молитвы... моих верных агентов...

Я прекрасно понимаю Зарху. Для
Культа Машины каждая смерть не просто
трагедия утирания, а невосполнимая
утрата знаний, как настоящих, так и
будущих, которые не удастся
восстановить.

--- Они внутри меня, Гримальд.
Как паразиты. Оскверняют собор
святилища. Карабкаются в моих
костях. Пробираются к сердцу.

Я не отвечаю ей, так как смотрю на
разрушенный город внизу. Вместо этого я
приготовился к кратковременной
дизориентации и прыгнул.

Гримальд первым выпрыгнул из парившего кружати «Грозового ястреба».

Артарион, как всегда следовавший тенью и несший знамя, был вторым. Приат с клинком в руке выпрыгнул следующим. Неровар и Кагор последовали за ним — первый нырнул в пике, второй просто шагнул вперед. Последним был Бастилан, значок сержанта на шлеме блеснул в тусклом вечернем свете. Он связался по воксу с пилотом, пожелал ему удачи и вытащил оружие перед тем, как нырнуть в пропасть.

Высотомер на ретинальном дисплее показывал быстро уменьшающиеся цифры, мелькающие перед глазами. Над ними громадной целью возвышался стоящий на коленях титан. Многоуровневый собор на его плечах был похож на улей в миниатюре — город шпилей. Титан оцетинился оружейными батареями и весь был облеплен паразитами-ксеносами.

Спускаясь, рыцари видели, как твари забирались по веревкам или взлетали на примитивных ракетных ранцах, осаждая

раненого титана. Сам «Герольд Шторма» был словно изваяние, символизирующее неудачу. Он был повержен на колени, погруженный по пояс в обломки шести или семи обрушенных жилых башен. Вся улица вокруг была в развалинах, где подорвали строения и сровняли часть города с землей. Орудия-руки титана, громадные, как жилые башни, были бело-серыми от пыли и покоились на насыпях разбитого кирпича, перекрученных стальных прутьев и обломков рокрита.

Гримальд пока не включал прыжковый ранец, не желая затеждать свободное падение.

— Приземляйтесь во дворе в центре собора, — велел он остальным.

Подтверждения от братьев пришли немедленно. По очереди каждый из них задействовал свой прыжковый ранец, превращая падение в контролируемый спуск.

Гримальд был последним, кто включил двигатель, и первым, кто коснулся земли.

Его сапоги громыхнули по мощеному

двору, размалывая драгоценную мозаику в
градий. Реклюзиарх мгновенно сместился,
находя равновесие на наклонной
поверхности. Из-за унижительной позы
«Герольда Шморла» собор накренился под
углом почти в тридцать градусов.

Двор был обрамлен девятью
простыми трапезными статуями в
четыре метра высотой. В каждом из
основных направлений в сам собор вели
несколько открытых дверей. Мозаичная
плитка на полу изображала черно-белый,
разделенный на две части механический
череп Кюльта Механикус с Марса.
Тригальд приземлился на глазницу с
человеческой стороны черепа, раздав
черную плитку в пыль.

Ничто не двигалось поблизости.
Звук битвы, мародерства,
нагрудательства — все это доносилось из
окружающих зданий.

Приам приземлился, проскользив по
полу, его бронированные сапоги разбили
мозаику и подняли волну мелких камней.
Прикованный к запыстью меч пробудился.

Нероуар, Кагор и Бастилан

приземлились более изящно. Сержант опустился на землю в тени одной из накренившихся статуй. Суровое лицо изваяния затмило заходящее солнце.

--- Это притархи, --- сказал он остальным, пока рыцари проверяли оружие.

Все повернулись к Бастилану. А он оказался прав.

Эти изваяния были столь простыми, что могли показаться незавершенными. Сыны Императора обычно изображались в величии и славе, а не столь аскетичными и скромными.

Здесь был Сангвиний, крылатый повелитель Кровавых Ангелов с овеянным покоем невинным лицом. А вот и Жиллиман из Ультратаринов --- его закутанная в мантию фигура была самой тонкой из всех его изображений, прежде виденных рыцарями. В одной руке притарх держал открытую книгу, другую воздел к небу, словно его навечно заморозили в момент произнесения великой речи.

Джагатай-хан был изображен с обнаженным торсом и кривым клинком в руках. Он смотрел влево, словно

разглядывал далекий горизонт. Длинные, чуть растрепанные волосы распущены, хотя обычно живописцы и скульпторы изображали его с хвостом на затылке. Рядом с ним Коракс, князь Воронов, в простой гладкой маске, лишенной всех черт, кроме глаз. Казалось, он не хочет показывать лицо даже своим братьям, прячась за актерской личиной.

Феррус Манус и Вулкан делили один постамент. Братья стояли с непокрытыми головами, и только эти два примарха были изображены в броне: Манус в кольчуге, Вулкан в чешуйчатом доспехе. Они стояли, глядя в противоположные стороны, оба сжимали в руках молоты.

Летан Русс, примарх легиона Костиических Волков, стоял, расставив ноги, и смотрел в небо, запрокинув голову. В то время как другие сыны Императора красовались в мантиях или броне, Русс был одет в шкуры, сквозь которые виднелась точеная мускулатура. Он также был единственным примархом со сжатыми кулаками, словно смотрел в небеса, ожидая чьего-то нежеланного

прибытия.

Фигура в мантии и капюшоне, худая почти до истощенности, сжимала рукоять крылатого меча, чье острое упиралось в постамент между босыми ногами статуи. Это Лев Эль-Джонсон, изображенный воином-монахом. Глаза его были закрыты, словно примарх Темных Ангелов медитировал.

И наконец, последним стоял, возвышаясь над Бастиланом, Розал Дорн.

Дорн находился в стороне от братьев, не глядя ни на свою родню, ни в небо над головой. Его царственный взор был опущен к земле слева от него, словно примарх смотрел на что-то жизненно важное, что мог видеть лишь он один. Мантия на нем была проще и скромнее, чем на братьях, но на груди также был тщательно вылеплен крест. Хотя он был командиром Имперских Кулаков, личная геральдика перешла другим его сыновьям — тем, кто ушел в Храмовники.

Именно его руки более всего прочего привлекли внимание рыцарей. Одна была поднята к груди, пальцами касаясь креста,

словно застывшая в недоконченном жесте. Другая вытянута в том направлении, в котором смотрел Дорн, ладонь раскрыта и повернута к небу, словно предлагая помощь кому-то, поднимающемуся на ноги.

Статуя была самым аскетичным и совершенным воплощением генетического отца Гримальда, какое он когда-либо видел. Он с трудом подавил внезапное желание упасть на колени и вознести молитву.

— Это знак, — продолжил Бастилан.

Гримальд едва ли мог поверить, что последняя фраза сержанта прозвучала всего несколько секунд назад.

— Да, воистину, — ответил реклюзиарх. — Мы очистили храм от ксеносов под пристальным взглядом нашего прародителя. Дорн смотрит на нас, братья. Так пусть же он гордится днем, когда был создан первый Храмовник.

Без колебаний и осторожности мы продвигается через залы собора.

Я смог справиться с раздражением от мокрого пола, к тому времени как убил

уже третьего ксеноса. Все вместе мы
минувем помещение за помещением. Собор
представляет собой серию залов,
обращающих двор, и в каждом наше
внимание привлекают витражные окна,
сейчас разбитые и похожие на беззубые
рта.

Мы убиваем легко, почти не
задумываясь. Приат ведет себя словно волк
на цепи, готовый сорваться и в одиночку
убежать вперед.

Мое терпение в отношении его
заканчивается.

Каждый зал осквернен. Техноагенты и
жрецы Экклезиархии лежат мертвые и
разорванные на части, куски их тел
пятнают мозаичный пол. Будучи
безоружными, они не могли
сопротивляться захватчикам. Книжные
полки обрушены на пол, керамические
орнаменты разбиты... Я всегда считал
бесстысленную тягу к разрушению
естественной чертой ксеносов, но сейчас
все выглядело так, словно твари что-то
искали.

- - - Структуры сочленений

запечатаны. Мои кости защищают
внутренние войска. Путь к сердцу
отрезан от паразитов.

Попали они в засаду или нет --- плохо,
что Механикус потребовалось столько
времени для выполнения столь простых
действий.

--- Мы очищаем собор, --- сообщаю я
Зархе. --- Сопротивление минимальное,
Зарха. Но ты должна встать. Орки все
прибывают. Сделай невозможным абордаж
собора, или нас сожгут.

--- Я не могу встать, --- говорит она.

Трех для великого воина произносить
столь постыдные пораженческие слова.
Будь она одним из моих рыцарей, я убил бы
ее за такое бесчестье. Задушил. Медленно.
Трусость не заслуживает удара меча.

--- Я пыталась, --- протянула она.

Эмоции, окрасившие механический
голос, вызвали у меня прилив желчи.
Насколько я понимаю, она плачет. Мое
отвращение столь велико, что я с трудом
сдерживаю тошноту.

--- Пытайся лучше, --- выдыхаю я в вокс
и обрываю связь.

Мы пробиваемся к внешним укреплениям на фронтальной броне «Герольда Шторма», где захватчиками легко забраться на титана по наклонной поверхности. Жирная рука орка хлопает по окровавленному металлу на краю стены, и тварь пробирается внутрь. Мой плазменный пистолет упирается в морду зеленокожего, стабилизаторы теплообменника шипят на его коже. У орка осталась лишь секунда, чтобы забыть о ненависти, а затем я нажимаю на спусковой крючок. Безрукие остатки ксеноса падают вниз, быстро сгорая, — живой бело-синий факел.

Укрепления под настоящей осадой. Последние выжившие техноагенты и жрецы, совсем маленькая группа, обороняются от целой орды ксеносов. Немногие из людей, с аугментикой или без нее, могут на равных биться с орками.

Цепь дисциплины, сдерживающая Приата, оборвалась. Мечник понесся вперед, оружие сверкает каждый раз, когда силовое поле вливается в плоть ксеносов. Мои братья повергают врагов на

осажденной стене клинками и болтерами. Немногочисленные ведущие огонь по толпе орков и управляемые сервиторами турели на шпилях затолкают -- они не рискуют попасть в нас.

-- За это ты получишь епитимью, Приат.

Он не отвечает.

-- За Императора! -- кричит он в вокс. -- За Дорна!

Турели вновь открывают огонь туда, где нет никого из Храмовников. Что ж, по крайней мере, в отличие от их хозяев, сервиторы чего-то стоят. Орки отвлекаются от резни немногочисленных уцелевших жрецов и двигнутся к нам.

Один из них... О Трон Императора... Один из них заставляет своих собратьев казаться карликами. Он вдвое выше любого из нас, броня выглядит примитивной и собранной из металлических обломков, а корпус экзоскелета болтами присоединены пыхтящие энергетические генераторы. Руки -- огромные клешни, способные без труда разорвать танк. Орк даже убивает сородичей, стоящих перед

нит, когда приближается по
искривленному полу к нам. Взмахами
клевшей зеленокожий разбрасывает своих
меленее рослых соратников, отшвыривая их
к собору или куда-то через стену.

Я обеими руками поднимаю крозиус.

--- Этот мой, --- говорю я братьям.

Дорн смотрит на нас.

--- Вы хотели видеть меня, сэр?

Томаз не стал утруждать себя
приведением в порядок памяти
комбинезона, когда выпрямился в чем-то
отдаленно напоминающем стойку
«стирно». Его окружал командный штаб,
как всегда похожий на улей. Младший
офицер загела докера, проходя мимо.

Томаз ничего не ответил. Сегодня он
отработал пятнадцать часов в порту,
забитом дюжинами и дюжинами судов, где
почти не было места, куда можно
складывать груз. Пятнадцать часов крика,
так как вокс-передатчики сломались, а
техножрецов, чтобы починить их, не было.
Груз скидывался куда попало, куда только
можно было сложить, --- и место неизбежно

оказывалось неправильным (и максимально неудобным) -- и в итоге через считанные минуты его приходилось перекладывать, исправляя ошибки предыдущих рабочих.

Честно признаться, Томаз даже не протестовал бы, если бы его сейчас положили на землю. Он бы тогда свернулся и урвал хоть минутку чертова сна.

-- Сэр, -- напотнил он.

Саррен наконец оторвался от гололитического стола. Магерн заметил, что полковник за последнюю неделю постарел на добрый десяток лет. Он выглядел таким же усталым и разбитым, как и сам Томаз.

-- Что? -- спросил Саррен, сужая покрасневшие глаза. -- Ах да. Человек из порта. -- Полковник вновь опустил взгляд к дисплею. -- Мне нужно, чтобы ваши бригады работали быстрее. Понятно?

Магерн непонимающе моргнул:

-- Простите, сэр. Я вас не расслышал.

-- Мне нужно, -- повторил Саррен, не смотря на Томаза, -- чтобы твои бригады ускорили темп работ. Отчеты показывают, что порт простаивает. Мы

говорит о значительных частях на севере и востоке города. Мне нужно передвинуть войска. Нужно складировать материалы. Мне нужно, чтобы ты хорошо делал свою работу.

Магерн неверяще оглядел комнату, неуверенный, как реагировать.

— Что вы хотите, чтобы я сделал, полковник? Что я могу сделать?

— Твою работу, Магерн.

— Полковник, вы давно были в порту?

Саррен вновь поднял глаза и невесело расстелся:

— Я выгляжу так, словно недавно видел что-нибудь кроме докладов о потерях?

— Я не могу ничего сделать, — покачал головой Магерн, на которого снизошло чувство нереальности происходящего. — Я не чюдотворец.

— Будь рад, если ты... увеличишь... объем работ.

— Даже будь ее вдвое меньше. У нас отставание на недели, даже месяцы — и нет места для разгрузки.

— И тем не менее мне нужно больше

от тебя и твоих людей.

--- Конечно, сэр. Я вернусь через минуту. Чувствую внезапную нужду помочиться дорожным белым вином и превратить все, до чего прикоснусь, в золото.

--- Это совсем не смешно.

--- Да не смеюсь я над тобой, ты, надутый сукин сын! «Работать больше»? «Сделать больше»? Ты свихнулся? Я ничего не могу сделать!

Стоявшие неподалеку офицеры уставились на докера. Саррен вздохнул и кончиками пальцев потер глаза.

--- Я с пониманием отношусь к сложностям твоего положения, но это лишь первая неделя осады. Дальше будет только хуже. Мы все будем спать еще меньше и работать еще больше. Я понимаю, как ты надрываешься, но ты не единственный, кто страдает. Ты, по крайней мере, точно проживешь дольше многих из нас. У меня тужины и женщины на улицах сражаются и умирают за каждый дом, чтобы ты мог продолжать жаловаться на мою

несправедливость к тебе. У меня под
командой сотни тысяч горожан,
столкнувшихся с самым большим
вторжением ксеносов, которое когда-либо
видел мир.

--- Сэр. --- Магери перевел дыхание. ---
Я бую...

--- Ты заткнешься и дашь мне
закончить. У меня целые взводы мужчин и
женщин оказались за линией фронта, и
они, без сомнения, разрублены на куски
топорами кровожадных тварей. Целые
танковые дивизии простаивают без
топлива из-за сложностей поставок в
секторах, где идут боевые действия. У
меня титан класса «Император» стоит
на коленях, потому что его командир была
слишком разгневана, чтобы гнуть
головой. У меня город окружен огнем, и его
жителям некуда бежать. Десятки тысяч
солдат, погибающих, чтобы
предотвратить приближение врага к
магистралу Хель, --- люди умирают за
дорогу, почтенный представитель
профсоюза докеров, потому что, как
только твари доберутся до главной

артериии города, все мы утрет куда быстрее.

Я ясно выражаюсь, когда говорю, что, понимая твои трудности, я так же ожидаю, что ты их преодолеешь? Мы поняли друг друга? Больше к этой теме не придется возвращаться?

Магерн, сгудорожно глотнув, кивнул.

--- Хорошо, --- улыбнулся Саррен. --- Отлично. Что ты можешь сделать?

--- Я... поговорю с бригадирати, полковник.

--- Благодарю за понимание, Томаз. Ты свободен. А теперь, кто-нибудь, установите связь с реклюзиархом. Мне нужно знать, насколько он близок к тому, чтобы титан вновь пошел.

Гримальд стоял перед искалеченной Зархой.

Спокойный негромкий гул его брони прерывался раздававшимся врезаме от времени механическим жужжанием. Какая-то внутренняя система, соединявшая силовой модуль с госпехом, работала неправильно. Шлем-черепа с

серебряной лицевой пластиной был залит кровью ксеносов. Левое колено госпехашцелкало при движении, внутренние системы нуждались во внимании ремесленников ордена. Там, где снапличников свисали написанные клятвы, броня была обожжена, керамит местами покрылся трещинами.

Но он был жив.

Артарион выглядел столь же потрепанным. Теперь, когда орки были наказаны и покараны за свое кощунство, остальные рыцари остались в соборе наверху.

--- Мы зачистили твой титан, --- процедил Гримальд. --- А теперь вставай, принцес!

Зарха плавала в молочных водах, не слыша его. Казалось, она утонула.

--- Ее поглотил «Герольд Шторма», --- тихо произнес модератус Кансомир. --- Она была очень стара и многие годы подавляла своей волей сердце титана.

--- Она еще жива, --- заметил рыцарь.

--- Только плоть, и то ненадолго. ---

Казалось, необходимость объяснять

причиняла Кансомиру боль. Его глаза были красными, с черными кругами. --- Машинный дух «Императора» намного сильнее любой души, какую вы можете представить, реклюзиарх. Эти драгоценные машины являются отражениями самого Бога-Машины. Они несут Его волю и Его силу.

--- Ни один машинный дух не сравнится с живой душой, --- прорычал Гримальд. --- Принцесса была сильной. Я чувствовал это в ней.

--- Вы ничего не понимаете в метафизике здешной работы! Кто вы такой, чтобы читать нам нотации? В конце концов, именно ты связан с сердцем титана! Вы здесь никто... Чужак!

Гримальд повернулся к членам команды, сидевшим в контрольных креслах. Суставы его разбитой брони угрожающе взвизгнули.

--- Я проливал кровь для защиты вашего титана, как и мои братья. Вас бы вырвали из ваших тронов и погребли под обломками, не спаси я ваши жалкие жизни. Если ты еще раз назовешь Храмовника

никет, я убью тебя на месте, человечиска.
Ты сам ничто без своего титана, а он
живет лишь благодаря мне. Полни, с кем
говоришь.

Команда обменялась встревоженными
взглядами.

--- Он не хотел вас оскорбить, ---
промямлил один из техножрецов через
имплантированный в лицо вокс-
передатчик.

--- Мне все равно, чего он хотел. Меня
интересует то, что есть сейчас. И здесь.
Заставьте титана двигаться.

--- Мы... не можем.

--- Все равно сделайте это. «Герольд
Шторма» должен был идти вместе со Сто
девяносто девятой танковой дивизией
Стального легиона еще час назад, но из-за
отсутствия поддержки им приходится
отступить. Хватит медлить.
Возвращайтесь в бой.

--- Без принцеса? Как мы можем это
сделать? --- покачал головой Кансолмир. ---
Она ушла от нас, реклюзиарх. Стыд,
ярость поражения. Мы все чувствовали,
как титан ворвался в нее. Ее разум

соединился с единством всех предыдущих принципов, объединенных в сердце титана. Ее душа похоронена, и тело тоже должно быть в могиле.

--- Она жива, --- угрожающе сунул глаза рыцарь.

--- Пока что. Но именно так утирает принцес.

Гримальд повернулся к жидкому саркофагу и неподвижной женщине в нем.

--- Это неприемлемо.

--- Но это правда.

--- Тогда, --- прорычал реклюзиарх, --- правда неприемлема!

Она плакала в тишине --- так, как кто-то плачет, когда совершенно одинок, когда нет опасения, что его увидят или услышат, и нечего стыдиться.

Вокруг нее было абсолютное ничто. Ни звука. Ни движения. Никаких цветов. Принцесс плавала в пустоте, где не было ни холода, ни жара, ни направления, ни ощущений.

И она плакала.

Когда она секунду назад открыла

глаза, то ощутила, как от страха по спине прошла дрожь. Она не знала, кто она такая, где она и почему она здесь.

Воспоминания --- обрывочные, вспыхивающие образы, которые все же сохранились в ее сознании, --- были из соен миров и соен войн, сражений, которых Зарха не могла припомнить.

Хуже всего то, что все они были заняты чувствами, которых она сама никогда не переживала, --- нечто нечеловеческое, резкое, злобщее... что-то среднее между экзальтацией и ужасом. Она видела в памяти эти моменты и чувствовала легкое присутствие эмоций других существ вместо своих собственных.

Это как тонуть. Тонуть в чужих снах.

Кем она была раньше? Имеет ли это значение? Зарха скользнула глубже. То, что оставалось в ней от нее самой, начало ломаться и исчезать. Такова цена за спокойную, безмолвную смерть.

А затем раздался голос и все испортил.

--- Зарха, --- промолвил он.

Со словом пришло слабое понимание, осведомленность. У нее, оказывается, есть ее собственные воспоминания — по крайней мере, были когда-то. Внезапно стало казаться неправильным, что у нее нет доступа к ним.

Пока Зарха медленно восстанавливалась, возвращались воспоминания. Войны. Чувства. Огонь и ярость. Инстинктивно она вновь оттолкнулась, готовясь глубже погрузиться в ничто. Что угодно, только бы избежать воспоминаний, принадлежавших другой душе.

— Зарха. — Голос следовал за ней. — Ты поклялась мне.

Вернулся еще один слой ослепления. Внутри откровений были ее собственные чувства, ждущие, чтобы она обратилась к ним. Сильнейший чувственный шторм воспоминаний чужого разума больше не ужасал ее. Он вызывал в ней гнев.

Ее не победить так легко. Никакие воспоминания фальшивых душ не должны так воздействовать на нее.

— Ты поклялась мне, — протолвил

голос, -- что придешь.

Принцесса улыбнулась в пустоту, поднимаясь из нее теперь, словно воспарявший ангел. Воспоминания «Герольда Шторма» набросились на нее с обновленной силой, но она отмахнулась от них, словно от листьев на ветру.

Ты прав, Гримальд, ответила она голосу. Я поклялась, что приду.

-- Так поднимайся, -- потребовал он, колющий, ледяной и сердитый. -- Поднимайся!

Встаю.

Голос раздался без предупреждения, вырвавшись из voxа в гробу:

-- Встаю.

Члены команды вздрогнули от этого звука, побелевшими пальцами вцепившись в подлокотники кресел. Только Гримальд не пошевелился, оставаясь лицом к лицу со стеклянным резервуаром, пристально взглядываясь в молочные глубины сквозь окровавленную маску-череп.

Зарха вздрогнула и затем подняла голову. Она медленно огляделась вокруг, и

аугментические глаза наконец
остановились на рыцаре.

Обломки скатились лавиной, вновь
поднялось пыльное облако, когда были
отброшены обломки обрушенных зданий. С
громоподобным ревом суставов и
клацаньем множества клапанов в
металлических костях «Герольд
Шторма» мучительно поднимался.

Улица грозила, когда его правая
нога с грохотом ступила на дорогу. Звук
был достаточно громким для того, чтобы
в ближайших зданиях вылетели еще
оставшиеся стекла.

Когда на изуродованные улицы
посыпался стеклянный дождь, «Император»
поднял оружие, вновь кидая вызов врагу.

--- Поднять щиты! --- приказала
Старейшая Инвизилаты.

--- Пустотные щиты активизированы,
той принципс, --- ответил Валиан
Кансотир.

--- Проверить сердце.

--- Все системы показывают, что

плазменный реактор функционирует нормально, мой принцес.

--- Тогда выдвигается.

Зал вздрогнул знакомым ритмом, когда богоподобная машина сделал первый шаг. Затем второй. И третий. Во всех металлических костях гиганта сотни выживших членов экипажа закричали от радости.

--- Мы идем. --- Древняя женщина повернулась в своем контейнере, вновь смотря на высокого рыцаря. --- Я услышала тебя, --- промолвила она. --- Утирая, я услышала, как ты позвал меня.

Гримальд снял испачканный кровью ксеносов шлем. Реклюзиарх не выглядел ни на день старше тридцати лет, но глаза выдавали его истинный возраст. Словно окна вглубь его мыслей, они отражали всю тяжесть всех его войн.

--- Есть одна история о моем отце, --- сказал он Зархе.

--- Твоем отце?

--- Рогале Дорне, сыне Императора.

--- Понимаю. О примархе.

--- Это история когда-то сильного братства, расколотого Предателем Хорусом. Розал Дорн и Хорус были близки до Великой Ереси. Никто из сынов Императора не был связан столь же тесными узами до того, как тьма объяла Хоруса и его сыновей.

--- Я слушаю, --- улыбнулась она, зная, сколь редкими были такие моменты слышать, как воин Агентус Астартес говорит о жизни своего генетического рода не с членом своего ордена.

--- Среди Черных Храмовников говорилось, что когда два брата отправились в Крестовый Поход, то соревновались за большую славу. Хорус неистово жаждал триумфа, в то время как той отец, как говорят, был более сдержанным и спокойным. Каждый раз, отправляясь вместе на войну, они, как рассказывают, приносили клятву кровью. Сжимая руки, они клялись друг другу, что выстоят, пока не придет рассвет последнего дня. «До самого конца», как они говорили.

- - - Это очень трогательная

легенда.

--- Больше чем легенда, принцес.
Традиция. Это наша наиболее крепко
связывающая клятва, произносимая только
братьями, которые знают, что никогда не
увидят другую войну. Когда Храмовник
знает, что умрет, то дает обещание
брату, что будет сражаться, пока будут
силы.

Она ничего не сказала, но улыбнулась.

--- Да, я призывал тебя обратно к
войне. --- Гримальд кивнул, мягкие глаза
капеллана смотрели в упор в бионик
принцеса. --- Потому что ты дала
подобную клятву мне. Такие обещания
значат больше, чем что-либо другое в
жизни. Я не мог позволить тебе умереть
так позорно.

--- Тогда до конца.

--- До конца, Зарха.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОВЕРЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

ГЛАВА ХІІІ

Тридцать шестой день

ДАРГРАВУАН

Пятый день. Постертно удостоен благодарности за защиту заправочного комплекса Торшев.

Геносемя: возвращено.

ФАРУС

Седьмой день. Найден на перекрестке Курул, окруженный по меньшей мере дюжиной убитых врагов.

Геносемя: возвращено.

ТАЛУАР

Десятый день. Пропал при взрыве нефтехимикатов на станции Белая звезда.

Геносемя: не найдено / не возвращено.

КОРИТ

Десятый день. Пропал при взрыве нефтехимикатов на станции Белая

звезда.

Геносемя: не найдено / не
возвращено.

ТОРАВАН

Десятый день. Пропал при взрыве
нефтехимикатов на станции Белая
звезда.

Геносемя: не найдено / не
возвращено.

АМАРДЕС

Не смог выжить после ожога 83 %
поверхности кожи во время взрыва на
станции Белая звезда. Дарована милость
Императора.

Геносемя: не найдено / не
возвращено.

ХАЛРИК

Тринадцатый день. Очевидцы из 101-го
Стального легиона повестьют о
внепечтляющем проявлении храбрости
перед огромным численными
превосходством врага. Посмертно
награжден «Печатью за отвагу» за

сплочение начавших отступать
звардейцев у Грузового моста тридцать.

Геносемя: возвращено.

АНГРАД

Восемнадцатый день.

Собственноручно подбил пять вражеских
танков при защите вокзала Амалас.
Предательски был повержен наземь и
погиб под гусеницами танка.

Геносемя: уничтожено / не
возвращено.

ВОРЕНТАР

Восемнадцатый день. Сражался при
защите вокзала Амалас.

Геносемя: возвращено.

ЭРУАС

Восемнадцатый день. Сражался при
защите вокзала Амалас.

Геносемя: возвращено.

МАРКОЗУАН

Восемнадцатый день. Сражался при
защите вокзала Амалас. Особо стоит

отметить убийство ороczego вожака в
поединке на командирском танке врага.
Посмертно награжден «Печатью за
непревзойденную отвагу». Враг испепелил
тело в яростной контратаке.

Геносетя: уничтожено / не
возвращено.

Это должно было случиться.

И от осознания неизбежности
реальность не стала легче, а горечь
поражения слаще. Но приготовления были
сделаны вовремя. Когда это случилось,
имперские силы были готовы.

Впервые это произошло на
восемнадцатый день, на вокзале Амалас,
на перекрестке Омега-95-34. Это
идентификационное название места на
имперских гололитических дисплеях.

Полковник Саррен уставшими,
опухшими глазами смотрел на мерцание
гололитических картинок, медленно
отступающих со своих позиций. Несколько
рун размером в пару сантиметров,
двигавшихся от точки на карте,
обозначенной вокзал Амалас, перекресток

За мерцающими рунатами скрывался иллюзорный съезд, который вливался в гораздо, гораздо более широкую дорожку. Саррен смотрел, как вдоль этого съезда ползли руны, и пытался вдохнуть. Получилось только с четвертого раза.

--- Это полковник Саррен, --- сказал он в вокс. --- Всем подразделениям в квартале Омега, микрорайон девять. Всем подразделениям. Приготовьтесь к отступлению. Забудьте о запланированных путях отступления, повторяю: забудьте об отступлении на запланированные позиции. Когда поступит приказ, вы отступите куда сможете.

Он проигнорировал штурм требований подтверждения, позволив вокс-связистам отвечать от его имени.

--- Мы все сделали правильно, --- сказал он сам себе. --- Мы чертовски хорошо сдерживали ублюдков так долго.

Восемнадцать дней --- более половины месяца военных действий в условиях осады. У него были основания подсластить горечь неудачи толикой гордости.

Минуты тянулись мучительно
медленно. Подошла адъютант и тихо
привлекла внимание командующего:

--- Сэр, ваш «Гибельный клинок» готов.

--- Благодарю, сержант.

Она отсалютовала и двинулась прочь.

Наконец Саррен вновь потянулся к воксу:

--- Все отряды в квартале Омега,
микрорайон девять. Отступление,
отступление, отступление. Враг
прорвался к магистрали Хель.

МАЛАТУР

Девятнадцатый день. Пропал без
вести во время вражеского наступления на
военную базу Янгарн.

Геноселя: не найдено / не
возвращено.

СУТРЕН

Двадцатый день. Пал в поединке с
вражеским гредноутом на перекрестке
Данаб в расположении центра
переворужения титанов.

Геноселя: возвращено.

ТАЛАУДЕН

Двадцать первый день. Пал в поединке с вражеским гредноутом на перекрестке Данаб в расположении центра перевооружения титанов. Для сохранения жизни требовалось множественное и незамедлительное использование аугментики. Дарована милость Императора.

Геносемя: возвращено.

ДАРМЕР

Двадцать второй день. Тело найдено среди погибших солдат 68-го полка Стального легиона на баррикадах Мду-15.

Геносемя: возвращено.

ИКАРУОН

Двадцать второй день. Тело найдено среди погибших солдат 68-го полка Стального легиона на баррикадах Мду-15.

Геносемя: возвращено.

ДЕМЕС

Тридцатый день. Пропал без вести после захвата врагом жилого квартала

«Прорывающиеся небеса». Отмечены
многочисленные жертвы среди
гражданских.

Геносемя: не найдено / не
возвращено.

ГОРТУС

Тридцать третий день. Возглавил
контратаку после прорыва противником
обороны бастиона IV. В бою также были
потеряны два титана класса «Владыка
войны» Легио Цнвигилаты.

Геносемя: возвращено.

СУЛАГОН

Тридцать третий день. Пропал без
вести при обороне бастиона IV. Последние
сообщения свидетельствуют о достойной
восхищения доблести перед лицом
превосходящих сил противника.

Геносемя: не найдено / не
возвращено.

НАКЛУДЕС

Тридцать третий день. Организовал
и вдохновлял сопротивление в бастионе

IV, пытался сплотить ополченцев до
подхода подкрепления.

Геносемя: возвращено.

КАЛЕБ

Тридцать третий день. Участвовал
в контратаке на бастион IV. Тело было
расчленено и изувечено врагами.

Геносемя: уничтожено / не
возвращено.

ТОМАС

Тридцать третий день. Пилот
«Грозового ястреба» «Мстящий» --- корабль
сбит противовоздушным огнем гарганта
во время штатного патрулирования.

Геносемя: не найдено / не
возвращено.

АВАНДАР

Тридцать третий день. Второй
пилот «Грозового ястреба» «Мстящий» ---
корабль сбит противовоздушным огнем
гарганта во время штатного
патрулирования.

Геносемя: не найдено / не

возвращено.

ВАНПУЧ

Тридцать пятый день. Погиб при минировании дороги перед наступлением вражеских танков.

Геносемя: возвращено.

Неровар опускает руки, его внимание отрывается от встроеного в броню нартециума.

Кагор лежит на разбитой дороге, броня старого воина сломана и разбита.

--- Брат, --- зову я Неро, --- не время для скорби.

--- Да, реклюзиарх, --- отзывается он, хотя я знаю, что он меня не слышит. Не осознавая происходящее, механически рыцарь кладет руку на грудь Кагора.

Нас окружает пустое шоссе, заваленное телами нашей последней охоты. Здесь бой не идет --- звуки войны доносятся из соседних кварталов, --- а мы настолько углубились в расположение противника, что все вокруг тихо и неподвижно. Небеса безмолвны и не

потревожены разъяренным огнем оружийных башен.

Редуктор с резким клацаньем делает свое дело, разрывая тишину. Один раз, затем второй. Слышен мясистый влажный звук извлекаемой плоти.

Неро поднимает руку. Пронзающие броню и плоть сверла в его хирургической перчатке жужжат, разбрызгивая темную кровь Астартес по броне. В руке он с величайшей осторожностью держит блестящие багряные органы, что раньше покоились в груди и горле Кагора. С них капает кровь, они подрагивают, словно все еще пытаясь напугать силой своего владельца. Неро опускает их в цилиндр с сохраняющей жидкостью, который в свою очередь втягивается в защитную полость в его перчатке.

Я неоднократно видел, как он выполнял подобный ритуал в течение последнего месяца.

— Сделано, — произносит он мертвым голосом, поднимаясь на ноги.

Рыцарь не замечает меня, когда я подхожу к телу, и занимается вводом

информации на экране нартециума.

КАДОР

Тридцать шестой день. Попал в засаду на контролируемом врагами участке магистрали Хель.

Геносемя: возвращено.

Тридцать шестой день.

Тридцать шесть дней изматывающей осады. Тридцать шесть дней отступлений, отходов, сдерживания позиций так долго, сколько возможно.

Весь город провонял кровью. Медный, острый запах человеческой крови и тошнотворное грибное зловоние мерзости из орочных вен. Вместе с кровью ощущаются запахи утирающего города — от горящей дровесины и расплавленного металла до взорванных катней. На последнем сборе командиров было сообщено, что враг контролирует сорок шесть процентов города. Это было четыре ночи назад.

Потеряна почти половина Хельсрича. Потеряна в дыму и пламени, в горьком,

ужасающем поражении.

Мне говорят, что нам не хватает сил, чтобы отвоевать хоть что-то. Подкрепление из других ульев не приходит, и большинство солдат Гвардии и ополчения, которые еще сражаются, истощены, постоянно отступают, оставляют огню дорогу за другой. Удерживают перекресток несколько ночей, а затем, когда больше уже невозможно противостоять подавляющему численному превосходству врага, откатываются на новые позиции.

Воистину, нам предстоит утратить в сатом бесславном Крестовом Походе и запятнать имя Черных Храмовников.

--- Реклюзиарх, --- зовут меня по воксу.

--- Не сейчас. --- Я преклоняю колени перед оскверненным телом Кагора, видя отверстия в его броне и плоти --- огни от выстрелов врага и два от ритуальной хирургии сверлящих инструментов Неровара.

--- Реклюзиарх, --- повторяет все тот же голос.

Руна, мерцающая на краю моего

ретинального дисплея, сообщает, что это из «Серого воина». Думаю, Саррен снова будет просить спасти положение на очередном бесполезном перекрестке.

--- Я совершаю обряд над навшим рыцарем. Сейчас не время, полковник.

Сначала он ответил ненужными вежливыми словами сочувствия. Они были кратки. Десятки тысяч убитых за последние четыре недели сильно притупили восприятие. Это почти восхитительно. Я вижу, что он изменился в лучшую сторону.

--- Реклюзиарх. --- В голосе Саррена чувствуется, насколько командующий измотан. Будь я с ним в одной комнате, я знаю, что ощутил бы усталость в его костях, аурой окутывающую то место, где он стоит. --- Когда вернетесь из рейда, ваше присутствие потребуется в районе Фортрайм-5.

Квартал Фортрайм. Южная часть порта.

--- Почему?

--- Мы получаем аномальные отчеты от нефтяных платформ Вальдеза. Обычно

прибрежные аусники так реагируют на шторм, но ведь сейчас море спокойное. Мы подозреваем, что там что-то происходит.

--- Мы будем там через час, --- отвечаю я. --- О каких аномалиях идет речь?

--- Если бы я мог дать вам подробности, реклюзиарх, то так и сделал бы. Чтецы аусников считают, что дело во внешнем вмешательстве. Мы полагаем, что платформы слышат.

--- Один час, полковник. Готовьтесь. --- Теперь я обращаюсь уже к братьям.

Путь по магистрали Хель и так неблизкий, а если повсюду кишат враги, то тем более. Разведка теперь передвигается на мотоциклах --- велик риск того, что на вражеской территории «Громовой ястреб» собьют.

--- Странно, --- произносит Неро, баюкая в руках голову Кагора, словно старый воин просто уснул. --- Я не хочу оставлять его.

--- Это уже не Кагор. --- Я поднялся с колен, помазав табарг священными маслами и затем снятая его с брони

Кагора. В лучшие времена табарг был бы помещен на хранение на «Вечном крестоносце». А в эти времена, здесь и сейчас, я срываю облачение с тела брата и обматываю вокруг наруча, как память о старом рыцаре. — Кагор умер. Ты никого не покидаешь.

— Ты бессердечен, брат, — упрекает меня Неро.

Стоя здесь посреди полумничтоженного города и окруженный множеством трупов, я едва не растаял.

— Даже для тебя, — продолжает Неро. — Даже для того, кто облачен в черное, ты говоришь слишком равнодушно.

— Я любил его так, как только можно любить воина, который сражается с тобой бок о бок двести лет, мальчик. Такая привязанность создается десятилетиями из обоюдной преданности и закаляется на войне, ее невозможно просто отбросить. Потеря Кагора будет со мной все те дни, что я еще проживу в этой битве, пока и меня не убьют. Но я не буду предаваться скорби. Он посвятил жизнь службе Трону, и тут нечего оплакивать.

Апотекарий уныло повесил голову. От стыда? В раздумьях?

— Я понимаю, — говорит он, ни к кому не обращаясь.

— Мы еще поговорим об этом, Неро. Теперь по машинам, братья. Мы едем на юг.

Половина города превратилась в руины. Жилые башни стоят под желтыми небесами Армагеддона пустые и покинутые.

Группы орков — шакалы-одиночки, отставшие от главных сил, — грабят опустевшие кварталы. Те немногие жители, что остались в домах, безжалостно убиваются ксеносами.

Пять бронированных мотоциклов с ревом прокладывают себе путь по магистрали Хель. Их броня черна, под стать броне рыцарей. Двигатели низко ревут, повествуя о жажде прометия. Установленные на мотоциклах болтеры соединены с контейнерами в корпусе транспортного средства, где хранятся патроны.

Приам сбрасывает скорость и оказывается рядом с Нероваром. Рыцари не смотрят друг на друга, когда проезжают по темному рокрыту шоссе сквозь уничтоженный конвой неподвижных обгоревших танков.

— Его смерть, — начал воин, его голос по воксу искажается и трещит от шума двигателей, — она беспокоит тебя?

— Я не хочу об этом говорить.

Приам объехал обугленный остов того, что еще недавно было транспортном «Хилера». Пристегнутый к спине меч ударялся о броню в такт движению мотоцикла.

— Он умер недостойно.

— Я сказал, что не желаю говорить об этом, брат. Оставь меня.

— Я говорю, потому что был гружен с ним, как и ты, и я тоже скорблю. Он плохо погиб. Скверная, скверная смерть.

— Он убил нескольких, прежде чем упал.

— Да, — согласился мечник. — Но ему нанесли смертельную рану в спину. Меня бы это опозорило чрезмерно.

--- Приам! --- Голос Неровара был легяным и выгавал обуревавшие его чувства. И угрозу. --- Оставь меня в покое.

--- Неро, ты невозможен. --- Приам прибавил скорость и унесся вперед. --- Я пытаюсь выразить тебе сочувствие. Пытаюсь наладить отношения, а ты ругаешь меня. Я запомню это, брат.

Неровар ничего не сказал и просто глядел на дорогу.

Платформа Джаханнат.

Шестьсот девятнадцать рабочих размещались на океанской промышленной базе. Ее очертания на фоне неба представляли собой мешанину из кранов и топливных хранилищ. А под ней была лишь водная бездна и богатство сырой нефти, из которой создавали протетий.

Внезапно в глубине появилась некая тень.

Словно черная волна под поверхностью воды, она подплывала все ближе к опорам, державшим гигантскую платформу на поверхности. Тени поменьше --- похожие на острых рыб ---

выплеснулись перед первой, как ливень из тучи.

Платформа сначала вздрогнула, словно под напором холодных ветров, что всегда налетали с берега.

А затем с величественной неспешностью начала падать. Многоуровневая платформа размером с целый город погрузилась в океан. Суда вокруг нее один за другим начали взрываться. Каждый из кораблей, получив пробоины, тонул рядом с платформой Джаханнал.

Шестьсот девятнадцать рабочих и тысяча двадцать один член экипажа погибли в холодной воде в течение следующих трех часов. Всего несколько мужчин и женщин, что смогли добраться до вокс-передатчиков, кричали, не понимая, что их никто не слышит.

В конце концов платформа затонула, на поверхности остались лишь плавающие обломки.

Хельсрич ничего не услышал.

Платформа Шеол.

В центральном шпиле, угнездившемся среди множества высоких складских башен, офицер-техник Найра Ракинова бросила взгляд на зеленый экран, где внезапно изображение сменилось помехами.

--- Ты шутишь, да? --- обратилась она к экрану.

Тот ответил белым шутот.

Девушка грохнула кулаком по толстому стеклу. Но экран лишь чуть громче зашумел. Найра решила больше не повторять попытку.

--- Мой монитор сломался, --- обратилась она к остальным в помещении. Оглянувшись через плечо, техник увидела, что «остальные», состоявшие обычно из грузного бывшего крановщика Грүли, который отвечал за связь, ушли за кружкой кофеина.

Она снова посмотрела на пульт управления. По всему экрану затерцали тревожные сигналы. На секунду на гидролокаторе внезапно появился входящий импульс. Сотни. Потом снова только пустой океан. И снова ничего, только

небольшое искажение.

Комната вздрогнула. Вся платформа содрогнулась, словно при землетрясении.

Найра судорожно сглотнула, уставившись на экран. Картинка соеи точек под водой вновь вернулась на экран.

Она кинулась через грожающую комнату и принялась долбить по кнопке передачи на вокс-станции.

Девушка успела крикнуть: «Хельсрич, Хельсрич, прием...» — прежде чем мир выскользнул из поля зрения, а затем палуба ушла из-под ног и вторая нефтяная платформа Вальдеза с разрезанными стальными конструкциями, изгибаясь и скрипя, ушла под воду.

Платформа Люциф.

На самом большом из трех океанских комплексов работало вдвое больше людей, чем на Джаханнаме и Шеоле. Они были бессильны предотвратить надвигавшееся разрушение, но хотя бы увидели его приближение.

По всей платформе акустики гидролокаторов внезапно показали те же

волны искажений, что предшествовали гибели Шеола и Джаханнама. Но здесь полностью укомплектованный пункт управления отреагировал расторопнее --- техно-аколит низкого ранга сумел восстановить более менее приемлемое изображение.

Офицер-техник Марвен Коловас немедленно вышел на связь, и его трачный голос понесся напрямик к большой земле:

--- Хельсрич, это Люциф. Приближается мощная, повторяю, мощная вражеская флотилия. Как минимум три сотни подводных судов. Мы не можем связаться ни с Шеолом, ни с Джаханнамом. Ни одна из платформ не отвечает. Хельсрич, Хельсрич, прием.

--- Ух...

Коловас, сощурившись, посмотрел на приемник в руке.

--- Хельсрич! --- воззвал он.

--- Ух, это работник порта Нулин. Вы подверглись нападению?

--- Трон, ты что, оглох, ублюдок? Флот вражеских подлодок атакует все платформы снабжения. Нам немедленно

требуется спасательное судно. Летящее спасательное судно! Платформа Люциф тонет.

--- Я... я...

--- Хельсрич! Хельсрич! Вы меня слышите?

Внезапно вокс-канал заполнил грубой голос:

--- Это Томаз Магерн. Хельсрич услышал вас и понял.

Коловас только сейчас выдохнул. Мир вокруг него грожал, начав рушиться.

--- Удачи, Люциф, --- произнес за секунду до обрыва связи бригадир докеров.

--- Ситуация такова, --- начал полковник Саррен.

Мягко говоря, офис Магерна в Фортрайт-5 был помойкой. Магерн и в лучшие времена не отличался аккуратностью, а недавний развод тем более не способствовал чистоте в его жилище. В главной комнате валялась куча из использованных стаканчиков из-под кофеина, которые уже начали зарастать плесенью, а в дополнение повсюду были

разбросаны бумажные бланки. Скотканная, валялась здесь и форма Магерна, когда он оставался спать в офисе, а не возвращаться в свое тоскливое логово холостяка, а до развода — к женщине, которую называл Лживой Сучкой.

Лживая Сучка стала лишь воспоминанием, причем неприятным. Утеперь Томаз, сам того не желая, беспокоился. Погибла ли она? Он не был уверен, что обиды была настолько сильной, чтобы желать чего-либо подобного.

С прибытием реклюзиарха воспоминания отошли на второй план. Рыцарь в поцарапанной черной броне вошел в комнату, разогнав обслуживающий персонал и офицеров Гвардии.

— Вы меня вызывали, — извергся из voxа в шлеме жесткий голос.

— Реклюзиарх, — кивнул Саррен.

Смертельная усталость полковника была видна в каждом его жесте. В величественной усталости он двигался так, словно плыл глубоко под водой. Офицеры собрались вокруг беспорядочно заваленного стола, склонившись над тлятой

булажной картой города и прилегающих к нему земель.

Все в комнате были сосредоточены на карте, когда прибыл Гримальд.

--- Говорите, --- велел он.

--- Ситуация такова, --- повторил Саррен. --- Ровно пятьдесят четыре минуты назад мы получили сигнал бедствия с платформы Люциф. Они сообщили, что их атаковал огромный флот субмарин, насчитывающий по крайней мере триста подводных лодок.

Стоявшие рядом бригады и офицеры разнообразно выругались и начали делать пометки на карте или спрашивать у Саррена подтверждения.

--- Когда они доберутся...

--- ...должны переместить оставшиеся гарнизоны...

--- ...собрать батальоны штурмовиков...

Кирия Тиро встала рядом с полковником:

--- Вот зачет эти ублюдки оказались в Мертвых Землях. Они там разобрали десантные корабли и построили из них

подводный флот.

--- Все еще хуже. --- Саррен указал пультот управления на переносной гололитический стол, изменил масштаб изображения и продемонстрировал большую часть южного побережья Армагеддон Секунд.

--- Улей Темпест, --- пробормотали несколько офицеров.

Руны, обозначающие врага, загорались, придвигаясь все ближе ко второму прибрежному улью. Их было почти столько же, сколько шло в Хельсрич.

--- Они покойники, --- сказала Тиро. --- Темпест падет, и неважно, что мы сделаем. Улей вполонину меньше нас, и защитников у него также вдвое меньше.

--- Все мы покойники, --- раздался голос.

--- Что ты сказал? --- фыркнул комиссар Фальков.

--- Мы сделали все, что только можно было предпринять, --- возражал тучный лейтенант в униформе мобилизованного ополчения. Он держался спокойно, даже уверенно, произнося то, что уже давно

обдумал. — Клянусь Троном, три сотни вражеских судов, да? Мои люди стоят в порту, и мы знаем, что может там сделать. Наша оборона так тонка, как... как... черт, как если бы ее там вообще не было. Мы должны эвакуировать город! Мы сделали все, что могли.

Темный плащ Фалькова зашуршал, когда комиссар выхватил личное оружие, но не успел покарать лейтенанта за трусость. Смерч из тьмы пронесся по коридору. Ополченец с грохотом ударился спиной о стену, зависнув в метре над полом и подергивая ногами, когда реклюзиарх сжал его горло одной рукой.

— Тридцать шесть дней, презренный червь. Тридцать шесть дней мы бросаем вызов, и тысячи тысяч героев лежат мертвые! А ты смеешь заикаться об отступлении, когда наконец пришел твой черед пролить вражескую кровь?

Лейтенант судорожно пытался вдохнуть. Полковник Саррен, Кирия Тиро и другие офицеры молча смотрели. Никто не отвернулся.

— Хх. Агх. Сс. — Он из всех сил

пытался вдохнуть, не отрывая глаз от серебряной погребальной маски Бога-Императора.

Гримальд придвинулся ближе, его лицо-череп скалилось, закрывая все вокруг.

--- Куда ты побежишь, трус? Где ты сможешь укрыться так, чтобы Император не увидел твоего позора и не плюнул в твою душу, когда твоя ничтожная жизнь подойдет к концу?

--- Моллю...

--- Не позорь себя еще больше, выпрашивая жизнь, которой не заслуживаешь.

Гримальд напряг руку, пальцы с влажным звуком вонзились в плоть. В его хватке лейтенант корчился в спазмах, а затем рухнул на пол, когда рыцарь разжал пальцы. Реклюзиарх вернулся к столу, игнорируя упавшее тело.

Прошло несколько секунд, прежде чем разговор возобновился. Фальков отдал честь реклюзиарху, на что рыцарь не обратил внимания.

Магери попытался понять смысл проведенных на карте линий, которые

обозначали диспозицию войск, но с тем же успехом мог почитать текст на незнакомом языке. Он прочистил горло и позвал, перекрывая шум:

--- Полковник.

--- Да, Томаз.

--- Что вот это означает?

Пожалуйста, в двух словах и попроще. Все эти линии и числа ничего для меня не значат.

Ответил ему Гримальд. Рыцарь говорил низким голосом, смотря сверху вниз на карту немигающими алыми глазами шлема.

--- Сегодня тридцать шестой день осады, -- сказал Храмовник. -- Если мы не отстоим порт против десятков тысяч зеленокожих, которые придут через два часа, то к ночи город падет.

Кирия Тиро кивнула, не отрывая глаз от карты:

--- Нам нужно эвакуировать рабочих из порта как можно быстрее, чтобы подвести войска.

--- Нет, -- сказал Магерн, хотя никто его не слышал.

--- Эти улицы, --- полковник Саррен
сткнул в карту, --- забиты транспортом с
припасами, въезжающим и выезжающим.
Мы попытаемся вытащить всех рабочих
вовремя.

--- Нет, --- повторил Магерн, на этот
раз громче. Но опять никто не обратил на
него внимания.

Один из присутствовавших майоров
Стального легиона, штурмовик,
выделявшийся темной формой и знаками
отличия на плечах, провел пальцем по
хребту центральной дороги,
ответвлявшейся от магистрали Хель.

--- Уберите гармогедов с нашего пути и
очистите нам дорогу. Этого хватит,
чтобы у главных причалов оказались
обученные подразделения.

--- Останутся еще две пристани, ---
нахмурился Саррен. --- Безо всякой защиты,
кроме гарнизонов ополчения. И им
придется столкнуться с бегущими оттуда
рабочими.

--- Эй, вы меня слышите? --- спросил
Магерн.

--- Можем перенаправить транспорт

через второстепенные пути, — указала
Тиро.

— Войска будут продвигаться
слишком медленно, — кивнул Саррен. —
Этого может быть недостаточно, но все
же это лучшее, что мы можем сделать в
данной ситуации.

Раздался механический и резкий звук,
словно заработал на низкокачественном
топливе двигатель транспорта «Химера».
Одна за другой все головы повернулись к
Тримальду. Звук исходил из вокализатора
в шлеме рыцаря. Реклюзиарх тихо
стеснялся.

— Уверен, что представителю порта
есть что сказать, — протолвил рыцарь.

Все головы повернулись к Магерну.

— Вооружите нас, — сказал он.

Полковник Саррен устало закрыл
глаза. Остальные взирали на докера, не
уверенные, что правильно поняли Томаза.
Том продолжил, когда молчание
затянулось:

— В порту нас больше тридцати
девяти тысяч, так вооружите нас. Мы
дадим вам на это время.

Майор иштүрмовиков фыркнүл:

--- Вы бүдете мертвы үже через час.

Все до единого.

--- Возможно, --- сказал Магерн. --- Но мы ведь и не собирались пережить эту войну?

Майор не отступил, но теперь в его голосе было меньше утешки.

--- Храбро, но безумно. Если мы позволим врагу вырезать всех портовых рабочих, город после войны не сможет функционировать. Мы сражаемся, чтобы сохранить наш уклад жизни, а не просто выжить.

--- Давайте сначала сосредоточимся на выживании, --- протолвил Саррен, открыв глаза. --- Факт остается фактом: большую часть сил Стального легиона передислоцировать нельзя. Они удерживают город, и если отвести их с позиций, Хельсрич падет так же, как если бы мы оставили порт вообще без защиты. Цнвигилата и ополчение не в состоянии удержать сразу все.

--- Тогда выбор небольшой, --- сказала Тиро, --- рабочие в порту погибнут без

поддержки.

--- Так вооружите их, --- произнес Гримальд нетерпящим возражений тоном. --- А уже потом обсуждайте, сколько они продержатся.

--- Очень хорошо. Тогда все решено. --- Полковник Саррен прочистил горло. --- Томаз, благодарю тебя.

--- Мы будем сражаться как... как... Проклятие, мы будем драться насмерть, полковник. Только не тяните с подкреплением.

--- У нас огромные запасы оружия в порту. --- Полковник кивнул Кирии Тиро. --- Вы слышали реклюзиарха. Вооружите их.

Женщина с трачной улыбкой отсалютовала и покинула место у стола.

--- Мы удержимся, --- обратился Саррен к оставшимся. --- После всего, что мы проделали, я отказываюсь верить, что нас сломят ударом в спину. Мы можем держаться. Майор Крив, передвижение штурмовых отрядов в порт уже началось, но мне нужно, чтобы вы немедленно взяли операцию под личное командование. Если у вас есть гравшюты, то десантируйтесь

из «Валькирий» — сейчас на счету каждый лагган.

Майор отдал честь и направился к выходу со всей возможной скоростью и изыщством, которые позволял массивный танцирный доспех.

— Гражданские, — прошептала Тиро, уставившись на гололит. Почти все укрепленные убежища располагались внутри и под районами порта. Шестьдесят процентов населения улья, скучившееся в бункерах, теперь окажется совсем близко от мест сражений. — Мы не можем оставить так много людей прямо на линии огня.

— Почему? Мы же не можем выпустить их на улицы, — покачал головой Саррен. — Им некуда бежать, а паника довершит дело. Стальной легион не сможет даже добраться до порта. Люди в безопасности в убежищах.

— Твари разнесут бункеры, — возразила Тиро.

— Да. Сейчас ничего нельзя сделать, — не сдался полковник. — Эвакуации не будет. Мы не можем ни вооружить их

вовремя, ни защитить, если они покинут убежища. Они ничего не сделают, просто утрут на улицах и перекроют пути для подкрепления.

Тиро больше не спорила, зная, что полковник прав.

Саррен продолжил:

--- Мне нужен отряд Гвардии и несколько батальонов легковооруженной техники на третьестепенных дорогах --- вот здесь, здесь и здесь. Это все, что мы можем сделать.

Еще больше офицеров покинули кабинет.

--- Реклюзиарх.

--- Да, полковник.

--- Вы знаете, о чем я хочу попросить вас. Есть только один способ продержаться достаточно долго, чтобы наполнить порт опытными войсками. Я не могу приказывать вам, но все равно попрошу.

--- Не нужно просить. Я переброшу рыцарей на уцелевших «Грозовых ястребах». Мы будем сражаться рядом с гражданами. Мы удержим порт.

--- Спасибо, реклюзиарх. Теперь мы

готовы настолько, насколько вообще можно
быть готовым в такой ситуации. И тем
не менее это будет немалая нагрузка на
Инвизилату и основную массу Имперской
Гвардии. Город будет истекать кровью, в
то время как мы перебросим элитную
пехоту в порт, в бой... это займет
несколько дней. В лучшем случае.

--- Пусть Инвизилата остается в
городе, --- сказал Гримальд, указывая
черной перчаткой на карту. --- Пусть
Стальной легион остается с ними.
Сосредоточьтесь на том, что имеет
значение здесь и сейчас.

--- Не будет воодушевляющей речи? Я
почти разочарован.

--- Никаких речей. --- Храмовник уже
покидал комнату. --- Не глядя тебе. Не ты
будешь сегодня утирать. Мои слова
услышат те, кто будет.

ГЛАВА ХІV

Порт

Они пришли, как только солнце начало спускаться с небес.

Порт Хельсрича занимал почти треть площади всего улья. Тысячи унылых складов и башен гавани стражати возвышались над обширной бухтой, облепленной бесчисленными причалами и пирсами, врезавшимися в пространство грязной сероватой воды.

Воздух на всей планете пах серой, но здесь — в сердце промышленного Хельсрича — это зловоние усиливалось запахом нефтехимикатов. Всего час требовался, чтобы вся одежда и волосы пропитались жирной, тяжелой вонью пролитого топлива и аттиачной морской воды. Те рабочие, что долго прослужили в порту, кашляли и сплевывали черную мокроту. Рак легких был второй по частоте причиной смерти среди населения, лишь слегка отставая от несчастных случаев на производстве.

Беспорядок в порту уже сам по себе был защитой от врага, однако не слишком надежной. Первым признаком приближения ксеносов стало то, что команды прыгали с кораблей, отваживаясь проплыть целый километр до причалов в грязной воде. Защитники Хельсрича наблюдали за взрывами сомен танкеров, которые попытались скрыться в открытом море.

Мужчины и женщины стояли на ящиках с грузом, вытощенных улицах, стальных причалах, следя и за флотом врага, который разрезал поверхность воды, подбираясь все ближе к городу.

Магерн стоял в одной из групп — он командовал бригадой одетых в грязные комбинезоны рабочих и прижимал к груди новенький лазган. Их раздавали офицеры-гвардейцы на складах по всему порту. Каждому отряду докеров устроили краткий инструктаж по обращению с лазганом: как заряжать, перезаряжать, ставить на предохранитель и прицельно стрелять. Магерн почувствовал, как у него вспотели ладони, когда он получил винтовку и дополнительные

энергетические батареи к ней, которые
сейчас лежали в таленьком мешочке,
висевшем сбоку на поясе. Сержант Гварди
в спешке огласил инструкцию, как ими
пользоваться, и вот Магерн оказался во
всеоружии. Во рту пересохло.

--- Следуйте за вашими
командирами, --- велел сержант,
перекрикивая шум стольких собравшихся в
одном месте мужчин и женщин. --- К
каждой бригаде и каждой группе из
пятидесяти человек будет прикреплен
штурмовик. Следуйте за ним, как шли бы
за самим Императором, если бы Он
спустился с неба и сказал, что делать с
вашими жалкими задницами. Он скажет
вам, когда гратся, когда бежать, когда
прятаться, и все такое. Если вы будете
делать то, что прикажут, то получите
гораздо больше шансов уцелеть и не будете
мешаться под ногами у других. Если же вы
не подчинитесь, то поставите
остальных и ваших друзей поубивают. Все
ясно?

Общее согласие было ему ответом.

--- Следующие несколько дней вы

состоят в Унперской Гвардии. Первое правило Гвардии: идти вперед. Если потеряетесь, идите вперед. Сбил с пути? Иди вперед. Отбил от группы? Иди вперед на врага. Вот лучшее, что вы можете сделать, и именно там найдете своих друзей. Поняли?

Вновь шумное согласие, хоть и с некоторого меньшим энтузиазмом.

— Отлично. Следующая группа!

Затем бригада Магерн и несколько других рядов вышли из здания склада, освобождая место для новых рабочих,шедших прослушать ту же лекцию.

Снаружи дюжины штурмовиков Стального легиона в охристых мундирах и с тяжелыми, жужжащими силовыми ранцами регулировали человеческий поток. Магерн повел свою группу к одному из них, тахнувшего им рукой. Человек был стройным, небритым и тер лоб под куполообразным шлемом. Защитные очки он поднял на шлем, а респиратор висел у него на шее. У него был такой вид, будто он если и не потерялся, то, по крайней мере, не был точно уверен, где сейчас

находится.

--- Привет, --- выгавил Магерн. --- Нам нужен приписанный к нам солдат.

--- Ага, я уже знаю. Это я. Зовут меня Андрей.

--- Благодарю, сэр.

Штурмовик растеялся и похлопал Магерна по плечу:

--- «Сэр» --- это звучит весело. Я не сэр. Я Андрей. Возможно, стану сэром если вытащу вас всех отсюда живыми. Мне это понравится. Будет очень мило.

--- Я...

--- Да, это трудно. Я все понимаю. Повышение мне бы понравилось, так что вы все должны выжить. Ставки велики, да? Спасибо за подкинутую идею. Ты сделал этот день веселее.

--- Я...

--- Пойдем, пойдем. Сейчас не время становиться грузьями. Мы скоро еще поговорим. Эй! Вы все, докеры, за мной, да?

Не дожидаясь ответа, Андрей начал прокладывать себе путь через толпу, а за ним отправилась бригада Магерна. Времени от времени штурмовик тахал другим

солдатам, большинство которых отвечали кивками или грубыми приветствиями. Бледная красotka с такими густыми и красивыми черными волосами, что грех было завязывать их в простой хвост, улыбнулась и помахала в ответ.

— Трон, кто это был? — спросил Магерн, хвостом следуя за Андреет. — Ваша жена?

— Ха! Хотел бы. Это Домоска. Мы в одном отряде. На нее приятно посмотреть, да?

О да. Магерн смотрел, как девушка вела сквозь толпу гругую группу. Когда Домоска потерялась из виду, он посмотрел на мужчин из ее отряда. Магерн молился, чтобы сам он не выглядел таким же нервным и беспокойным, как они.

— Думаю, это очень забавно. Ее брат — самый некрасивый мужчина из всех, кого я когда-либо видел, а вот сестру судьба наградила истинной красотой. Наверное, он очень грустит, а?

Магерн кивнул.

— Пошли, пошли. Времени у нас все

меньше.

Прошел целый час. Сейчас они стояли рядом с Андреем, прижатая к груди непривычное оружие. Сердца торопливо стучали. Штурмовик ковырялся в носу. Сложная задача, учитывая, что на нем были перчатки из толстой коричневой кожи, но он подошел к проблеме с необычайным упорством.

--- Сэр, --- начал Магерн.

--- Одну минуту, пожалуйста. Победа почти за мной. --- Андрей что-то страхнул с пальцев. --- Хвала Императору, я снова могу дышать.

--- Сэр, вы разве не должны что-нибудь нам сказать? --- Он понизил голос, подходя ближе. --- Чтобы вдохновить людей?

Андрей нахмурился, рассеянно кусая губу и смотря на другие группы, рассеивавшиеся по территории порта.

--- Я так не думаю. Другие легионеры не говорят. Я собирался подождать речи реклюзиарха, знаете? Вы бы предпочли, чтобы я сейчас говорил?

--- А реклюзиарх будет говорить?

--- О да. В этом он хорош. Вам

понравится. Думаю, это будет уже совсем скоро.

Шум помех понесся над портом, когда сожгла каждая вокс-башня, километр за километром.

— Вугите? — ухмыльнулся Андрей. — Я всегда прав.

Несколько секунд люди Хельсрича ничего не слышали по вокс-связи, кроме дыхания — низкого, тяжелого, угрожающего.

«Сыны и дочери улья Хельсрич, — прогремел голос по прибрежным районам, слишком низкий и звучный, чтобы принадлежать человеку, приправленный легким пощелкиванием помех. — Посмотрите на воду. Воду, из которой вы берете богатство вашего города. Воду, которая сейчас несет смерть.

Тридцать шесть дней люди вашего мира, люди вашего родного города отдавали жизни, чтобы защитить вас. Тридцать шесть ночей ваши матери и отцы, братья и сестры, сыновья и дочери сражались с врагом, благодаря чему половина улья остается в руках людей. Они

спражались, защищая улицу за улицей, из
всех сил, убивая и утирая, чтобы вы
смогли насладиться еще несколькими
днями свободы.

Вы в долгу перед ними. Вы должны
ум за принесенные жертвы. За те, что они
еще принесут в грядущие ночи и дни.

Здесь и сейчас у вас будет
возможность вернуть ум долг. Более того,
у вас будет шанс покарать врага за то,
что он остелился осадить ваш город, за
то, что разлучил ваши семьи и разрушил
дома.

Наблюдайте за приливом тварей.
Смотрите на всплывающую скрап-
флотилию, что движется в порт с ордой
завывающих зеленокожих на борту. Когда в
конце этой недели зайдет солнце, на этих
судах не останется ни одного живого
существа. Они падут благодаря вам. Вы
спасете этот город.

Страх естественен. Он прису
человеку. Не стыдитесь сердца, которое
бьется слишком часто, или пальцев,
которые дрожат, когда вы впервые
держите в руках оружие. Позор лишь в

трусости --- готовности сбежать и
бросить других утирать, когда все
зависит от ваших действий.

Вас ведут ветераны Гвардии ---
лучшие из Стальных легионов, ---
имперские штурмовики. Но они не одиноки.
Силы Хельсрича на подходе. Стойте и
сдерживайте врага как можно дольше, и
скоро вы увидите тысячи танков,
построенных в этом самом городе,
которые оставят от врагов только прах.
Помощь идет. А пока стойте гордо.
Стойте решительно.

Полните эти слова, братья и сестры.
"Когда придет смерть, совершенное нами
добро не будет значить ничего. Наши
жизни сдуют по количеству
уничтоженного нами зла".

Грядет время такого суда. Я знаю,
что каждый мужчина и каждая женщина
здесь чувствуют это.

Я Гримальд из Черных Храмовников,
и это моя клятва всем вам. Пока хоть
один из нас стоит на ногах, этот город не
будет взят. Солнце вновь взойдет над
непокорным городом, даже если мне

придется убить тысячу врагов в одиночку.

Взгляните на черных рыцарей среди вас. Мы будем там, где сражение самое яростное, в сердце бури.

Стойте с нами, и мы будем вашим спасением!»

Снова воцарилась тишина.

Магерн вздохнул, и волнение как будто отхлынуло от него, когда дыхание облачком пара поднялось в холодном воздухе. Андрей отрегулировал затворную часть модифицированного лазерного ружья. Оружие издало пульсирующее мощное гудение, от которого у докера зазаныли зубы.

— Решительная речь, да? Думаю, немногие сбегут.

Магерн кивнул. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы заговорить.

— Что это за винтовка?

— Эта? — Андрей закончил свои манипуляции и указал на толстые силовые кабели, тянувшиеся от массивного приклада к жужжащему металлическому ранцу, висевшему за спиной. — Мы называем их усиленными лазганами. Как

ваши, только мощнее, громче, жарче и лучше. И нет, ты не можешь такой получить. Это мой. Они редкие и даются только людям, которые всегда правы.

--- А что это?

--- Взрывчатка. --- Штурмовик вытащил из-за пояса диск детонатора размером с лапоть. --- Ее прилепляют к танкам, и те разлетаются на множество замечательных кусочков. У меня было много их, теперь остался лишь один. Когда я использую и его, то не останется больше ни одного и будет грустно.

Магери хотел спросить, правда ли, что Андрей штурмовик. Он осторожно подбирал слова.

--- А ты не такой, как я ожидал.

--- Жизнь, --- произнес солдат, смотря в сторону, рассеянно размышляя, --- это череда самых удивительных сюрпризов, но в конце получаешь плохой сюрприз.

Повернувшись ко всей группе, Андрей сухтылкой застегнул застёжки шлема.

--- Мои симпатичные новые грузы, скоро придет время повоевать. Так что, прекрасные дамы и чудесные господа, если

вы хотите таковыми остаться, держите головы пониже, а винтовки повыше. Всегда у щеки, ствол на уровне глаз. Не стреляйте от бедра — это лучший способ почувствовать себя превосходно и нигде не понасть. Ох, это будет громко и страшно, нет? Думаю, много паники. Всегда выждите секунду, прежде чем нажимать на курок. Удостоверьтесь, что целитесь туда, куда надо. Иначе можете выстрелить в других людей, а это будет плохая новость для вас и еще более плохая для них.

Группы рабочих начали распределяться, занимая позиции между складами, за грудами ящиков и в высоких ангарах, смотрящих на море.

— Поидемте, поидемте. — Андрей повел группу в тень портального крана, приказывая им рассеяться и найти прикрытие вокруг громадных металлических стоек и подпорок и стоявших рядом контейнеров с грузом.

— Сэр? — позвал один из мужчин.

— Мое имя Андрей, и я повторил это уже много раз. Но да, в чем проблема?

--- Мое ору́жие заклинило. Я не могу
вставить обратно энергетическую
батарею.

Пригну́вшийся во главе группы Андрей
с мелодраматическим вздохом покачал
головой. С очками на глазах и детской
улыбкой на лице, он походил на
гигантскую довольную тучу.

--- Во-первых, стоит задуматься,
зачем ты ее вообще вытащил.

--- Я только...

--- Да, да. Будь вежлив к машинному
духу ору́жия. Попроси его вежливо.

Рабочий изумленно опустил взгляд на
винтовку.

--- Пожа́луйста! --- заикаясь,
протямлил он.

--- Ха! Какая почтительность. Теперь
нажми переключатель на другой стороне.
Это предохранитель, и тебе нужно
сдвинуть его, чтобы вставить обратно
батарею.

Мужчина выронил обойму из
трясущихся рук, но со второй попытки все-
таки вставил ее на место.

--- Благодарю, сэ́р.

— Да, да. Я герой. А теперь, мои храбрые грузыя, скоро завоюет сирена. И это будет означать, что враг вошел в зону поражения нашей артиллерии, которая, к сожалению, слишком малочисленна, чтобы я улыбался. Когда скажу, что пришло время для готовности, вы все встанете и начнете стрелять в громадных и уродливых тварей.

— Есть, сэр, — хором откликнулись рабочие.

— Я даже мог бы к этому привыкнуть, о да. А теперь слушайте внимательно, мои чудесные грузыя. Цельтесь в туловище. Это самая большая цель, и понасть проще всего, если вы новичок в этом деле.

— Есть, сэр, — опять откликнулись они.

— Есть одна прекрасная женщина, на которой я хотел бы жениться после войны. И она почти наверняка ответит отказом на мое предложение, но эй, это мы еще посмотрим. Если же она скажет «да», то вы все приглашены на свадьбу, которую мы сыграем на востоке, где небо меньше

заagit на тебя каждый день. И будет
бесплатная выпивка. Даю слово. Я всегда
честен, и это лишь одно из моих
многочисленных замечательных качеств.

Кое-кто из мужчин потише воли
улыбнулся.

В этот момент гико забыла сирену
словно вопль баяши прорезал воздух над
километрами доков. Приглушенные удары
послышались в ответ, когда
оборонительные установки типа «Сабля»
открыли огонь по приближавшейся
флотилии.

--- Врета, --- вновь ухмыльнулся
Андрей, --- заработать несколько
блестящих медалек.

--- За Императора, --- выдохнул один
мужчина с закрытыми глазами, словно
толился. --- За Императора.

--- О нет. Не гля него. --- Андрей
застегнул респиратор, но рабочие все
равно слышали улыбку в его голосе. --- Он
счастлив на Золотом Троне далеко
отсюда. Для меня и для вас. И этого более
чем достаточно.

Сирены начали стихать, одна за

другой, пока наконец не столкнула последняя.

--- Теперь в любой момент, --- сказал Андрей, высовываясь над крышей контейнера, за которым спрятался, --- у нас появится компания.

Первые суда прибыли с яростью штормовой волны, разбивающейся о берег. Без изящества, даже не сбавляя скорости, они ударялись в пирсы и погрузочные платформы. Взрывами оказались выбиты водонепроницаемые ворота сухих доков, исторгая туда потоки воды и зловонной чужой плоти.

Самым первым из ксеносов из чрева подводной развалюхи вырвался жестокий орк, он был почти в полтора раза выше своих сородичей и нес на горбатых плечах шест с черепами людей и шлемами Астартес --- трофеи с прошлых войн в этих мирах. Он вел племя по границам Империи уже десятки лет и в бою был более чем достойным противником для воина Астартес.

Морда, плечо и торс зеленокожего были дезинтегрированы залпом лазерного огня --- пылающие останки рухнули с пирса

в грязную воду. Меньше чем в сотне метров Домоска криками подбадривала своих подопечных и приказывала стрелять снова. Кое-кто промахнулся, но многие попали в цель. То же самое происходило по всей береговой линии, как только первая волна ксеносов с хохотом и воплями хлынула в порт.

Из-за своего импровизированного укрытия в виде груды ящиков Магерн стрелял, раз за разом чувствуя, что винтовка в руках становится все горячее. Он пригнулся и дрожащими с непривычки пальцами начал перезаряжать оружие. Проклятую обойму заклинило.

— Дави сильнее, — бросил стоявший рядом Андрей. Еще один го боли яркий луч исторгнулся из его усиленного лазгана. — Новые винтовки иногда заедает. Печальное качество винтовок нашего тира. Их духам нужно время, чтобы проснуться.

Магерн удивился, что слышит его, несмотря на гул прибывавших судов, рев ксеносов и грохот пальбы.

— Я стрелял... из кантраэльской

винтовки... однажды, -- продолжал Андрей, беря паузы, когда нежного смещался и целился в новых зеленокожих, продолжая стрелять. -- Вот это прекрасное оружие, да. В том мире создают жаждущее боя оружие.

Магери вставил новую энергетическую батарею и вновь вернулся на позицию. У него уже заболела спина от первых двух минут солдатской жизни. Ужас как воины Стального легиона скорчиваются так день за днем и даже привыкают к битвам, оставалось для него загадкой. Он стрелял в далекие фигуры, в громадных рычащих орков, которые летались почти без направления или цели, словно охотясь за запахами. Другие твари появлялись и бежали к источникам лазерного огня, который пронзал их насквозь, и погибали задолго до того, как добивались до цели. Несколько существ явно умных по орочьим стандартам, остались позади. Эти твари стреляли забывающими снарядами по порту, взрывая ящики с грузом или распыляя стены складов.

Медленно, но верно порт окутывало
коварным плотным дымом,
погнутаившимся от горящих подводных
лодок и зданий.

--- Скоро мы сменит позицию, ---
сообщил через плечо Андрей.

Слова оказались пророческими. В
приливной волне и с грохотом металла о
катни подлодка орков врезалась в берег
всего в тридцати метрах от них.
Морская вода окатила пригнувшихся
докеров. Двери вылетели во время взрыва,
и из севшего на мель корабля донесся рев
зеленокожих.

--- Это слишком далеко от хорошей
новости, --- нахмурился штурмовик под
респиратором, беря на мушку первого
появившегося ксеноса. Тот рухнул как
подкошенный, когда луч впился в торгую и
срезал ему затылок.

Магери и другие рабочие
присоединились к стрельбе. Из лодки тем
временем появлялось все больше и больше
тварей. Зеленокожие наступали,
выслеживая источники лазерных лучей.

--- Сэр... --- Один из мужчин запылся.

его глаза расширились и покраснели. --- Сэр,
они идут...

--- Я это знаю, да, --- ответил Андрей,
и на мгновение не переставая стрелять.

--- Сэр...

--- Пожалуйста, заткнись и стреляй,
да?

Твари добрались до ящиков. От них
разило кровью, глотом, едким потом и
чуждой грибной порчей. Несколько
тусклых тварей вскарабкалось на
баррикаду и заревело с нее на людей внизу.

Выстрелы из лазганов скинули их
обратно. Но первую волну сменила вторая,
и скоро твари очутились среди докеров.
Рывкали их пистолеты и свистели
тяжелые топоры.

--- Отходим! --- крикнул Андрей, ведя
огонь в упор, расчищая путь сквозь
начавшуюся рукопашную. --- Бегом!

Рабочие уже убежали в панике.

--- Да за мной, идиоты! --- завопил
штурмовик.

На удивление, это сработало.
Работяги, которым хватило выдержки не
побросать лазганы, последовали за

солдатом сквозь воцарившийся хаос и снова
начали стрелять.

Он оставил треть группы в укрытии
из контейнеров возле опор крана. Те
докеры, что не успели убежать, отчаянно
кричали. Андрей почувствовал минутное
колебание у тех, кто остался с ним: они
застыли и не открывали огонь по своим
утирающим грузьям,
загипнотизированные ужасом резни.

--- Они уже мертвы! --- Андрей треснул
Магерна ладонью по затылку, возвращая
его к реальности. --- Огонь!

Этого оказалось достаточно. Вновь
затрещали лазганы, истребляя
зеленокожих.

--- Отступайте, только когда надо
перезарядить оружие! А до тех пор стойте
и стреляйте!

Андрей выругался, озвучив приказ.
Орки подступали все ближе. Вокруг
отступающей группы полыхали склады,
слышался грохот все новых и новых
разбивавшихся подлодок.

Сквозь дым штурмовик на миг
разглядел вдаль грудой отряд работяг ---

они в ужасе бежали от рукопашной, в которой их сотоварищей рубили на куски.

То же самое ожидало и его разношерстный отряд, и Андрей выругался снова. Он надеялся, что дела у Домоскайдут лучше.

Какое дурацкое место для смерти.

Почти в сотне километров от Хельсрича, под песками пустошей на северо-западе раздался громкий, ни на что не похожий удар.

Юризиан, магистр кузни «Вечного крестоносца», поднялся на ноги с медлительностью, рожденной крайним утомлением. В глазах его стояли слезы — редкость для человека, который не плакал более двадцати десятилетий. Его разум раздирали пульсирующая боль и тупой, ударяющий жар, который ничего общего не имел с физической слабостью.

Он ощущал теперь запах сервиторов, возвращались чувства, ранее занятые первостепенной задачей. Повернувшись туда, где они лежали, Юризиан почувствовал вонь разложения, затронувшего их

органические части. Они были мертвы уже недели, истощенные и лишённые возможности существования. Рыцарь не заметил этого. Сервиторы доказали свою бесполезность после нескольких первых часов работы больше месяца назад: их вычислительные процессоры не поспевали за вечно эволюционирующим кодом. Юризиану пришлось работать одному, проклиная Гримальда.

Низкий гул работающего механизма вновь привлек его внимание. Суставы болели — и механические, и человеческие — от столь длительного периода бездеятельности. Юризиан четыре недели простоял словно статуя — разум бодрствовал, а тело сгорбилось и в напряжении застыло у панели управления.

Он не спал. Храмовник знал, что несколько раз, когда его сконцентрированный, истощенный разум был близок к прекращению работы, он почти терял хватку на коге. Двигающиеся мысли не успевали за шифром, как и сервиторы. В эти мгновения панической активности Юризиан успокаивал свой

разум медитацией и работал медленнее, но все равно оставался активным.

Сейчас он взирал на огромные двери впереди.

«ОБЕРОН»

Это слово было выжжено в его сердце, написано гигантскими буквами, более похожее на предупреждение, чем на надгробную надпись.

Заключительный громкий удар возвестил, что открылся последний внутренний заток. Находившаяся под давлением охлаждающая жидкость хлынула в коридор, как только запечатававшие дверь системы сдались. Она воняла хлором — не отвратительный, но несвежий запах того, что хранилось охлажденным все то долгое время, пока двери оставались молчаливыми и неподвижными. В танце гроыхающих, вздрагивающих механизмов портал начал открываться.

— Реклюзиарх, — произнес в воке Юризиан и ужаснулся, услышав, каким

слабым и скрипучим стал голос. ---
Защитные системы взломаны. Я внутри.

ГЛАВА XV

Равновесие

Сначала в зале не было ничего. Ничего, кроме беспрозладной тьмы, кромешной даже для линз визора Юризиана. Рыцарь шепотом подстроил фильтры к инфракрасному и тепловому режимам вместе с эхолокатором, который искажал тихие звуки сканера движения. Юризиан сам внес эти изменения в броню — с должным уважением к машинному духу успеха.

И именно последний из фильтров принес результат. Перед взором предстали размытые очертания. И с ними пришел шум внутренних механизмов. Шарниров. Шестеренок. Псевдомысклов. Звук был таким же знакомым Юризиану, как его собственное дыхание, но при этом крайне любопытным.

Суставы. Он слышал скрип суставов.

Что-то было неправильно. Показания на дисплее говорили, что тьма вокруг вызвана отнюдь не отсутствием света.

Рыцаря коварно опу́тывали темнотой.

Юризиан твердыми руками поднял болтер, поворачиваясь направо и влево, пока его линзы продолжали подбирать фильтры. Наконец поверх линз правого глаза опустился монокуляр наведения --- механическое воплощение мигательной перепонки ящериц.

Лучше. Не идеально, но лучше.

--- Мое имя Юризиан, --- сказал он существу, когда то появилось в фокусе. --- Магистр кузни «Вечного крестоносца», флагамена Черных Храмовников.

Существо ответило не сразу. Оно было размером с человека и неприятно пахло древними механизмами.

Похоже, когда-то создание было человеком --- или отдельные его части были органическими, пусть даже в самой небольшой степени. Сгорбленное, одетое в потрепанный матерчатый плащ, чьи странные очертания намекали на спрятанные дополнительные конечности или модификации. Лица существо не показывало, то ли не желая поднимать голову, то ли будучи не в силах это

сделать.

Юризиан опустил болтер. Серворуки, вытягивающиеся из установленного на спине силового генератора, все еще сжимали оружие и направляли его на роемое в робу существо. Рыцарь озвучил следующие слова через вокс в шлеме, позволив духу брони перевести человеческий язык в универсальный, прямой машинный код -- основную программу для общения, которую он усвоил во время долгих лет обучения и тренировок на Марсе, родном мире Механикус.

-- Личность: Юризиан, --
завибрировал код. -- Из Астартес.

Ответ пришел взрывом запутанного кода, в котором слова и значения перетекали одно в другое. Похоже, машинный язык эволюционировал из вирусной программы, которая запечатывала двери. На артикуляцию создания, независимо от того, чем оно было, повлияли сотни лет, проведенные в изоляции.

-- Утвердительно, -- отозвался Юризиан на основном коде. -- Я могу

бигеть тебя. Убери помехи. Это больше не нужно.

Стоявшее до этого на четырех конечностях существо приподнялось. Теперь оно доходило Юризиану до груди, но не приближалось, а так и стояло в дюжине метров от Храмовника. Оружие в серворуках магистра кузни следило за движениями существа.

Оно выпустило еще одну мешанину акцентированного кода.

--- Утвердительно, --- вновь ответил Юризиан. --- Я уничтожил запечатавающую программу.

На этот раз ответ существа пришел в гораздо более простом коде. Рыцарь прищурился от такого развития событий. Как и вирусная программа в дверях зала, создание приспособлялось и работало с новой информацией на более высоком уровне, чем стандартные конструкции Механикус.

--- Это святилище «Оберона».

--- Я знаю.

Магистр кузни рискнул кинуть пронизывающий взгляд направо и налево.

анализируя искусственную тьму. Его монокуляр не мог рассеять тьму дальше чем на несколько метров. Мерцающие помехи начали появляться в его линзах.

--- Убери помехи. --- Юризиан вновь погнал болтер. --- Или я тебя уничтожу.

Эмоции против желания окрасили его речь в коге. Быть вот так связанным противоречило его чувствам и пониманию благородного поведения. Не было ничего славного или угрожающего в том, чтобы позволять врагу диктовать условия.

--- Я страж «Оберона». Твое присутствие генерирует незначительную угрозу для меня.

Юризиан ощутил горький металлический привкус гнева на языке. Его палец напрягся на курке болтера.

--- Убери помехи. Это последнее предупреждение. --- Статика затмевала обзор, подобно тысяче насекомых, которые накапливались на линзах. Он уже едва мог различить силуэт, когда хранитель Механикус приблизился.

--- Отрицательно, --- произнесло существо.

Спустя секунду за настоящими руками, отвечая на импульсы мозга, серверы угрожающе подняли тонор и остальное оружие --- почти как научнообразный хищник из мира смерти, который увеличивался в размерах, предостерегая жертву.

Последняя угроза рыцаря была высказана с убежденностью, подчеркнутой в машинной речи числовыми уравнениями.

--- Тогда утри.

Их спас один из черных рыцарей.

Он обрушился на врагов с неба с завывающим воем протестующих двигателей. Огонь вырвался из прыжкового ранца, когда гигант приземлился в толпе ксеносов, черная тень двигалась, очерченная языками пламени.

Андрей быстро отскочил, приказав отряду укрыться в относительной безопасности опрокинутого погрузчика.

--- Не вздумайте перестать стрелять! --- прокричал он, не особо надеясь перекрыть рев орков и гром орудий. Он сомневался, что кто-то его слышит, но

докеры продолжили стрельбу, как только выскочили в укрытие.

Храмовник рубил направо и налево ценным мечом, отсекая злобонную инопланетную плоть от уродливых тел. Болт-пушечник грохотал в унисон, вгоняя заряды размером с кулак в тела зеленокожих и разрывая тварей на куски. Андрей уже видел раньше Астартес в бою и делал все возможное, чтобы не снижать скорости стрельбы, помогая самоубийственной храбрости рыцаря. Но некоторые из его подопечных разинули рты и опустили оружие в благоговейном страхе.

Андрей выругался. Возможно, они решили, что Астартес сможет справиться без их помощи.

— Продолжайте стрелять, чтоб вас! — завопил штурмовик. — Он утирает за нас!

Преимущество яростной неожиданной атаки длилось недолго. Орки обратили внимание на смертельную угрозу, схватились за топоры и начали палить в упор из пушек. Некоторые в ярости понагали друг в друга, а те, что отстали

или находились вдали, были уничтожены лазерным огнем отряда.

Хратовник вскрикнул — искаженный воплем гневный вопль пробрал насквозь каждого человека, кто его услышал. Ценной меч выпал из черной руки, безвольно повиснув на цепи, что сковывала оружие с предплечьем.

За спиной потрясенного воина огни из неметаллических оставшихся зеленокожих вырвали копье из поясницы рыцаря. Тварь торжествовала не более секунды: жгучее копье яркой вспышкой энергии испарилось торгую орка и разметало содержимое черепа ксеноса по броне рыцаря. Андрей перезарядил оружие, не отрывая взгляда от схватки.

Хратовник восстановил равновесие, а спустя удар сердца сжал руку на урчащем ценном мече. Рыцарь нанес еще три дурих удара, вырывая куски плоти и разбивая броню ближайшего орка, прежде чем остатки стаи ксеносов пронзили его копьями. Оторванный от доспехов прыжковый ранец полетел вниз. Спугающей эффективностью твари

вдавливали лезвия в сочленения брони и использовали свою огромную физическую силу, чтобы повергнуть Астартес на колени. Пистолет Храмовника поднялся в последний раз и выпустил болт в грудь ближайшего ксеноса, снаряд воспламенился и взорвался, забрызгав остальных орков кровью.

Трех последних орков скосило выстрелами команды Андрея, и они рухнули рядом с поверженным Астартес.

Картина была злобеще спокойной, словно в сердце шторма, вокруг которого бьется пламя.

--- О Трон, --- прошипел штурмовик. --- Стойте здесь, да?

У Магерна даже не было времени согласиться, прежде чем солдат перепрыгнул через рокритовую платформу и ползком двинулся к телу павшего рыцаря.

--- Что он делает? --- спросил один из рабочих.

Магерн и сам хотел это знать. Он двинулся за штурмовиком, изо всех сил подражая движениям Андрея. Что-то горячее и яростное прожужжало мимо его

уха, словно ядовитое насекомое. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что ему чуть не попала в голову шальная пуля.

— Что ты делаешь? — Он поравнялся со штурмовиком.

Ответ казался Андрею очевидным. Его пальцы в перчатке шарили по подбородком шлема рыцаря, ища какую-нибудь застежку, замок или размыкающее устройство. Трон, должно же быть что-то...

— Смотрю, жив ли он, — рассеянно пробормотал солдат. — Ага! Вот ты где!

С приглушенным шипением, почти неслышным из-за недалекой стрельбы, печати шлема разделились. Андрей стащил его и вручил Магерну. Он оказался втрое тяжелее, чем думал Томаз, а ведь он ожидал, что шлем будет чертовски много весить.

Рыцарь еще дышал. Его лицо было в крови, темная жидкость скопилась на глазах и пятнала лицо, вытекая из носа и рта. Зубы были крепко сжаты. Говорили, что кровь Астартес должна свертываться

за пару секунд. Здесь этого не случилось, и Андрей сомневался, что это был хороший знак.

--- Не могу шевельнуться, --- прорычал Храмовник. Голос, вырывающийся из горла, был трачен. --- Позвоночник. Сердца. Останавливаются.

--- Я знаю, внутри тебя что-то есть. --- Андрей быстро осмотрелся по сторонам, удостовераясь, что вблизи нет врагов. --- Что-то важное внутри тебя, то, что должны забрать твои братья, да?

--- Прогеноиды. --- Дыхание рыцаря было столь же грубым, как и ворчание ценного меча. Громадных размеров бронированная рука воина сжала плечо Андрея. Но в хватке уже не было силы.

--- Я не знаю, что это, сэр рыцарь.

--- Геносемя, --- с кровью выплюнул Храмовник нетеющими губами. Его глаза тускнели, полужакрытые, и закатывались. Стало ясно, что он ослеп. --- Наследие!

Андрей кивнул Магерну:

--- Помоги мне сдвинуть его. Очень важно, чтобы его братья нашли тело. Важно для их ритуалов.

--- Император... --- пробормотал рыцарь. --- Император защищает!

Рука, сжимавшая плечо Андрея, обмякла и упала на геральдический крест на грудной пластине воина.

Еще раз встретившись глазами, портовик и солдат потащили мертвого рыцаря.

Мы погибает.

Мы погибает, рассеянные в порту, среди людей, оторванные от братского единства.

--- Надень шлем, --- говорю я Неро, не оборачиваясь к нему. --- Не позволяй людям видеть тебя таким.

Со слезами на глазах наш целитель выполняет приказ. Список павших рыцарей передается с наручного экрана на ретинальный дисплей. Я слышу по воксу, как прерывается его дыхание.

--- Анаст мертв, --- выдает он, добавляя еще одно имя к уже сказанным раньше.

Я подался вперед, сильный ветер пытается вонзить когти в мою броню.

преплет пергаментные свитки и табарг.
Мы на высоте нескольких сотен метров,
готовые обрушиться на тварей внизу.
Двигатели «Грозового ястреба» низко
рычат, затекаясь.

Порт под нами весь в руинах. Склады
и доки горят — черные и серые, янтарные и
оранжевые, — с небес зрелище такое, будто
смотришь в пасть какого-то мифического
дракона. Звук ударов говорят о
столкновении с землей очередных подлодок
или о взрывах наших складов с
боеприпасами.

— Хельсрич падет сегодня, — говорит
Бастилан, облекая в слова то, что, должно
быть, думает все мы. Я никогда за более
чем сто лет войны бок о бок с ним, никогда
не слышал, чтобы он говорил что-то
подобное.

— И не лги мне, Гримальд, —
произносит он, деля со мной пространство
рубки. — Побереги слова для других, брат.

Я стерпел подобную бестактность.

Но он ошибается.

— Не сегодня, — говорю я, и он не
отводит глаз от черепа, служащего мне

лицом. -- Я поклялся людям, что солнце
взойдет над непокоренным городом. Я не
нарушу слово. И ты, брат, мне в этом
поможешь.

Наконец Бастилан отворачивается.
Едва появившаяся близость между нами
вновь исчезает.

-- Как прикажешь, -- отзывается он.

-- Приготовиться к прыжку, -- велю я
по воксу остальным. -- Неро, ты готов?

-- Что? -- Он опускает нартециум,
втягивающий хирургические пилы и
скальпели. Я вижу, как занимают место
под гладкими пластинами доспеха пустые
отделы для хранения геносемени.

-- Ты нужен мне, Неро. Ты нужен
нашим братьям.

-- Не читай мне лекций, реклюзиарх.
Я готов.

Остальные, особенно Приам,
внимательно слушают.

-- Кагор мертв. Две трети
участников Крестового Похода Хельсрич
не доживут до ближайшего рассвета. Ты
будешь нести их наследие, брат мой. Есть
повод для скорби, ведь никто из нас не

присутствовал при таких потерях раньше, но если ты будешь потерян в горе, то принесешь смерть всем нам.

— Я сказал, что готов! Почему ты только мне отказываешь в этом? Приам, похоже, всех нас увидит мертвыми, потому что не выполняет приказы! Бастилан и Артарион и вполонину не такие бойцы, каким был Кагор. И все же ты поучаешь именно меня, а я что, трещина в клинке?

Мой пистолет направлен ему в голову, в лицевую пластину шлема, отмеченную белым в знак его утений и опыта.

— В тебе пустила корни злоба, брат. Затем она пройдет сквозь тебя, выворачивая сердце и душу, оставив только бесполезную пустую оболочку. Когда я предлагаю тебе сосредоточиться и встать рядом с братьями, ты отвечаешь черными словами и предательскими мыслями. Поэтому я повторяю снова, как и раньше, что ты нужен нам. А мы нужны тебе.

Он не опускает взгляда. А когда

отводит глаза, то не от поражения или
трусости, а от стыда.

--- Да, реклюзиарх. Братья мои,
простите меня. Мой нрав сейчас
неуравновешен, а разум в растерянности.

--- Ум, не имеющий цели, обречен
блуждать впотьмах, --- процитировал
Артарион. Человеческий философ, имени
его не помню.

--- Все хорошо, Неро, --- проворчал
Бастилан. --- Кагор был одним из лучших в
оргене. Мне его не хватает, как и тебе.

--- Я прощаю тебя, Неровар, ---
произносит Приам, и я благодарю его по
закрытому вокс-каналу за то, что в его
голосе хоть раз не слышится насмешка.

«Громовай ястреб» снижает скорость,
двигатели держат его в воздухе, пока мы
готовимся к прыжку. В воздухе вокруг нас
небо расцветает взрывами.

--- Противовоздушный огонь? Уже? ---
спрашивает Артарион.

То ли зеленокожие вытащили на
берег несколько субмарин с оружием класса
«земля --- воздух», то ли захватили
настенные зенитные орудия --- это не

имеет значения. «Грозовой ястреб» яростно закачался, когда первый удар потряс бронепластины. Ксеносы стреляют сквозь дыт, отслеживая корабль самыми примитивными методами, но они все же достаточно эффективны.

--- Приближаются ракеты, --- сообщает по связи пилот. «Грозовой ястреб» вновь включил прямую тягу, набирая скорость. --- Десятки, слишком близко, чтобы уклониться. Прыгайте сейчас --- или умрете вместе со мной.

Приал прыгает. Следом Артарион. Затем из шлюза выпрыгивают Неро и Бастилан.

Пилот Тровен не из тех воинов, которых я знаю хорошо. Я не могу судить о его характере так же, как о близких братьях, потому могу сказать только то, что он Храмовник. А стало быть, ему присущи храбрость, гордость и решимость. Будь он человеком, я бы назвал такое поведение упрямством.

--- Нет нужды умирать здесь, --- говорю я, входя в кабину пилота. Я не уверен, правильно ли поступаю, говоря подобное, но

если из надежды можно выковать реальность, то именно сейчас я так и сделаю.

--- Реклюзиарх?

Тровен решил спасти «Громоовой ястреб» с помощью маневрирования, вместо того чтобы встать с кресла и попытаться выпрыгнуть из корабля. Вероятно, оба варианта ошибочны. И все же я считаю, что именно его выбор неверен.

--- Отсоединяйся сейчас же! --- Рывком вырываю его из кресла, силовые кабели выдерживаются из портов в доспехе.

Тровен вздрагивает из-за электрических разрядов от опасного и некорректного разрыва связей, половина его восприятия и сознания все еще объединены с духом-машины корабля. Протесты рыцаря свелись к искаженному, бессловесному и болезненному хрипу, когда электропитание брони тоже начинает отвечать ударами, а соединение с системой управления «Громого ястреба» слабеет.

Корабль накренился и пикирует на

отказавших двигателей. Тошнота
подступила и сразу исчезла,
уравновешенная генетически
усовершенствованными органами, которые
заменили обычные человеческие глаза и
уши. Генетическим компенсаторам
Тривена из-за дезориентации при разрыве
соединения с кораблем потребовалось
больше времени, чтобы приспособиться. Я
слышу, как он ворчит в вокс-передатчик,
сглатывая желчь.

Надеюсь, что свободное падение
убережет нас от ракет.

В таком ослабленном состоянии
пилота легко вытащить из кабины и
открыть люк. Небо вертится, когда
корабль швыряет в воздухе. Мои
снабженные магнитами сапоги шаг за
шагом притягиваются к металлическому
полу, и только благодаря этому мы не
вываливаемся из бешено вращающегося
челнока.

Я встаю лицом к двери, и в меня бьет
стремительный ветер, экран
целеуказателя компенсирует эффект
вращающегося неба. Я тизаю по

вспыхивающей в центре на пересечении
линий руне. Шаблон реактивного
двигателя движется по моей сетчатке, и
висящий на плечах прыжковый ранец
пробуждается к жизни.

— Ты убьешь нас обоих. — Тривен
почти смеется.

Я трачу не более секунды на мысль о
двух сервиторах, которые работают на
местах экипажа.

«Держись» — вот все, что я успеваю
сказать, — мир вокруг нас исчезает в
металлических обломках и ярком
пламени.

Как только разговор прервался и в
воздухе запахло порохом — знакомым
ароматом болтерного огня, — Юризиан
отскочил назад.

Пространство вокруг него освещали
вспыхивающие искры и разряды
электричества из его сломанной серворуки
и потрепанной брони. Эти разряды
электричества из раненого металла были
достаточно яркими, чтобы оставлять
болезненные следы на чувствительных

глазных линзах. Юризиан командным словом очистил фильтры, восстанавливая стандартный режим.

В грубом потрескивании из vox-передатчика вырвался стон боли. И хотя его никто не услышал, уже сам факт демонстрации слабости был унижителен. Он расскажет реклюзиарху и понесет епитимью, когда... Но не будет этого когда. Эту войну невозможно выиграть.

На ретинальном дисплее появилось трачное описание повреждений внутренних органов, как биологических, так и механических. Магистр кузни потратил несколько секунд на изучение высвечивающихся предупредительных рун, указывающих на утечку жизненной окисленной гемоплазмы из области некоторых органов. Юризиан почувствовал, как усталость стирается с лица, поскольку опьяненный болью мозг предоставил вполне человеческое определение.

Я истекаю кровью.

Техногесантник не слишком озаботился ранами. Это не было

критическое повреждение -- ни для живых компонентов, ни для аузментики. Рыцарь сделал шаг вперед, круша ногами одну из оторванных рук-клинков стража, которую существо потеряло в схватке пару минут назад.

Она лежала неподвижно, внутренние силовые генераторы уменьшали обороты, постепенно стихая. В смерти правда обнажается с почти меланхолической ясностью. Страж был не более чем тенью того, чем казался.

Конечно, существо было бы достойным противником для большинства захватчиков -- людей или ксеносов. Но рассеченное облачение демонстрировало немощь, которую ранее скрывало, -- это был лишь последователь Механикус. Техностраж -- не многим больше, чем древний, деградировавший магос, долго испытывавший недостаток в необходимом для поддержания сил обеспечении. Когда-то он был человеком. А эпоху назад -- хранителем Механикуса, надзиравшим за самыми сокровенными их тайнами.

Однако время лишило его большей

части силы.

Древнее существо прыгнуло на Юризиана, конечности-лезвия залязгали, пробуждаясь к жизни, пронзая и рубя, когда опускались и молотили мехагендриты.

Оружие серворук рыцаря било в ответ, медленнее, тяжелее, без перерыва нанося дробящие удары и повреждения в противоположность царапанью и постукиванию хранителя. К тому времени как страж отломал одну из серворук рыцаря, болтер Юризиана всаживал выстрел за выстрелом в тело хранителя, взрывая системы жизнеобеспечения и разрывая все еще оставшиеся человеческие органы. Вместо крови, которая уже давным-давно там не текла, из тела хранителя выливались жидкие суспензии и синтетические мази.

Острая боль означила момент, когда страж пронзил керамитовую броню Юризиана. Страж еще обладал достаточным количеством атакующих программ, чтобы наносить удары в суставы и слабые места доспеха, но гораздо чаще его атаки не достигали

цели, отскакивая от модифицированной брони, которую магистр кузни лично усовершенствовал еще на поверхности Марса.

Он встал после того, как страж наконец упал. Израненный, но не посрамленный. Преисполненный печали, но убежденный в правоте.

Утирающее существо было предано забвению. Помехи с гибелью хранителя исчезли.

Юризиан уставился в мрачную тьму громадного зала и стал первым, кто за более чем пятьсот лет увидел «Оберон», Ординатус Армагеддон.

--- Гримальд, --- прошептал он в вокс. --- Это правда. Это священное копье боготашины.

Двигатели отчаянно протестовали, пытаясь затормозить безумное падение. Тряска была дичайшей --- без псевдомускулов брони шея Гримальда была бы сломана при активации прыжкового ранца, во время попытки стабилизировать полет.

Они падали слишком быстро, даже при условии, что двигатели прыжкового ранца уже раскалились.

--- Принято, Юризиан, --- выдохнул реклюзиарх. В самый подходящий момент!

Гримальд ворчал от тяжести брони Тровена. Его пистолет повис на прикованной к запястью цепи, в то время как он сам вцепился в наруч пилота Тровена, в свою очередь, висел в воздухе, ухватившись за запястье реклюзиарха. Пылающие табарды хлопали по броне.

Высотометр на ретинальном дисплее вспыхивал ярко-красным цветом, когда реклюзиарх и распростертый рыцарь оказались в клубках черного дыма, поднимающегося из порта. Прежде чем зрение было полностью заблокировано, Гримальд увидел, как Тровен дотянулся свободной рукой до ножен с гладиусом на бедре.

Помехи громко трещали в окружающем хаосе, но окрашенный яростным рвением голос Бастилана прорезался через эту стену:

--- Реклюзиарх, мы видим это. Кровь

Дорна, ты все видишь.

--- Значит, вы не сосредоточены на битве и понесете епитимью за это!

Он напряг все мускулы, чтобы смягчить удар в то мгновение, когда они с ломающей кости силой встретятся с землей. Обоих рыцарей протащило по проклятому покрытию, во все стороны от брони летели искры.

Когда рыцари поднялись на ноги, в окружающем дыму тотчас появились массивные фигуры орков.

--- За Дорна и Императора! ---
закричал Тровен и открыл огонь из болтера, который висел сбоку, навечно прикованный к броне ритуальными цепями.

Гримальд присоединился к кличу Тровена, бросившегося на врагов.

Если порт можно спасти, то, во имя Трона, так и будет.

ГЛАВА XVJ

Поворотный момент

Звено истребителей пронеслось над головами в темнеющих небесах, оставляя за собой инверсионные следы. Их преследовали самолеты ксеносов, гребезжа и безрезультатно паля в небо трассирующими снарядами, пытаясь догнать имперские истребители, когда те возвращались на одну из немногих уцелевших взлетно-посадочных полос улья.

Внизу пылал город. Улица за улицей, переулок за переулком захватчики заполняли портовые районы, усеивая землю трупами.

В местах наиболее яростных боев вокс-связь была повреждена, и через помехи пробивалась лишь сомнительная мешанина наиболее удачливых сигналов. Войска отступали всю ночь, квартал за кварталом. К ароматам серы и моря добавились новые запахи. Теперь порт пах кровью, огнем и сотней тысяч жизней, которые обрывались в пламени битвы от

восхода до заката. Поэты из нечестивых эпох Древней Терры писали о каре, которая наступает после смерти, об аде, находящемся где-то под поверхностью земли. Но если бы ад когда-либо и существовал, то источал бы такой же запах, как промышленный город, утирающий на побережье Армагеддон Секунд.

В катакомбах под землей жители Хельсрича пока еще оставались в безопасности от бойни на поверхности. Они ютились во тьме, вслушиваясь в неровный барабанный грохот взрывов заводов, цехов, танков и хранилищ боеприпасов. Стены подземных убежищ дрожали и сотрясались, но доносившиеся с поверхности хлопки и грохот мало отличались от раскатов грома. Многие родители говорили маленьким детям, что это просто яростный шторм шумит наверху.

С орбиты осажденные города выглядели пятнами золы. К началу второго месяца планетарного шторма атмосфера Армагеддона стала густой и

едкой от дыма горящих ульев.

Хельсрич больше не был похож на город. С осадой порта последние незатронутые боями кварталы улья охватило пламя, окутав город черной пеленой дыма от пожаров на нефтеперерабатывающих заводах.

Магистраль Хель раненой змеей изгибалась через весь город. Ее кожа была расцвечена светлыми и темными пятнами: бледными и серыми там, где бои закончились, оставив кладбища безмолвных танков, и почерневшими там, где конфликт еще горел и бронированный кулак Стального легиона сошелся с развалюхами захватчиков.

Половину улья оставили, бросили в мертвой тишине поражения. Другую половину еще удерживали имперские войска, но она с каждым часом становилась все меньше, сгорая в битве.

И так настал рассвет тридцать седьмого дня.

--- Эй, никакого сна тут!

Андрей пнул Магерна в голень.

возвращая доктора в реальный мир.

--- Мы скоро должны выдвигаться, я так думаю. Времени на сон нет.

Томаз поморгал, пытаясь стряхнуть с глаз усталость. Он даже не понял, что уснул. Они с оставшимися девятью рабочими спрятались за грудой ящиков в помещении склада. Теперь Томаз переводил взгляд с одного лица на другое и едва их узнавал. День войны состарил всех, даже на молодых лицах появились морщины.

--- Куда мы собираемся? --- прошептал в ответ Магерн.

Штурмовик снял очки, чтобы потереть саднящие глаза. Они не спали --- даже едва ли прекращали сражаться --- уже более двадцати часов.

--- Мой капитан хочет, чтобы мы выдвигались на запад. Там есть подземные убежища для гражданских.

Один из мужчин закашлялся и сплюнул на землю. Глаза у него были красные и опухшие.

--- На запад? --- спросил мужчина.

--- На запад, --- повторил Андрей. ---

Это приказ моего капитана, и именно так
мы и сделаем.

--- Но твари уже там. Мы их видели.

--- Я не говорил, что в приказе было
все, что мне потребуется после отставки.
Я сказал, что это приказ и ты будешь ему
подчиняться.

--- Но если ксеносы уже там... ---
подхватил грудой рабочий, чем лишил
Андрея остатков терпения.

--- Тогда ты окажешься в тылу врага и
увидишь много мертвых гражданских,
которых не успели спасти. Трон, ты что
думаешь, что у меня для всех есть
хорошие ответы? Я их не делаю. У меня
нет хороших ответов ни для тебя, ни для
кого-то еще. Но мой капитан приказал нам
идти туда, и так мы наверняка и
поступим. Да? Да.

Это сработало. Подобие
осмысленности вновь появилось в усталых
взглядах.

--- Тогда пошли, --- сказал Магерн и
поднялся, хрустнув коленями. Он сам
удивился, что все еще может стоять на
ногах. --- Кровь Императора. У меня еще

никогда так не болело все тело.

--- Вот интересно, почему ты жалуешься? --- Штурмовик с ухмылкой нацепил очки. --- Ты как проклятый трудишься в этом порту. Думаю, сейчас не тяжелее.

--- Да, --- пробормотал один из рабочих. --- Но тогда нам хоть платили.

С приглушенным стехом отряд двинулся обратно в порт.

Поврежденная рука полковника Саррена была прочно закреплена в самодельной повязке через шею. Больше всего командующего раздражало, что теперь нечем было показывать на гололитический дисплей. Но что же, такова цена глупости: полковник покинул «Серого воина» на контролируемой врагом территории. Учитывая обстоятельства, он еще легко отделался: осколком в руку. Группа зеленокожих снайперов убила четверых из экипажа командирского «Гибельного клинка», когда люди покинули недра танка, чтобы подышать свежим воздухом, крайне необходимым после

множества часов, в течение которых они
вдыхали переработанные фильтраты
испарения.

Очистили еще один квартал — как
будто только для того, чтобы через пару
часов его вновь заняли кровожадные твари.

Саррен сидел на потертом сиденье в
тесном, низком пространстве танка,
пытаясь расслабиться и забыть о боли.
Костоправ Джерт уже рекомендовал
ампутацию, чтобы снизить риск
заражения крови, а еще потому, что
раненая конечность, похоже, никогда не
вернется, как он выразился, к
«полноценному функционированию».

Чертов врач. Лишь бы
имплантировать дешевую, на скорую руку
собранную бионикю, которая будет лязгать
при каждом движении и заедать из-за
низкокачественных деталей. Саррен был
знаком с аугментикой для Имперской
Гвардии и знал, насколько эти модели
далеки от тех, что доступны богачам.

Сейчас он, не отрываясь, смотрел на
гололитический стол, наблюдая, как
тучительно медленно имперские войска

вступают контроль над портом. Наблюдая за мерцающими рунатами, трудно было представить вместо схематичного изображения реальную схватку.

Все новые и новые пехотные подразделения Стального легиона прибывали в порт, но это было все равно что пытаться вычерпать прилив ведрами. Твардейцы могли лишь слегка сдерживать общее отступление. Перспектива отбить порт назад была слабой.

--- Сэр? --- позвал вокс-связист.

Вырванный из задумчивости Саррен посмотрел на него, не понимая, что связист уже почти минуту пытается привлечь его внимание.

--- Да?

--- Сообщение с орбиты. Имперский флот вновь вступает в бой.

Саррен осенил себя аквилой, но крайней мере попытался. И в итоге скорчился от боли, протестующе вспыхнувшей в плече. Поэтому в итоге у него получилось изобразить лишь одно крыло имперского орла.

--- Принято. Да поможет им

Император.

После слов он вернулся к наблюдению за передислокацией войск.

Значит Имперский флот вступает в бой.

Вновь.

Каждые несколько дней разворачивалась одна и та же картина. Объединенный флот Астартес и Империи выходил из Варна рядом с планетой и атаковал окружающие мир корабли орков. Бой длился несколько часов, обе стороны несли колоссальные потери, но орки неизбежно отбрасывали нападавших благодаря огроному численному превосходству.

Отступив в ближайшую безопасную систему, корабли в течение какого-то времени перегруппировывались под руководством адмирала Нэрола и верховного маршала Хельбрехта и готовились к новой атаке. Прямолинейно и грубо. В космической войне такого масштаба мало места для изящества. Саррен понимал их тактику — бросаться в атаку на вражеский флот, наносить

максимальный урон и затем отступить в безопасное место. Необходимость в тяжелой войне на истощение.

И это мало вдохновляло. Города-ульи держались из последних сил. Если за грядущие недели не придет подкрепление, многие падут. Редкие донесения из Тартара, Инферно и Ахерона были невыразимо мрачны, как и новости, что передавал им Саррен из Хельсрича.

Если не будет...

--- Сэр?

Полковник кинул взгляд влево, туда, где за пультом сидел вокс-связист, державший одной рукой у уха наушник. Он выглядел бледным.

--- Экстренный вызов от «Змеиного» с орбиты. Он требует немедленно прекратить стрельбу из всех противовоздушных орудий в районе порта.

Саррен выпрямился в кресле. Едва ли в том районе осталось какое-либо противовоздушное оружие, но не в этом дело.

--- Что ты сказал?

--- «Змеиный», ударный крейсер

Астартес. Он требует...

--- О Трон, так отправь приказ.
Отправляй! Деактивировать все
оставшиеся противовоздушные башни в
районе порта!

Экипаж столк. Все смотрели и
ждали.

Саррен выдохнул одно-единственное
слово, словно боялся, что оно окажется
неправдой.

--- Подкрепление.

Одиноким «Змеиный», корабль цвета
морской волны, неся, словно дракон из
мифов, через вражеский флот, в то время
как остальные боевые корабли Империи
обрушились на окружающую планету
кольцо орочьих судов.

Единственный корабль прорвался,
подвергнувшись вражескому обстрелу, его
щиты вышли из строя, корпус обьяло
пламя. Но «Змеиный» пришел не
сражаться. Как только судно Астартес
ворвалось в верхние слои атмосферы,
десантные модули и «Грозовые ястребы»
подобно ливню обрушились из окованного

железом чрева на охваченный войной мир.

Выполнив свою задачу, «Змеиный» повернулся, чтобы вновь вступить в битву. Капитан скрипел зубами от бесконечных сообщений о повреждениях, сулящих смерть любимому кораблю. Но не было бесчестьем погибнуть, исполнив столь важный долг. Он действовал согласно приказам высочайшей силы — от воина на поверхности планеты, чьи деяния уже были записаны в сотнях летописей имперской славы. Воин потребовал пойти на риск и доставить на Армагеддон подкрепление независимо от вставших перед ним препятствий.

Его звали Ту'Шан, повелитель Рожденных в Огне, и «Змеиный» исполнил его волю.

Но крейсер не погиб. Черный силуэт затмил громозгкие и раздувшиеся эстинцы орков, разрывавшие корабль на части. Другое, гораздо более крупное судно превратило в металлолом корабль ксеносов шквальными бортовыми залпами, подарив «Змеиному» столь необходимые драгоценные секунды, чтобы снова

проскочить сквозь заградительный огонь
ксеносов.

Как только они прорвались, капитан
«Змеиного» выдохнул молитву и
сигнализировал через рубку мастеру связи.

— Сообщите «Вечному крестоносцу»,
— сказал он. — Принесите им искреннейшую
благодарность нашего органа.

Ответ с боевого барка пришел почти
сразу. Мрачный голос верховного маршала
Хельбрехта эхом разнесся по мостику
«Змеиного»:

— Это Черные Храмовники должны
благодарить тебя, Саламандра.

Твари ворвались еще в одно из
наземных убежищ.

Словно вытекающая из раны кровь,
люди высыпали на улицу через
разрушенные стены. Когда выбор стоит
между смертью в укрытии или смертью
во время побега в безопасное место, любого
человека можно простить за то, что он
поддается панике. Я твержу себе это, пока
смотрю, как они утирают, и делаю все,
чтобы не осуждать, не применять к ним

те высокие стандарты чести, которых требую от братьев. Они просто люди. Мое отбращение неправильно и неоправданно. Но оно есть.

Умирая, люди всех возрастов визжат, как свиньи на бойне.

Эта война подобна яду. Здесь, в этой ловушке и вдали от моего органа, мой разум наполняют мрачные предубеждения. Становится трудно согласиться с тем, что я должен умирать ради того, чтобы гражданские продолжали жить.

--- Атакуют! --- команду я братьям. Этот голос едва ли слышен из-за рева двигателей. Вместе мы выпрыгиваем из движущегося «Рино» и врежется в арьергард врага.

Крозиус вздымается и опускается, так же как вздымался и опускался уже десять тысяч раз за последний месяц. Орел из адатантия звенит, рассекая воздух. Он сверкает от высвобождаемой энергии, когда силовое поле встречается с броней и плотью. Встроенная в рукоять оружия жаровня выпускает серую дымку священных благоговений, подобно кольцам тумана

оплетающую всех нас --- и гругей, и врагов.

Усталость отступает. Обида слабеет. Ненависть --- вот величайшая эмоция очищения, главенствующая над остальными. Кровь, страдная и нечеловеческая, подобно дождю орошает той росею. Когда она пачкает черный крест на груди, отбращение всыхивает с новой силой!

Треск. Крозиус обрывает жизнь еще одного ксеноса. Треск. Еще один. Мой наставник, великий Мордрег Черный, почти четыре века шел с этим оружием в битвы против врагов человечества. И теперь у меня вызывает отбращение мысль, что, возможно, его никогда не возьмут из Хельсрича. И наши росехи. И наше геносемя. Какое наследие мы оставим, если последний рыцарь падет под глотками клинками тварей?

Один из них ревет что-то мне в лицо, забрызгивая визор грязной слюной. Меньше чем секунду спустя крозиус расплющивает морду орка, оборвав жалкий вызов зеленокожего, который, как я предполагаю, он бросал мне.

Мое второе сердце присоединяется к работе первого. Я чувствую, как они грохочут в союзе, но не в унисон. Человеческое сердце гремит, словно барабан племени дикарей, быстро и горячо. Его генетически выращенная копия поддерживает близнеца медленными и тяжелыми ударами.

Твари лезут друг на друга в безумном желании вцепиться в нас. Не умеющие права существовать в качестве оружия куски металлолома выплевывают бронебойные снаряды — они звенят о доспехи. Каждый выстрел срывает черную краску с брони, но священная кровь Дорна еще не пролилась.

Наконец они осознали, какую угрозу представляет угрозу. Ксеносы отрываются от безудержной резни гражданских, которые все еще выбегают из пролома в стене. Толпа затопивших улицу тварей поворачивается к более интересной добыче. К нам.

И тут наше зная падает.

Крик боли Артариона разносится по ближайшей связи, как искаженный рык, но я

расслышал голос знаменосца, несмотря на помехи.

Приал оказывается рядом с ним раньше, чем кто-либо. Трон, он умеет сражаться. Клинок колет и рубит, каждый удар несет смерть.

--- Вставай! --- рычит он Артариону, не глядя на брата.

Я с треском обрушиваю лицевую пластину шлема в рычащую морду ксеноса перед собой, разбивая ему челюсть и ряды острейших зубов. Когда оркотшатывается, крозиус ломает шею твари и обрушивает на землю изувеченный труп.

Зная поднимается вновь, хотя Артарион опирается только на левую ногу. Правая покалечена, в бедро вонзилось копье ксеноса. Будь проклята сила зеленокожих, что позволяет осквернять доспехи Астартес.

Еще один смешанный с помехами рык сообщает, что Артарион выдернул копье из ноги. У меня нет времени наблюдать, как он возвращается в бой. Все новые твари хохочут передо мной --- раздвигаясь

стена отбратительной нефритовой
плоти.

— Мы уступаем улицу, — ворчит
Басуилан, чей голос искажают звуки
ударов оружия о его доспехи. — Нас лишь
шестьеро против великого множества
врагов.

— Пятеро, — вымученным голосом
управляет Неровар — аптекарь гвумя
руками держит цепной меч и рубит
творей без искусности Приама, но с
неменьшей яростью. — Кагор мертв.

— Прости меня, брат. — Басуилан
утолкает, выпуская очередь болтов. — На
миз забыл.

Впереди наша цель — три
переделанных танка, уже совсем не
похожие на то, чем изначально были, на
танки Имперской Гвардии, — они
продолжают обстреливать убежище. Оно
не так надежно, как подземные бункеры,
так как вовсе не было предназначено для
эвакуации гражданского населения.
Каждый из квадратных куполов вмещает
тысячу человек и призван сдерживать
ярость песчаных бурь и тропических

циклонов, обычных здесь, а не обстрел вражеской артиллерии. Их тоже использовали теперь, поскольку больше нечего использовать, потому что город разросся так, что уже не мог спрятать всех жителей под землей.

Твари хорошо нас изучили. Они стремятся вовлечь защитников улья в свирепую мясорубку и поэтому в злобном коварстве набрасываются на беззащитных гражданских, зная, что их мы будем защищать в первую очередь.

— Проклятие! — раздался по воксу полный боли голос Неровара.

Я перепрыгиваю через ближайший ко мне труп и встаю рядом — булава мелькает без остановки, пока аптекарий старается подняться.

Это ему не удастся. Твари поставили его на колени.

— Черт, не выходит, — выкашливается он. Пальцы бессильно сжимают топор, вонзившийся в живот. Неро опускает руки, не в силах бороться. Струящаяся из трещины в доспехе кровь окрашивает табарг алым. — Не могу.

— Во имя Императора! — Мой призыв
вырывается низким рыком. — Вставай и
сражайся, или ты все утратишь!

Раненый и беззащитный, Неровар
притягивает зеленокожих, отчаянно
жаждущих нанести смертельный удар
одному из рыцарей Императора. Они с
ревом кидаются в атаку.

Я убиваю крошечным первым. Удар
ногой в грудь отбрасывает второго на
достаточное расстояние, чтобы можно
было проломить булавой череп. Третьего
окутывает плазменный огонь, и он
кувыркается назад размытым и добела
раскаленным силуэтом пламени. Жгучий
пепел, залетающий в глаза его собратьев, —
— вот все, что осталось от жалкого
ксеноса.

Слишком много.

Даже для нас их слишком много.

Я мельком вижу, как люди бегут во
все стороны по пылающим улицам, у них
появилась возможность спастись, пока
ярость орды направлена на нас. Некоторые
погибнут от огня развалюх-танков, но
большинство выживет — пусть даже и

сбежав в опасный лабиринт погибающего города. До этой войны я бы никогда не считал такой результат успешным.

С криком гнева и боли Неро вырывает из живота топор. Мое облегчение миготливо развеивается, потому что аптекарий не успевает подняться, прежде чем твари вплотную приблизились к нам.

--- Я вижу несколько рыцарей, --- говорит Андрей. Слова сопровождается приглушенное «чтоб тебя» и гул вновь заряжаемого усиленного лазгана.

Отряд прижался к невысокому парапету на крыше здания, и только штурмовик выглядывал из-за него, осматривая улицу.

--- Все, зарядите винтовки и будьте наготове.

--- Как много? --- спросил Магерн. --- Как много рыцарей?

--- Четверо. Нет, пятеро. Один ранен. А еще я вижу тридцать врагов и три танка, которые когда-то были нашими «Леман Руссами». Теперь хватит болтать. Всем выбрать цели.

Портовые рабочие сделали, как приказано, сняв оружие с предохранителей.

--- Цельтесь ниже, --- велит своим людям Магерн, вызывая безмолвную улыбку Андрея. --- В ноги и торс.

Никому не надо наотинать быть аккуратнее и не подстрелить Храмовников.

Штурмовик выстрелил первым, и яркий луч его лазера стал сигналом для остальных. Лазганы вздрагивали в куда более уверенных руках, фокусирующие линзы раскалились, выпуская смертоносную энергию на улицу вниз. Лазеры били в плечи, ноги, спины и руки --- отряд успел сделать три залпа, прежде чем твари переключили внимание с рыцарей на засевших на крыше склада.

--- Ложись! --- приказал остальным Андрей.

Они подчинились, нырнув в укрытие. Штурмовик пригнулся, но остался на месте. Он рискнул сделать еще два выстрела, прицельным огнем прострелив черепулки двух ксеносов.

Вокруг него, вокруг них всех

окантовывавший крышу невысокий паранет угрожал под огнем орков, но это уже не имело значения. Рыцари прорвались. Андрей наконец тоже пригнулся, увидев, как один из Храмовников, чья броня была теперь скорее серой, чем черной, из-за повреждений, сокрушил троих нападавших чудовищной потрескивающей булавой.

Прежде чем отступить, штурмовик сделал еще кое-что: отсегнул взрывчатку и поставил таймер на шесть секунд, а затем швырнул ее вниз на улицу, к танкам. Она взорвалась через полсекунды после того, как попала в башню первого, с грохотом оторвав ее.

Храмовники управятся с оставшимися гвутья.

--- Назад! --- застонал штурмовик. --- Назад через крышу!

--- Проклятие, что такого стешного? --- спросил один из рабочих, Джассел, пока они, пригнувшись, бежали от разрушенного края крыши.

--- Это не просто рыцари. --- В голосе Андрея звучало искреннее веселье. --- Мы только что спасли реклюзиарха. А теперь

быстро-быстро вниз, на улицу.

На улицах воцарилось странное спокойствие, нечто среднее между безмятежностью и кладбищенской тишиной. На этот раз Магерн приветствовал совсем грудой воин. В возвышающейся фигуре мало осталось от величественной бесстрастной статуи, которая когда-то лишь кивком признала существование портовика.

От гула доспеха реклюзиарха все еще скрипели зубы и слезились глаза, если Томаз подходил слишком близко. Но Магерн разбирался в механизмах, пусть и не в древних военных реликвиях, и теперь замечал в броне неисправности. В некогда плавном сердитом урчании появились раздражающие и резкие звуки, а прерывистый лязг свидетельствовал, что какой-то внутренний механизм функционирует не так, как положено. Сочленения потрепанного доспеха не рычали, когда напрягались псевдомускулы, — они ворчали, словно не желали двигаться.

Пять недель. Пять недель битв, гнет

и ночью, в одном и том же доспехе, а оборона порта стала самой тяжелой из них. Удивительно, что доспех еще работал.

Табарг был весь изорван и запятнан серо-зеленой орочьей кровью. Свитки, раньше украшавшие наплечники рыцаря, пропали, и теперь остались только цепочки с поломанными печатями. Сама броня все еще внушала страх и уважение скрытой силой и безликой жестокостью, но до войны она была чернее черного, а теперь большая часть черноты исчезла, содранная пулями и лазерными ожогами, которые усеивали броню подобно ушибам и царапинам. Теперь, когда краску содрали тысячи ударов и скользящих попаданий, основная часть доспеха выглядела тускло-серой. Без краски броня казалась тусклого неполированного цвета.

Каким-то образом она теперь походила на винтовку или танк, выпущенные с заводов Армагеддона: простая, незатейливая, но при этом до жути смертоносная.

Остальные Храмовники выглядели не лучше. Тот, кто нес штандарт реклюзиарха, был так же потрепан, как и Гримальд. Само знамя было оборвано и обожжено, собственно, от него остались лишь клочья, свисавшие с древка. Рыцарь в белом шлеме едва стоял, с двух сторон его поддерживали два брата. Из прорези для рта вырывался скрежещущий резкий кашель.

И это не сделало их человечнее, не раскрыло воинов под убранством и рыцарским снаряжением, а, напротив, еще сильнее обезличило. Как мог человек, даже генетически усовершенствованный в далеком мире, выжить после таких повреждений? Как они могут стоять перед своими сородичами и казаться столь разными?

— Привет, реклюзиарх, — произнес Андрей. Он нес разряженный лазган на плече. Видимо, думал, что это помогает ему выглядеть небрежным и привычным ко всему, и был прав. Но крайней мере, докеры видели его именно таким.

Голос Гримальда не был рыком или

грохотом — он оказался невучим, низким и
мрачным. Было очень легко представить
этого воина на борту громадного
готического боевого корабля читавшим
проповеди братьям в бескрайнем холоде
путешествий в пустоте.

— Черные Храмовники благодарят
тебя, штурмовик. И вас, рабочие
Хельсрича.

— Мы поспели вовремя, я думаю, —
добавил Андрей, небрежно кивнув и
продолжая улыбаться, показывая, что его
ничуть не беспокоит разговор с
израненными воинами, которые высились в
окружении груды трупов ксеносов. — Я
больше не слышу приказов. Зато я вижу
вас, благородные сэры, и думаю: возможно,
вы их мне и отгадаете?

Последовала пауза, впрочем не
безмолвная. Город никогда не был тихим,
всегда присутствовал галекый хор
выстрелов и грохот взрывов.

— Все отряды отозваны к убежищам.
Гвардия, ополчение, Астартес. Все.

— Даже без приказов капитана мы
шли этой дорогой. Но, сэр, есть кое-что

еще.

--- Говори. --- Теперь Гримальд смотрел в сторону, серебряная маска на его лице обратилась к горовишнему торговому кварталу, расположенному через несколько улиц.

--- Один из ваших рыцарей пал в порту. Мы спрятали тело от этих шакалов. Гравировка на броне говорит, что его звали Анаст.

Астартес в белом шлеме заговорил, и голос его звучал как у человека, говорившего с полным ртом каши:

--- Анаст погиб... когда мы высадились... прошлой ночью. Жизненные показатели быстро погасли. Смерть, достойная воина.

Гримальд кивнул, его внимание вновь обратилось на людей.

--- Как твое имя? --- спросил реклюзиарх штурмовика.

--- Андрей, Семьсот третья штурмовая дивизия Стального легиона, сэр.

--- А твое? --- спросил он у следующего в ряду, и спрашивал так каждого, пока не

дошел до последнего, которого уже знал. ---
Томаз Магерн, --- наконец устехнулся
рыцарь. --- Раг видетъ тебя в бою.
Подобная храбрость --- удел избранных.

У Магерна мурашки поползли по
коже, но не от неприязни, а лишь от
неловкости. Что можно на такое
ответить? Сказать, что это большая
честь? Признаться, что у него болит
каждая мышца в теле и он жалеет, что
решился на это безумие?

--- Благодарю вас, реклюзиарх, ---
сказал он.

--- Я заполню ваши имена и деяния.
Всех вас. Хельсрич может сгореть, но эта
война не проиграна. Каждое из имен будет
высечено на колоннах из черного камня в
Зале Доблести на борту «Вечного
крестоносца».

Андрей кивнул:

--- Это большая честь для меня,
реклюзиарх, и для этих замечательных
джентльменов. Но если вы сообщите об
этом моему капитану, я был бы еще
счастливее.

Резкий звук, донесшийся из вокса

реклюзиарха, был чел-то средним между кашлем и рыком. Магерну понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что рыцарь стаялся.

--- Будет сделано, Андрей. Даю слово.

--- Надеюсь, что это также впечатлит дам, на которой я намереваюсь жениться.

Гримальд не знал, что на это ответить. Поэтому вытолкнул только:

--- Да. Хорошо.

--- Какой оптимизм, да? Конечно, я должен сначала с ней познакомиться. Куда мы теперь идем, сэр?

--- На запад. К убежищам в Сүльфакотерциа. Унопланетные псы настывают на нас. --- Реклюзиарх указал направление массивным молотом, чье силовое поле сейчас было отключено.

Вдали между складами и мануфакториями полыхали купола.

--- Посмотрите, они уже горят.

Приам не смотрел туда, куда глядели все остальные. Его внимание было приковано к затянутым дымом небесам.

--- Что это? --- указал он на несущийся

вниз шар платени. --- Быть этого не может.

--- Может, --- неверяще отозвался Гримальд, не в силах оторвать глаз от зрелища.

--- Ого! --- обрадовался Андрей, когда появились еще несколько таких же объектов, падавших, словно сияющие кометы.

--- Что это такое? --- спросил Магерн, радостью штурмовика и благоговением рыцарей застигнутый врасплох.

--- Десантные капсулы, --- ответил реклюзиарх. Его серебряная маска стала янтарной из-за отсвета горевших в близости танков. --- Десантные капсулы Астартес.

ГЛАВА XVJJ

В пламени битвы, на
наковальне войны

Район Сүльфа Комерциа был
бастьоном ополчения и опорным пунктом
НВО, защищавшей порт.

Немногочисленные тўрели --- как
уконплектованные людьми, так и
автоматические, --- которые еще
оставались на крышах зданий, столкли.
Квартал пылал. Натиск орочьих
истребителей и бомбардировщиков больше
никто не сдерживал, и ксеносы обрушили
сюда свои смертоносные гўзы.

Сүльфа Комерциа слўжил торговым
центром порта и в мирное время был
плотно заселен; тут построили и больше
всего наземных убежищ от непогоды,
немалая часть которых уже была
разрушена зеленокожими. Враги
беспрерывно наступали на этот район
порта, но вовсе не из-за сопротивления
илперских войск, а из-за того, что здесь

было кому выпустить кровь и было что разрушать. Оставить этот квартал означало оставить в нем зеленокожих, с восторгом в диких глазах предающихся беспощадной резне.

Описывая события осады через несколько лет после войны, майор Лак из 61-го Стального легиона сокрушался о «невероятном количестве жертв среди гражданских» в порту и охарактеризовал разрушение Сүльфа Комерциа как «самое кровавое событие в осаде Хельсрича, которое ни человек, ни танковый батальон, ни легион титанов не могли предотвратить».

В коммерческом центре мало что напоминало бывшее великолепие. Особняки богатых торговых семей сгорели, как и склады, а те несчастные, что решили остаться в своих домах, а не отправились на поиск подземных муниципальных бункеров, разделили судьбу тех горожан, кто оказался в ловушке в разрушенных противопогодных убежищах. Ксеносы атаковали без пощады, и никакие отряды личной стражи, вне зависимости от

уровня подготовки, были не способны защитить имена своих господ от зеленокожих.

Больше всего ксеносов при обороне поместья уничтожила личная охрана Дома Фарвеллов. Это подразделение в течение семи поколений служило богатейшей семье Хельсрича. Однако история об их продолжительном сопротивлении немногим пришлась бы по душе: семейство Фарвеллов простые люди считали декадентствующими свиньями, а его многочисленные представители не были чужды политических скандалов, финансовых афер и мошенничества в торговле. Короче говоря, они мастерски сопротивлялись во время боев в порту лишь благодаря тому, что умелыми тактиками проложили себе путь к огромному богатству и держали в полной боевой готовности армию из шестисот солдат.

В имперских отчетах было отмечено, что Фарвеллы отказались предоставить своих людей для обороны порта или в распоряжение городского

полчения.

Но эти же значительные силы обернулись и бедой. Как только по рядам порков прошел слух, что в обороне порта имеется опорный пункт и он располагается в поместье Фарвеллов, ксеносы всей оргой обрушились на него, сломили упорное сопротивление, а заодно и пресекли род Фарвеллов.

Самой выдающейся оборонной операцией официально провозгласили другую — совсем не похожую на этот акт обреченного эгоизма. Дом Гелиуса Тарацина защищали всего пятеро наемников — выходцы с другого мира, они обороняли скромный особняк партизанскими действиями и автоматическими ловушками в течение девятнадцати часов. И пусть захватчикам удалось разрушить поместье, после окончания боев в порту обнаружили семерых выживших представителей семьи. Их позиции сильно укрепились с началом восстановления города. Четыре дочери Гелиуса Тарацина внезапно стали завидными невестами.

Уничтожение убежища СС/46, одного из немногих укрытий, все еще не тронутых на второй день войны, было превращено в самый последний момент.

Подобно удару молнии первая десантная капсула врезалась в шоссе прямо перед центральным входом в купол. Толпу бегущих на улице орков охватило паническое столбняк, несколько тварей было сожжено пламенем тормозных двигателей и раздавлено под тяжестью летательного аппарата.

Края капсулы, взрываясь, разошлись, ударили о поверхность ramp и раздавили тех из зеленокожих, которые успели опомниться и начали долбить топором зеленый корпус.

На территории порта приземлилось еще несколько капсул, учинив такие же разрушения.

Последовательно уничтожая все вокруг болтерами и шипящим, словно из пасти дракона, химическим пламенем огнеметов, Саламандры присоединились к своим братьям Храмовникам в защите

улья Хельсрич.

--- Нас семьдесят, --- сообщает он мне. ---
Семь отделений.

Его имя В'рэт, он сержант 6-й роты
Саламандр. Прежде чем я успеваю
заговорить, он произносит одновременно
тихо и почтительно:

--- Сражаться рядом с вами --- честь
для меня, реклюзиарх Гримальд.

Признание заставляет меня опешить,
и я не уверен, что смог скрыть удивление в
голосе.

--- Храмовники в долгу перед вами. Но
скажи мне, брат, зачем вы пришли сюда?

Неподалеку от нас мои рыцари и
воины В'рэта ходят и добивают раненых
орков ударами меча. Штурмовик и его
докеры делают то же самое, используя
штыки лазганов.

В'рэт раскрепляет печати и
снимает шлем. Даже тем, кто служил
прежде рядом с Саламандрами, непросто
бесстрастно смотреть на лицо одного из
сыновей Ноктюрна. Геносетя их примарха
реагирует на крайне радиоактивную

поверхность их мира. Пигментация кожи
В'рэта такая же угольно-черная, как и у
всех воинов ордена, которых я видел без
шлема. Глаза лишены зрачков и радужки.
В'рэт смотрит на мир янтарно-алыми
очасти, словно кровь заполнила глазницы.

Его настоящий голос низкий, звуковое
воплощение расплавленного камня,
превратившего поверхность его мира в
темную, бесплодную и серую пустыню.
Очень легко представить себе, что эти
воины пришли из мира, где текут реки из
лавы и вулканы своим извержением
заставляют чернеть небо.

— Мы последние из Салатангр на
орбите. Повелитель Рожденных в Огне
призвал нас, и мы повиновались.

Мне знаком этот титул. Я много
раз слышал, как им именовали магистров
их ордена.

— Магистр Ту'Шан, да
покровительствует ему Император и
впредь, сражается далеко отсюда, брат.
Салатангры проливают кровь врагов на
много лиг восточнее, у реки Болиголов,
почерневшей от инопланетной мерзости.

В'рэт склонил голову в молчаливом согласии, и его огненный взгляд, поднявшись, обращается к куполу убежища в самом конце улицы.

--- Это так, и я рад, что мои братья сражаются достаточно хорошо, чтобы заслужить похвалу из твоих уст, реклюзиарх. Повелитель Рожденных в Огне сражается рядом с военными машинами Легио Узнатум и Инвизилаты.

--- Тогда ответь на мой вопрос, ибо время нам не союзник. Хельсрич пылает. Ты останешься? Ты будешь сражаться вместе с нами?

--- Мы не останемся надолго.

Я подавляю гнев разочарования, и Саламангра продолжает:

--- Нас семьдесят воинов, избранных для того, чтобы высадиться на планету здесь и остаться с вами, чтобы удерживать порт. Мой повелитель услышал о вопиющем истреблении мирных жителей в захваченных прибрежных районах улья.

--- Мало сообщений достигает наших союзников на планете. От них мы получаем также немного.

--- Саламандры увидели твое тяжелое положение, благородный реклюзиарх. Магистр Ту'Шан услышал. Мы его клинок и его воля, мы обеспечим выживание большинства невинных душ улья.

--- И затем уйдете.

--- И затем мы уйдем. Наша битва --- на берегах Болиголова. Наша слава там.

Одного этого достаточно, чтобы заработать мою вечную благодарность. Впервые за десятки лет от обуревающих меня чувств я не могу подобрать слов. Это все, что нам нужно. Это спасение.

Теперь мы стоим поквитаться с ними!

Я снимаю шлем, вдыхая серный воздух. Хельсрича впервые за... недели? Месяцы?

В'рэт глубоко вдыхает, делая то же самое.

--- Этот город, --- он улыбается, и зубы белым желчугом контрастируют с ониксовой кожей, --- пахнет как дом.

Горячий ветер приятно овеивает мою кожу. Я потягиваю В'рэту руку, и он сжимает мое запястье --- знак союза между воинами.

--- Благодарю тебя, --- говорю я, встречаясь со взглядом его нечеловеческих глаз.

--- Если вы нужны где-то еще, --- В'рэт смотрит мне в глаза, --- тогда исполните свой долг, благородный реклюзиарх. Мы будем стоять рядом. И вместе не позволим порту пасть.

--- Сначала расскажи мне о войне на орбите. Есть новости о «Крестоносце»?

--- Ситуация по-прежнему патовая. Печально произносить, но это так. Мы изнуряем врага битва за битвой, но это все равно что стрелять по скале. Немного можно добиться против такого подавляющего превосходства в силах. Пройдут еще недели, прежде чем ваш Верховный маршал сможет рискнуть начать полноценный штурм, чтобы освободить небеса. Он прозорливый воин. Мои братья и я имели честь служить с ним вместе.

Слушая сержанта, я обретаю надежду. И связь с тем, что находится за разрушенными стенами этого проклятого города. Но я жду от него большего.

— А что с ульем Темнест? Они
страдали так же, как мы.

— Нал. Занят врагом, а защитники
отступили. В последнем сообщении
говорилось, что город оставлен и
выжившие отправились на встречу с
полками Гвардии, которые сражаются
рядом с моим повелителем.

Потрепанные защитники и отряды
гвардейцев, пересекающие сотни
километров пустошей. Подобное упорство
достойно восхищения.

Этот мир никогда не оправится. Это
ясно уже сейчас. Может, фатализм и не
впитался в мои кости, но в том, чтобы
жить во лжи, нет героизма. То, что мы
делаем здесь, — это всего лишь попытка
продать свои жизни как можно дороже. Мы
сражаемся не потому, что можем
победить, а только из ненависти.

У этого Саламандры есть своя судьба
за пределами Хельсрича. Я понимаю это.

— Скоординируйте движение
отделений с сержантом Бастиланом.
Сфокусируйте внимание на самых
западных районах, там скопление убежищ.

Вастилан обеспечит вас необходимыми
вокс-частотами, чтобы соединиться со
штурмовиками, командующими защитой
гражданских. Не ожидайте постоянной
связи. Многие из вокс-башен города
разрушены.

--- Будет сделано, реклюзиарх.

--- За Императора. --- Я отпускаю
запаястье В'рэта.

Его ответ необычен и передает
своеобразие его оргена.

--- За Императора, --- отвечает он. ---
И за Его народ.

Юризиан, мастер кузни и рыцарь
Императора, запрокинул голову и
расхохотался. Он не стеснялся уже много
лет, ибо не был наделен чувством юмора.
Но увиденное сейчас повергло его в
невероятное веселье. Так что он стеснялся,
забыв обо всем.

Звук эхом пронесся по громадному
залу, резонируя от окованных металлом
каменных стен и громадной фигуры из
адамантия, которая уходила метров на
пятьдесят в темноту.

Ординатус Армагеддон. «Оберон».

Единственные звуки здесь издавала броня Юризиана: пластины из керамики защелкали и зажужжали, когда рыцарь двинулся в обход громадного орудия. Он обошел его несколько раз, внимательно рассматривая, изучая каждую деталь — как собственными глазами, так и через аудиоспик брони.

Это, бесспорно, было самое прекрасное творение, которое он когда-либо видел аудиентическими глазами.

В плане эстетики оно, возможно, и не вызывало к поэту или художнику. Но не в этом дело. Это был триумф проектирования и воплощения, славный успех в задаче человечества создать величайшее оружие для уничтожения врага.

Грандиозная конструкция состояла из мощного, из трех секций, основания, которое держало на подставках и распорках оружейную платформу. Само орудие располагалось на ней. Юризиан раздумывал над каждой из частей безмолвной и отключенной военной

машинны.

Шириной «Оберон» был как два поставленных рядом массивных танка «Лендрейдер». В длину он был около пятидесяти метров, что придавало оружию сходство с глинным и сегментированным большегрузным транспортом. Можно было сравнить его и с лежащим на спине титаном.

Основание боевой машины разделялось на три секции — кабина управления с приводным модулем и дополнительно бронированной рубкой, грудная секция, державшая вес массивных металлических колонн, и, наконец, брюшной отсек, несший тот же вес, что и предыдущая секция. По бокам каждого из этих тяжелых модулей, под защитой еще более толстой брони, располагались энергетические установки. Юризиан знал, что это были антигравитационные суспензорные генераторы. О подобных антигравитационных технологиях в Империи уже позабыли, исключение составляли развернутые военные машины такого калибра.

Без этих генераторов, которые были

самым ценным на планете, «Оберон» представлял собой просто гругу металла.

Подпорки и колонны поддерживали колоссальную оружейную платформу, лафет, на десятках квадратных метров которого размещались энергетические двигатели, фузионные катеры и генераторы магнитного поля. Впечатление было такое, что на колоннах установили промышленную мануфакторию.

Эти генераторы, если их активировать, питали оружие транспорта: громадную пушку, покрытую керамитом и присоединенную к силовым генераторам. Охлаждающие отверстия покрывали всю поверхность орудия, словно чешуйки рептилии. От пушки змеились вторичные силовые кабели, а поддерживали ее промышленными клешнями.

Пушка «Нова». Оружие, которое используют груг против груга космические корабли в необъятной пустоте. Вот оно — установленное на бесценную и сверхбронированную

технологию из забытых эпох.

--- Убийца титанов, --- прошен-тал
мастер кузни.

Юризиан благоговейно провел
пальцами по металлической коже секции
привода, чувствуя броню, мощные
закленки... все, до малейших различий в
толщине слоев адамантия: мельчайшие
перемены и несовершенства, появившиеся
за прошедшие сотни лет.

Он отвел руку и именно тогда
растекся.

«Оберон», погибель титанов. Он был
здесь.

И он принаглежал ему, Юризиану.

Он забрался в передний командный
модуль по лестнице, ведущей к люку,
который пришлось открывать вручную.
Оказавшись внутри обесточенной кабины,
Юризиан оглядел лебедки, рычаги и
пустые черные экраны над двигателем
консолью. Все это было новым, чужим для
него, но Юризиан решил, что его
интуиции и подготовки Механикус вполне
хватит. Еще один люк перекрывал путь во
второй модуль. Его тоже пришлось

открывать вращную, поворотом
металлического колеса.

Сопротивлявшийся тугой шлюз с
визгом открылся. Юризиан взгляделся в
черноту впереди, используя фильтры
визора. Помещение оказалось заткнутым и
очень тесным, несмотря на то что там не
было ничего, помимо прикрепленных к
стенам бронированных капсул, в которых и
помещались антигравитационные
генераторы. Далее лестница вела наверх,
в главный генераториум. Юризиан
поднялся через поддерживающие порталы,
открыв по дороге еще два люка.

Внутренности генераториума
оказались довольно знакомыми: Юризиан
стоял в сердце оружейной системы
костического корабля. Она обладала
меньшей мощностью и дальностью, но
зато большей маневренностью и более
легкой управляемостью. В конце концов,
чтобы поразить цель, снарядам из
священной пушки не нужно было лететь
через тысячи километров открытого
пространства.

Грубо говоря, из пушки «Нова» сделали

обрез. Понимание вызвало улыбку на
отрачных губах Юризиана.

Понадобилось еще три часа
обследований, проверок систем питания,
генераторов, чтобы выяснить, можно ли
активировать Ординатус Армагеддон.

Конечный результат исследования
был горек.

Это оружие войны должен был
обслуживать экипаж из десятков
скитариев, магосов и техножрецов,
которые были созданы и обучены именно
для этой цели. Ординатус должен был
быть благословлен Повелителем
Центурио Ординатус, а по всей глине
корпуса должны были почтительно
прочитать девяносто три молитвы
пробуждения.

Вместо того чтобы просыпаться от
всплесков и толчков, подхваченных душой
военной машины, душа «Оберона»
пробуждалась в тишине и во тьме. Его
неясное, измененное сознание не почувство
униженных, взывавших к нему душ
Центурио Ординатус. Только одну душу в
союзе со своей собственной.

Эта душа оказалась сильной, непреклонной и господствующей.

Она идентифицировала себя как Юризиан.

В модуле управления мозг, позвоночник и нательная броня Храмовника с помощью телеметрических кабелей соединились с разъемами интерфейсов в троне принцеса, магистр кузни закрыл глаза. Вокруг него возвращались к жизни системы. Сканеры издавали мелодичные звуки, когда вновь начали видеть. Огни над головой вспыхнули и затерцали в энергосберегающем режиме.

Под аккомпанемент грохота пробуждавшихся силовых генераторов все три модуля вздрогнули в унисон раз, два и затем сильно сотряслись.

В двигательной секции Юризиана подбросило метров на пять.

Затем секции обрели устойчивость, покачиваясь на пульсирующих антигравитационных полях, деформирующих поверхность под собой. Что-то походил на переливающееся

тепловое излучение.

--- Первая фаза активации, ---
раздался из вокс-станций по всему
командному модулю машинный голос.

В механическом тоне сквозила
горячая и все возрастающая ненависть.
Юризиан склонил голову в знак уважения,
но не прекратил работать.

--- Братья зовут меня в Хельсрич, ---
сказал он в холодный контрольный модуль,
не ожидая ответа и не получив его. --- У
хотя это может ничего не значить, я
знаю, что война взывает к тебе.

Через соединения интерфейса дух
«Оберона» заревел звуком нечеловеческим и
непереводимым.

Юризиан кивнул:

--- Я тоже так думаю.

Асаван Тортеллий замер над
пергаментом.

Он не мог придумать, в каких
эпитетах описать, насколько он замерз.

Игнорировать разрушение собора было
еще труднее. Он стал таким больше
тридцати дней назад, когда инопланетные

захватчики поставили богонгодобную
машину на колени. Статуи лежали, словно
труны, разбитые, лицом вниз, конечности
отломаны и валяются в отдалении. Стены
украшены выбоинами от выстрелов и
паутиной уродливых трещин. Витражные
окна — единственные защитники Асавана
от разгражающего Щита наверху —
зияют пустыми дырами в почерневших
стенах. Смотреть на них так же
неприятно, как на беззубую улыбку святого.

День за днем Асаван сидел в
одиночестве в созерцательной тишине
собора и сочинял, как он считал сам,
поэму, описывающую грядущую победу в
улье Хельсрич. Он уничтожил больше
половины написанного, морщась, когда
перечитывал свое творение.

Конечно, здесь прочитать
произведение больше было некому.

Собор стоял почти пустым с тех пор,
как подвергся осаде. Храмовники пришли
«в чистоте, защищая нас, с верой,
несгибаемые», написал Асаван (прежде чем
навсегда уничтожить эти корявые
строки), но они прибыли слишком поздно.

чтобы уберечь от ран полые кости
монастыря «Герольда Шморта». С тех пор
прошли недели. Недели, за которые ничего
не заменили и не восстановили.

Асаван был одним из немногих, кто
еще оставался в соборе. Его собратья
состояли главным образом из сервиторов.
Прикрепленные проводами к пушкам на
стенах, порабощенные, они управляли
прицеливанием и перезарядкой систем на
стенах. Он часто видел этих несчастных,
потому что его обязанностью было
поддерживать в них жизнь. Подвергшиеся
лоботомии и аугментированию, эти
когда-то люди теперь были всего лишь
автоматами без конечностей, с
раскрытыми ртами, помещенными в
поддерживающие жизнь люльки рядом с
пушками. Сами они никак не могли
поддерживать собственное существование.
Во время осады от повреждений часть из
них лишилась кабелей, по которым
подавалось питание и забирались отходы,
и даже спустя все эти недели оставшиеся
в живых тагосы из главного тела
«Герольда Шморта» еще не добрались сюда.

из-за крайне глинного списка починок. На первом месте стояли ключевые системы, а выживших агентов Механикус осталось слишком мало. Битва внизу была чересчур жестокой.

Так что пришлось Асавану, как одному из немногих выживших в соборе, кормить этих безмозглых существ с ложки мягкой, богатой протеинами пастой, чтобы не дать им умереть, и раз в неделю промывать фильтры для отхогов.

Он делал это не потому, что так приказали, и не потому, что его сильно волновало продолжение функционирования горстки уцелевших орудий на стенах монастыря. Он делал это потому, что ему было скучно, и потому, что он был одинок. Пошла вторая неделя, как он начал беседовать с безответными сервиторами. К четвертой он дал им имена и придумал прошлое.

Сначала Асаван пробовал отдавать приказы одному из семи стандартных сервиторов, которые патрулировали собор, чтобы тот исполнял поручения аколита,

но эти модели были малопригодны к перепрограммированию. В них заложили односложные задачи — ходить с метлой из комнаты в комнату и подметать пыль под ногами молящихся.

Правда, молящихся больше не было. А у сервиторов больше не было метел. Асаван знал одного из сервиторов до augmentation — это был туповатый аколит, который заслужил свою судьбу кражей денег у тирян. Наказанием стало превращение в бионического раба, и тогда Асаван не пролил по вору ни слезинки. Но ему не доставляло радости видеть, как примитивное существо слонялось, громя обломком метлы по полу, даже отдаленно не подступая к тому, чтобы навести порядок в этом хаосе. Он был неспособен отдохнуть, пока долг не будет выполнен. Сервитор не подчинялся приказу прекратить работу, и Асаван подозревал, что жалкие остатки разума в его голове каким-то образом повредились во время битвы. Быть может, все дело в незаметной травме головы.

На шестой неделе сервитор рухнул

между скальями, его человеческие части больше не могли функционировать. Асаван сделал с ним то же, что с остальными убитыми. Выбросил тело за борт. Нагубное любопытство (то самое, о котором он потом всегда жалел) заставляло его смотреть, как тела падают с высоты пятидесяти метров и разбиваются о землю внизу. В таком зрелище он не находил ничего ни ужасного, ни привлекательного, но никогда не мог отвести глаз. В конце концов Асаван признался себе, что зрелище это напугивало его самому о том, что он все еще жив. Но что бы ни было причиной, оно также питало его ночные кошмары. Интересно, как солдаты привыкают к подобным вещам и почему они вообще хотят это делать.

Главной его заботой за прошедшую неделю стал холод.

Титан вступил в длительное сражение. Повреждения, полученные несколько недель назад в засаде, полностью устранили, но их уравновесили и даже увеличили новые раны. Командный экипаж

питана («Да снизойдет на них благословение, ибо они ведут нас к триумфу», — привычно шептал Асаван) отнимал все больше и больше мощностей от вторичных систем гиганта.

Малочисленная команда техноагентов не ремонтировала незначительные механизмы, а рассеялась по огромной конструкции и трудилась над жизненно важными системами. Некоторые системы вообще остались без питания, когда отсоединили кабели, и их топливо сливалось в ячейки с плазмой, питавшей Щит и главные орудия.

Неделю назад отопительные системы собора перестали функционировать. Со свойственной Механикус эффективностью на случай такого развития событий существовали вторичная и третичная запасные опции. К несчастью для Асавана и еще нескольких выживших послушников, обе запасные системы оказались бесполезными. Вторичная резервная система была небольшим генератором, который не требовал ухода и питался от резервного источника питания.

Разрушение этого генератора уничтожило и план включения третьего варианта, который заключался в том, что четыре однозадачных сервитора, негодившихся больше ни для чего, были бы активированы и установлены так, чтобы в ручную крутить насосы генератора. Даже если бы генератор функционировал, все четыре сервитора оказались убиты в битве пять недель назад.

Асаван храбро попробовал повернуть одну из рукояток самостоятельно, но сил у него было куда меньше, чем у сервитора, и все, чего аколит достиг, — это боль в спине. Рычаг не сдвинулся и на сантиметр.

Так что теперь он сидел на упавшей колонне, пытаясь сочинить что-нибудь, чтобы описать, как он промерз — прямо до костей — и как было жутко холодно все последние шесть дней.

Одним из органов «Герольда Шторма» был генератор-сердце с радиоактивной раскаленной плазмой. Вот ведь парадокс: несколькими палубами ниже герметично запечатан жар самого

настоящего солнца, в то время как Асаван
тут замерзает до смерти.

Он мог бы записать это и затем
уничтожить от стыда, что постел
жаловаться в то время, когда каждую
секунду столь много невинных умирает в
горящем городе.

Именно в этот момент Асаван
Тортеллий решил, что сам изменит свою
судьбу. Он не замерзнет до смерти на
спине титана, в покинутом монастыре. У
не будет стеной о холоде, пока внизу
тысячами умирают достойные и верные
Императору люди.

Собратья-аколиты никогда не
признавали его большим умником, но
самому Асавану нравилось думать, что он
всегда выбирает правильные решения. У
теперь он его выбрал.

Да. Пришло время сделать что-то
значимое для жителей Хельсрича.

Пришло время покинуть титан.

ГЛАВА XVJJJ

Консолидация

Еще три ночи прошли так же, как дни. Порт был потерян на рассвете шестого дня после прибытия подлодок.

Саррен собрал командиров вокруг пострадавшего в битве «Серого воина». Даже в предрассветной мгле было видно, что большинство полковников Гвардии еле стоят на ногах, полумертвые от усталости. Некоторые явно принимали боевые наркотики, чтобы остаться в строю, — признаками служили судороги и дрожь. Перегруженные умы и мускулы не могли работать так долго даже со стимуляторами.

Саррен не мог осуждать их за это. Когда нужно, люди делали все, чтобы оставаться в строю.

— Мы потеряли порт, — сообщил он, и голос выдал, насколько усталым и разбитым он себя чувствовал.

Ни для кого из собравшихся это не было новостью. Пока полковник говорил

это, поблизости прозрела «Химера»,
остановившись в тени «Серого воина». С
лязгом опустилась ратна, и двое людей
выбрались наружу. Первой была Кирия
Тиро. Второй человек был одет в серую
летнюю форму.

— Я нашла его, — сообщила женщина,
ведя пилота к собравшимся.

— Капитан Гелий докладывает, —
приветствовал пилот Саррена. —
Подполковник Джензен погибла две ночи
назад, сэр.

Итак, вот и Джензен после
Барасама. Повезло, что еще остался хоть
кто-то из пилотов.

— Рад познакомиться, капитан.

— Как скажете, сэр.

Саррен кивнул, возвращая
приветствие в виде аквилы. Раненая рука
все еще болела, словно ее сунули в огонь.
Утренний бриз, холодный и непрошеный,
гул по магистрали Хель. Громадина
«Гибельного клинка» частично закрывала
от ветра, но не настолько, как хотелось
бы Саррену. О Трон, как он устал от этой
боли.

--- Оставшиеся силы?

--- Три полевых аэродромов. Хотя, похоже, тот, что на Гамла-роуд, сегодня падет; улица в осаде уже много дней. По последним подсчетам, у нас осталось двадцать шесть «Молний». Только семь «Грозов». Гамла-роуд уже эвакуирован, истребители приземляются на проспекте Ванца-Чи.

Саррен что-то проворчал. Он все еще сожалел о гибели Барасата и большей части воздушных сил.

--- Планы?

--- Продолжает выполнять приказы Джензен. Обеспечиваем воздушную поддержку титанов и бронетанковых батальонов. Враг до сих пор не проявил способности к наступательным операциям в воздухе. Разумно предположить, что им просто нечем атаковать.

--- Это намек, капитан?

Гелий вновь отсалютовал:

--- Никак нет, сэр.

Саррен устало улыбнулся снисходительной улыбкой.

--- Даже если и так, то ты прощен.

Барасат был прав, и он дорого отдал свою жизнь, обеспечив нам преимущество в воздухе. С самого начала осады твари ничего не выставили, кроме кучки скрапистребителей, и я уже пометил в дневнике кампании, как и в личном файле Барасата, что он сделал правильный выбор.

--- Да, сэр.

--- Мне жаль слышать такое о Джензен. Нам бюджет чертовски ее не доставать. Такая надежная, цельная, спокойная.

Она действительно была такой. Подполковник Кэрилин Джензен, плохо это или хорошо, полностью соответствовала требованиям устава: надежная и преданная, пусть и не слишком хорошо воодушевляющая подчиненных. Под ее командованием авиация улья больше месяца успешно поддерживала защитников. Сама Старейшая Инвигилаты ответила за заслуги Джензен.

--- Сэр... --- начал Гелий.

«Нү начинается», --- подумал Саррен.

--- Я надеялся обсудить возможность

более агрессивной тактики.

«Да. Ну конечно, ты надеялся это обсудить».

--- В более подходящее время. А сейчас по поводу порта.

Саррен кивнул остальным офицерам. Кирия Тиро и капитан Гелий присоединились к ним. Майор Райкин нахмурился при виде пилота, и Саррен с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза. Клянусь Троном, Райкин. Едва ли сейчас время для детской ревности.

--- Мы не потеряли порт, --- возразил один из Салатандр, его звучный голос из вокса звучал спокойно и грозно.

Полковник Саррен до этого утра не встречался с сержантом В'рэтом. Из сообщений по вокс-связи он знал, что облаченные в зеленую броню воины высадились рядом с уцелевшими убежищами для гражданских и благодаря их доблести было спасено множество жизней.

Но похоже, взгляды на тактику у Салатандры сильно отличались от взглядов полковника.

— Я не уверен, что понимаю вас, сэр, —
протолвил Саррен.

Помятая и поцарапанная броня
В'рэта казалась чистой в сравнении с
доспехами стоявшего рядом реклюзиарха.
Златоокий шлем взирал сверху вниз на
офицеров-людей.

— Я просто говорю, полковник, что
мы не потеряли порт. Враз разбит.
Вторжение со стороны моря остановлено,
и город еще стоит. Захватчики лежат
мертвые на территории порта.

Это было и правдой и неправдой, с
точки зрения Саррена. Вот почему
полковник созвал это совещание.

— Позвольте мне внести изменения в
оценку. Порт потерян. Как
индустриальная часть коллективного
производства Армагеддона Хельсрич
больше не существует. Мы получаем
доклады о том, что ущерб
нефтеперерабатывающей
инфраструктуре составляет девяносто
один процент, учитывая потерю
прибрежных нефтяных платформ.

Солдаты обменялись взглядами.

Значительную часть десятины Империи
брал с Армагеддона материальной частью
и военной техникой. Если остальные
города-ульи пострадали так же, как
Хельсрич, то уровень Эксактис Экстремис
значительно снизится. Точно до Солюции
Терциус и, возможно, даже до Антус Нон.
Если Армагеддон не сможет ничего
давать, то и получит мало. Империи
отвернется от него. Без поддержки и
финансов для послевоенного
восстановления мир может никогда не
оправиться.

— Однако все не так плохо. Как
пояснил благородный сержант В'рэт,
благодаря стойкости докеров, наших
штурмовиков и союзников Астартес враг
отброшен.

Он решил не добавлять, что сделано
это было безумной ценой. Десятки тысяч
погибших за четыре дня. Промышленность
города превратилась в живописные руины.

— Мы получили сообщение от
Старейшины Инвизилаты, — продолжил
полковник. Произнести следующее
сообщение было крайне тяжело. —

Достопочтимый Легио Инвигилата
получил прошение покинуть город.

--- Она останется. --- Тон реклюзиарха
даже через вокс шлема был ледяным. --- Она
поклалась сражаться.

--- Как я понимаю, наступление
имперских войск на реке Болиголов
замедлилось. Местные поселения,
охраняемые Салатанграми и Кагуанскими
ударными войсками, теперь стали важнее
Хельсрича. --- Саррен позволил
присутствовавшим несколько мгновений
подумать над словами. --- Это сообщение
от самого Старика. Пришло по вокс-связи
час назад.

--- Мне наплевать. Нам поручили
защищать Хельсрич! --- прорычал
Гримальд.

--- Да, это наша задача. Но принцес
Зархе поручили развернуться в том
месте, где она сочтет нужным. Большая
часть Легио Инвигилаты распределена
вдоль реки Болиголов и в пустошах
вместе с подразделениями Легио Узнатум
и Металлики.

--- Она не уйдет, --- фыркнул

Гримальд. — Она будет здесь до конца.

Саррен почувствовал, как в нем поднимается гнев из-за того, как безапелляционно реклюзиарх отмахнулся от его опасений. В любой другой день он бы контролировал эмоции лучше. Но сейчас полковник вздохнул и закрыл словно посыпанные песком глаза.

— Реклюзиарх, прошу вас, довольно. «Герольд Шторма» атакует батальон развалюх-титанов в семи километрах далее по магистрали Хель на Росторикском сталеплавильном заводе. Принцесса еще не сообщила о своем решении.

Гримальд скрестил руки поверх изорванной геральдики на табарге.

— Победа или поражение в улье Тартар и на берегах Болиголова состоятся без нас. Война забрала у города все, что возможно, и мы опустились до уровня пустынных шакалов, которые грызутся на останках Хельсрича. Единственный вопрос, имеющий для нас значение, — что мы еще можем спасти?

Райкин снял респиратор и глубоко

вздохнул:

--- Возможно, пора задуматься о последнем рубеже защиты.

Саррен кивнул:

--- Вот почему мы и здесь. Мы находимся в центре погибающего города, и настало время определиться, где будет последняя линия обороны. Что с оружием, реклюзиарх?

--- Пустая надежда. Магистр кузниц один. Без поддержки Механикус Юризиан смог только запустить основные системы «Оберона». Он не может в одиночку заменить целый экипаж. Уже четыре ночи, как Ординатус способен двигаться, и магистр кузниц может стрелять из пушки каждые двадцать две минуты. Но это все. Одному пилоту не по силам защитить «Оберон». В бою машина бесполезна.

Полковник вновь почувствовал, как в нем закипел гнев.

--- Вы ждали четыре дня, прежде чем сказать мне это? Что Ординатус вновь активирован?

--- Я не ждал. Той же ночью, как узнал о функционировании «Оберона», я отправил

закодированное сообщение по командной сети. Но, как я уже сказал, он почти бесполезен для нас.

--- Ваш магистр кузни доставит оружие в город?

--- Конечно.

--- Механикус были информированы, что мы оскверняем их оружие и тащим его в зону боевых действий, чтобы почти наверняка потерять в первом же столкновении с врагом?

--- Конечно нет. Человек, ты сошел с ума? Лучшее оружие -- то, что остается в тайне до нужного момента. Иначе Инвизилата станет действовать против нас или оставит город.

--- Вы не командуете этим городом. Вы передали эту честь мне. А я, получается, ждал эту информацию лишь затем, чтобы обнаружить, что она не дошла из-за сломанной связи?

Из серебряного черепа донесся окрашенный механическими звуками рык.

--- Я стоял в порту по колено в трупах ксеносов, Саррен, и мои братья жертвовали жизнью, чтобы люди твоей

родины увидели еще один восход солнца. Ты устал. Мне известно о слабостях человеческого тела, и я тебе сочувствую. Но не забывай, с кем ты говоришь.

Саррен проглотил недовольство. Все должно было быть по-другому, но с Астартес всегда получалось так. Успешны и полезны в одну секунду, высокомерны и холодны в другую, полны свирепой ненависти в той же мере, что и верности Империи.

Саррен почувствовал себя... незначительным. Это единственное слово, которое пришло на ум командующему. Велико различие между людьми, сражающимися за свои дома, и бывшими людьми, которые сражаются за непостижимые идеалы согласно Кодексу.

--- Ну... --- начал Саррен, зная, что ему не к кому обращаться с этими словами.

--- Я не обвиняю вас, что вокс-связь работает с перебоями. Это проблема всей городской обороны и бреля, которое мы должны вынести. Я не бросил бы порт, чтобы, как раболепный курьер, лично доставить тебе сообщение, и не доверил

бы это никому другому. Если Механикус прознают, то мы потеряем Инвизилату.

--- Никто из нас не питал особых надежд по поводу Ординатуса, --- встрял Райкин, пытаясь ослабить напряжение. --- Это был самый маловероятный из всех расчетов, как ни посмотри.

--- Вы пытались вновь переговорить с Механикус? --- спросила Кирия Тиро. Её тон высветил тот факт, что она все еще возлагала надежды на оружие, несмотря на то что только что сказал Райкин.

--- Конечно. --- Реклюзиарх жестом указал на запад по магистрали Хель, в том направлении, где невидимый отсюда «Герольд Шторма» сражался в районе сталеплавильных заводов. --- Зархас отказала, как отказала прежде. То, что мы сделали, --- святотатство.

--- Все еще нет сообщений от царственного Механикуса, --- добавил Саррен. --- Где бы ни был их первосвященник, он не отвечает на наши астронавтические просьбы.

Он сплунул на разбитую дорогу под ногами. На самом деле, кем бы ни был

этот Повелитель Центурио Ординатус, его прибытие в систему Армагеддон слишком запоздает, чтобы повлиять на оборону Хельсрича.

— По крайней мере, это оружие может быть использовано для защиты других городов, — вымученно устехнулся полковник. — Мы достигли предела. Однако я больше не намерен обсуждать план отступления. В городе еще остаются боеспособные войска. Давайте не будем концентрировать силы в одном месте, чтобы в последние дни своей жизни не становиться легкой добычей.

— Значит, все кончено, — протолвил один из капитанов.

— Нет, — ответил Гримальд. — Но мы должны держать противника запертым в городе столь долго, сколько сможем. Каждый день, что мы держимся, увеличивает шансы прибытия подкреплений из Пепельных Пустошей. Каждый день, что будем держаться, мы будем проливать кровь врага и держать его здесь, в Хельсриче, и он не сможет добавить свои топоры к тварям.

осаждающим другие города.

Райкин потер за воротником, успокаивая зудящую царапину.

--- Сэр, --- позвал он Саррена.

--- В чем дело, майор?

Райкин гримасой недоверия сказал все без слов. Отвечая, Саррен потер грязными пальцами глаза:

--- Я изучил гололитические проекции в начале осады порта. И смог, хвала Императору, сохранить связь по воксу с комиссаром Ярриком. Она длилась более десяти секунд и дала нечто более полезное, чем прослушивание помех. Мы следуем плану, который использовался в нескольких других городах-ульях. Стальной легион рассеется по городу, защищая убежища, которые еще остались нетронутыми.

--- А что по поводу магистрали?

--- Враг уже захватил большую ее часть, капитан Гелий. Пусть получает и остальное. С этого утра мы больше не боремся за сохранение города. Мы сражаемся, чтобы спасти каждую жизнь, что может быть спасена. Город мертв, но более половины его людей еще живы.

Капитан нахмурился, что немедленно преобразило его красивое лицо, придав отталкивающее выражение. Именно с таким видом ненадежных грузьям дают займы большую сумму денег.

— Ни один из полевых аэродромов даже близко не подходит к убежищам для населения. Простите, что указываю, полковник, но именно поэтому их и расположили там, где они сейчас. Чтобы спрятать.

— Вы отлично справились. И я уверен, что вы долгое время будете сдерживать зеленокожих. Точно так, как и все остальные.

— Аэродромы надо защищать!

— Нет. Вы хотите, чтобы вас защищали. Вы не хотите умирать. Никто из нас не хочет, капитан. Но Стальным легионом командую я, и Стальной легион сейчас двинется на защиту жителей города. Я не могу выделитъ нехоту для того, чтобы прикрывать безжалостную граву воздушных эскадрилий в небе. И честно

говоря, вас осталось слишком мало, чтобы
вас стоило защищать. Прячьтесь, когда
будет нужно, и сражайтесь, когда
стоите. Если Инвигилата останется с
нами, летите на поддержку титанов.
Если Зарха уйдет, то прикройте с воздуха
Сто двадцать первую бронетанковую
дивизию, которая дислоцируется в районе
Колав Резидентии и защищает входы в
подземные бункеры. Таковы наши приказы.

Капитан с явной неохотой
отсалютовал:

--- Понял, сэр.

--- Грядущие недели войдут в
имперские записи как «сто оплотов света».
У нас недостаточно войск, чтобы
защищать по периметру обширную
территорию. Поэтому мы отступили к
основным, самым важным объектам и
утрем, ни отдав там ни метра.
Противоположные убежища в районе
Джаега. Храм Вознесения Императора в
центре квартала Экклезиархии.
Космопорт Азал в промышленном
квартале Дис. Нефтеочистительный
завод Пургатори, чудом уцелевший в

портү. Список главных и второстепенных пунктов обороны бугет передан по воксети и кұрьерати по всемү городу.

Полковник повернүлся к высащилсѧ фигурат Астартес.

— Сержант В'рэт, люди Хельсрича благодарят вас и ваших братьев за помощь. Вы покинете город сегодня?

— Повелитель Рожденных в Огне зовет.

— Да, конечно, конечно. Я приношу вам свою личную благодарность. Без вашей поддержки мы бы потеряли куда больше жизней.

В'рэт осенил себя аквилой, и его зеленые перчатки нарисовали знакомые очертания, повторявшие линии бронзового орла на груди.

— Вы сражаетесь с невероятным бесстрашием, Стальные легионеры. Император все видит и все знает. Он видит ваши жертвы и вашу храбрость в этой войне, и вы заслуживаете места в легендах Империи. Это была честь для нас — сражаться бок о бок с вами на улицах вашего города.

Саррен переводил взгляд с одного Астартес на другого --- с воина на рыцаря. Он не сомневался в героизме Храмовников, тем более что видел его достаточно за прошедшие недели. Но Трон, если бы у него здесь были еще и Саламангры. Они облагали теми качествами, которых не доставало Храмовникам: были общительны и надежны...

Он вдруг понял, что протягивает руку. За жестом последовал напряженный момент, когда возвышавшийся башней рыцарь оставался неподвижным. А затем Саламангра осторожно пожал маленькую, человеческую руку. Сочленения силовой брони сержанта низко гудели.

--- Это честь для нас, В'рэт. Удачной охоты в пустошах, и передавайте мою благодарность вашему повелителю.

Реклюзиарх молча наблюдал эту сцену. Никто не знал, какое выражение скрывалось под маской его шлема.

Как только совещание закончилось, я отошел в сторону. В'рэт следовал за мной по пятам. Отойдя от покрытого копотью

и трещинами корпуса «Гибельного клинка» Саррена, я замедляю шаг, чтобы он мог меня догнать. Разве у Врэма нет приказа? Разве его не отозвали к Болиголову? Странно, что он решил задержаться.

— Чего ты хочешь, Саламангра?

Пока мы идем по магистрали Хель, я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть на город внизу. Сооруженная на высоких опорах, дорога возвышается здесь над жилыми кварталами. Когда-то она позволяла транспорту проноситься через центр города между шпилями высоких жилых башен. Теперь она также наверху — лента из рокрита, пролегающая над разрушенным и опустошенным городом. Здания превратили в щебень вражеские развалюхи-титаны и наш ответный огонь.

Шоссе в нескольких местах провалилось. Повезло, что этого не случилось здесь.

— Поговорить, если вы не против, реклюзиарх.

— Сочту за честь, — отвечаю я, но

это ложь. Мы целую неделю сражались вместе, плечом к плечу, и хотя его присутствие было неоценимым, его воины — не рыцари. Слишком часто они отступали, чтобы охранять убежища, вместо того чтобы усилить атаку и не дать врагу сбежать. Слишком часто дожигались нападения, вместо того чтобы ударить первыми.

Приам испытывает к ним отвращение, но я — нет. Их путь отличается от нашего. Не трусость подвигает их на такую тактику, а традиция. И все же их доблесть так же чужда мне, как отерзительная свирепость орков.

Трудно сдерживать вертящиеся на языке слова. Я хочу, чтобы он ушел прежде, чем честность замятает деяния, что мы совершили вместе, и прежде, чем высказанная правда станет жестокой угрозой для союза между нашими орденами.

— Мы с братьями пришли в этот город без поддержки нашего капеллана. Мы были бы бесконечно благодарны, если бы ты

провел нас в молитве прежде, чем мы покинем город и присоединимся к нашему ордену на берегах Волиголова.

— Я мало что знаю о вере вашего ордена, Саламангра.

— Мы знаем это, реклюзиарх. Но все равно будем искренне благодарны.

Это величественный и смелый поступок, и если я соглашусь, то для меня это будет большей честью, чем для них. Проведение молитвы среди братьев из другого ордена не просто редкость. Это почти неслыханно. Я могу вспомнить только единственный случай, и тот был вместе с нашими генетическими братьями и сынами Дорна, Багровыми Кулаками, когда пылала система Деклат.

— Вспомни лучше битву прошлой ночью, — говорю я ему. — Думай о битве на крыше в квартале Нергал. Меня заботит один момент. Он отбрасывает тень на нас, словно вражеское копье, угрожающее пронзить насквозь.

Он медлит. Он явно не ожидал получить такой ответ на свою просьбу.

— Какой аспект этой битвы

беспокоит тебя, реклюзиарх?

Хороший вопрос.

Тварь падает, ее череп разбит, зеленокожий подыхает у твоих ног.

Я слышу яростное шипение, с которым клинок Приата пронзает вражескую плоть. Слышу искаженное завывание кромсающих тела цепных мечей, крики объятых паникой людей в убежище, ощущаю их страх даже сквозь бронированные стены.

Еще одна тварь рычит, брызжа густой слюной на лицевую пластину шлема. Она погибает, когда в нескольких метрах от меня рывком болтер Артариона, разрывая неправильной формы голову существа.

--- Сосредоточься! --- рычит он мне по воксу.

Я возвращаю долг мгновением позже, обрушивая булаву на тварь, которая хочет напасть на знаменосца сзади.

Рукопашная, дошло до пистолетов, клинков и сокрушительных ударов кулаками по моргам. Хорошо

бронированное противопозогное укрытие в центре обширной площади осаждают примерно две сотни орков.

Каждый шаг нужно делать очень осторожно. Ноги то и дело понападают в лужи остывающей крови и на тела мертвых докеров. А Салатангры...

Будь они прокляты...

Приат блокировал удар ближайшего орка, скрестившиеся клинки исторгли сногоскр.

Он заколот ксеноса ответным ударом --- грубым, не вызывающим гордости выпадом, преодолевшим несуществующую защиту орка, --- погрузил кончик клинка в открытую шею.

Топор твари с кляцаньем обрушился на боковую сторону его шлема, и рецензоры визора пару секунд показывали только яростные потехи.

Недостаточно глубоко. Мечник выдернул клинок и вторым ударом по рукоятъ вознал оружие орку под ключицу. Тварь замертво рухнула, подергивая конечностями.

Приам сдержал желание
расхохотаться.

Следующий бросившийся на Приама орк был поддерживаем двума его собратьями. Первый пал от меча рыцаря, рассекавшего торс, --- активированный клинок прошел через мясо и кости, как сквозь масло. У второго и третьего были реальные шансы победить Храмовника, но их поверг на землю удар булавы реклюзиарха.

--- Где Саламандры? --- спросил Гримальд по воксу, слова прерывались резким дыханием.

--- Они удерживают позиции.

--- Они что?!

Кулак Бастилана вибрировал от отдачи болтера. Потoki чужеродной крови вновь окрасили броню.

Взаимные обвинения раздавались в воксе. Саламандры не пошли вслeд за Храмовниками. Рыцари пробились вперед слишком далеко и слишком быстро.

--- Следуйте за нами, во имя Трона! --- Бастилан добавил свой голос к

переговорах.

--- Отступайте, --- пришел спокойный приказ сержанта В'рэта. --- Отступайте к восточной платформе и подготовьтесь ко второй волне.

--- Атакуют! Если мы ударим сейчас, не будет никакой второй волны.

--- Саламандры! --- спокойно велит В'рэт. --- Оставайтесь на месте и будьте наготове. Убивайте всех врагов, кто попытается пробиться в убежище.

Бастилан ударил ногой в грудь горбатого орка, круша то, что у тварей было на месте ребер. В миг передышки рыцарь выбросил пустой магазин болтера и вставил новый.

Хратовники наступали без поддержки и угалились от убежища, преследуя бегущих зеленокожих. Впереди, среди толпы запаниковавших тварей, был виден облаченный в броню вожак этого жалкого племени, он буквально шатался под тяжестью абляционной брони, которая была похожа на прибитые к нечувствительной плоти листы металла.

С ревом вырываясь из стволов

Храмовников, болты полосовали бегущих за предводителем свирепых тварей. Несколько снарядов взорвались на броне лидера орков, другие врезались в спины и плечи бегущих вокруг вожака зеленокожих.

--- Он уходит, --- проворчал Бастилан. Сержанту было стыдно даже просто произнести подобное.

--- Отступаем, --- донесся рык реклюзиарха.

--- Сэр... --- начал было Бастилан, ему вторил гораздо более раздраженный Приат:

--- Нет!

--- Отступаем. Ради этого не стоит умирать. Сейчас нас слишком мало, чтобы пустить кровь вожаку.

В'рэт кивнул:

--- Понимаю. Вы считаете это пятном на вашей чести?

Нет, он ничего не понимает.

--- Нет, брат. Я считаю это напрасной тратой времени, боеприпасов и жизней. При следующих волнах погибнет какое-то из твоего отряда. Из твоих рыцарей

нали брат Казг и брат Мэдок. Если бы мы атаковали вместе, то смогли бы пробиться к предводителю ксеносов и убить его. Остальные твари разбежались бы, и большинство из них стало легкой добычей для истребительных команд.

--- Это тактически необоснованно, реклюзиарх. Преследование оставило бы убежище без защиты, уязвимым для возможных волн из других кварталов. Три тысяч жизней были спасены нашим сопротивлением прошлой ночью.

--- Но не было никаких атак из соседних кварталов.

--- Однако они вполне могли случиться. И не было гарантии, что мы достаточно быстро пробьемся к вождю.

--- Мы пережили еще шесть штурмов, впустую потратили семь часов, погибли четыре воина, и мы израсходовали кучу боеприпасов.

--- Это лишь одна из точек зрения на случившееся. Я вижу все проще: мы победили.

--- Я закончил с этой... дискуссией, Саламангра.

Я снова вспоминаю, как скрежетала,
врезаясь в плоть, хирургическая пила Неро,
как вонзались и извлекались назад резцы,
доставая блестящее геносемя из груди
убитых.

--- Мне жаль слышать, что вы так
говорите, реклюзиарх.

--- Нет, вы только послушайте его.
Так терпелив. Так невозмутим.

--- И так слеп.

--- Ступай себе из моего города!

ГЛАВА XIX

Судьба

Безмолвный гигант возвышался над поклонявшимися ему.

Его кожа и кости были собраны из разбившихся и трофейных кораблей, каждая колонна, каждый механизм, пилон, балка и пластина успеха, пошедшие на его создание, были украдены. Хотя гигант и не был живым, живые существа заполняли его, словно кровь и органы. Они карабкались в нем, защищенные броней, свисали с металлических костей, подобно потокам крови двигались по артериям.

Больше месяца две тысячи рабочих трудились над исполином. Наконец три дня назад он пробудился за стенами улья Стигия, вызвав оглушительный рев и восторженные крики своих приверженцев.

И затем, в первые часы своей жизни, он стер улей с лица планеты. Стигия была скромным индустриальным городом, который защищали Стальной легион и местное ополчение при очень

незначительной поддержке Астартес и Механикус. С момента пробуждения гиганта до той секунды, когда были сокрушены последние попытки организованного сопротивления, в общей сложности прошло пять часов и тридцать две минуты.

И теперь гигант стоял неподвижно, готовясь к путешествию на юг.

Его физиономия была свиноподобной, широко распахнутыми глазами, зубастой пастью и красными металлическими клыками. За разбитыми окнами, которые заменяли глаза, в зверином подражании команде имперского титана сгорбившиеся члены экипажа почти бегом прислуживали гиганту.

Имя исполина, которое намалевали грубыми инопланетными письменами на уродливом корпусе с жирным животом, — «Богоборец».

Медленной поступью, от которой дрожала земля вокруг, «Богоборец» отправился на юг, к побережью.

К Хельсричу.

Если монстр останется на ходу, во

что сложно поверить, учитывая мастерство его создателей, то прибѣдет к расцвету следующего дня.

Символично, что к Хельсричу направлялся и единственный, кто мог бы противостоять «Богоборцу», — другая могучая военная машина. Ее путешествие было куда глинее, а ее сопровождение — лишь бледной тенью того, что могло быть в ее лучшие годы.

Волны песчаной почвы расступались при ее движении, антигравитационные поля давили на почву под змееноподобным Ординатусом. Юризиан чувствовал сопротивление духа машины при каждом прикосновении к пульту управления. Дух машины, пробуждаясь от дремоты, ощущал себя оскорбленным и находился на грани нападения на ответственное за все это живое существо.

— Реклюзиарх, — позвал он в вокс, вновь не получив ответа.

Существование «Оберона» в его разуме было подобно зверю в лесу. Юризиан мог сдерживать дух машины, пока был

сосредоточен на его присутствии. Так путешественник может разойтись с волком в лесных дебрях, если не будет сводить со зверя глаз и держать перед собой факел. Это была игра на внимание, и, несмотря на усталость, магистр кузницы сосредоточенностью обладал в избытке. Он был ответственным и терпеливым человеком, внимательным к каждой мелочи. Такое поведение и преданность вкуне со способностями и достижениями возвели его девятнадцать лет назад в нынешний ранг на борту «Вечного крестоносца».

Юризиан был свидетелем введения Гримальда во Внутренний круг, и хотя стыдно было признаться в этом сейчас --- даже безмолвно, даже только себе самому и затаившемуся духу военной машины, --- он выступил тогда против того, чтобы Гримальд стал реклюзиархом вместо Моргрега.

--- Он не готов, --- заявил тогда Юризиан, добавив свой голос к мнению чемпиона Баярга. --- Он хорош в небольших стычках. Но это не предводитель ордена.

--- Магистр кузни прав, Верховный
маршал, --- присоединился Баярг. ---
Неуверенность --- вот недостаток
Гримальда. Он постоянно медлит, и нет
тайны в том, почему это происходит. Он
все время сравнивает себя с несравненным
Моргредом. Сомнения сделали неясным его
место в ордене.

--- Его потрясла смерть Моргрета, ---
продолжал Юризиан. --- Он ищет свое
место в Вечном Крестовом Походе.

Хельбрехт сидел на троне,
погрузившись в размышления, и его
холодные глаза устирали пыл
присутствовавших в зале.

--- В грядущей войне я дам ему
возможность найти это место.

Юризиан больше ничего не сказал и
склонил голову в поклоне. Чемпион
Императора оказался не столь
покладистым и назвал несколько имен
рыцарей, которых предпочел бы видеть на
месте Моргрета.

Верховный маршал не высказал своего
мнения по этому вопросу, но Гримальд был
выбран самим Моргредом Мстителем.

Его мастерство в рукопашном бою не подлежало сомнению. Два века бесстрашия и славы; двести лет неослабевающей храбрости и толпы мертвых врагов во множестве миров. И еще он стал самым толодым в братстве меча за всю историю оргена — никто не мог оспорить эти истины.

Юризиан и Баярг уступили. Следующей ночью они смотрели, как Гримальд принял мантию Мордгеда.

«Оберон» накренился, возносясь над дюной, антигравитационные поля изменили звук на более напряженное завывание.

На горизонте клубилось черное покрывало дыма горевшего города.

— Реклюзиарх, — вновь позвал тагистр кузни, еще раз пытаясь связаться с воином, который не заслуживал звания, которое носил.

Уйти с титана оказалось куда легче, чем думать Асаван.

Он исполнил задуманное два дня назад. Все, что пришлось для этого

сделать, — это медленно спуститься через все палубы. Тем не менее спуск этот показался Асавану нисхождением по восьми миллионатам винтовых лестниц.

Ну хорошо, возможно, лестниц было чуть больше четырех. Но к тому времени, как Асаван добрался до земли, он старгивал пот с глаз и проклинал скверную физическую форму. На низших уровнях титана в узких коридорах горели красные лампы аварийного освещения. Смертый воздух был наполнен священным фимиамом, посвященным Богу-Машине, и молитвами верующих. Именно из их преданности и хвалы черпал силы «Герольд Шторма».

— Стоять, — рявкнул машинный голос, и Асаван повиновался. Он даже поднял руки, подражая неуверенной капитуляции. — Что ты здесь делаешь? — потребовал голос.

«Здесь» было основанием таза титана, залом, освещенным мерцающим желтым сигнальным светом. Шесть аугментированных скитариев стояли вокруг люка в полу. Само помещение началась взад-вперед согласно поступи

титана.

--- Я покидаю титана, --- сказал жрец.

Скитарии переглянулись, блеснув затеменявшими им глаза линзами. Воздух угрожал от вокс-переговоров. Они были в затешательстве. Это... это не имело смысла.

--- Ты покидаешь титана, --- наконец выдал один из них, похоже главный. Глазные линзы вращались, сканируя человека.

--- Да.

Главный, чье лицо было явно более бионическим, чем у других, издал череду машинных кодов. Асаван уловил в них команду «ошибка / отклонить просьбу».

--- «Герольд Шторма» сейчас находится в движении.

Асаван это знал. В конце концов, зал ведь двигался.

--- Титан идет, я знаю. Но я все равно хочу выйти. Эта служебная лестница приведет меня к бедру левой ноги и к укреплению в голени, ведь так?

--- Именно так, --- подтвердил лидер скитариев.

--- Тогда прошу меня извинить. Я должен идти.

--- Стоять.

Асаван подчинился, но все это уже начало его утомлять.

--- Ты хочешь оставить титана, --- повторил скитарий. --- Но... почему?

Вряд ли стоило сейчас устраивать дискуссию о кризисе веры и внезапном желании ходить по городу и помогать людям своими собственными руками.

Асаван дотронулся до медальона на шее, знака почетного члена Экклезиархии Терры и священника, имеющего право проповедовать слово Императора в Его Импостаси Бога-Машины Марса.

Скитарии смотрели на символ в течение нескольких секунд --- на двуглавого орла и разделенный череп на заднем плане --- и затем опустили оружие.

--- Благодарю, --- выдал вспомянувший жрец. --- Теперь, если вас не затруднит, вы не могли бы открыть этот люк?

В животе затуманило при взгляде вниз. Двадцатью пятью метрами ниже проносился разрушенный рокит

магистралу Хель.

Цепляясь пухлыми руками за черную железную лестницу, он спускался, перекладина за перекладиной, под порывами ветра. Лестница шла по бедру титана. Над Асаваном с лязгом захлопнулся люк.

Что ж, будь что будет.

Ниже колена Бога-Машины еще один люк преградил ему путь в массивную голень. Асаван услышал сервомоторы турелей, которые находились сейчас как раз под ним и двигались из стороны в сторону, выискивая врага.

Почти целая минута ушла на то, чтобы управиться с колесом люка, но теперь жрец был исполнен энтузиазма, оказавшись почти у цели. Он прошел по освещенным красными огнями спиральным коридором, избегая зал, где в могильной тишине стояли ряды скитариев.

Теперь движение титана было физически почти невыносимо. Асавана швыряло о стены и несколько раз сбивало с ног. Так близко к земле гравитационные стабилизаторы помогли мало. Все вокруг

с тошнотворной силой сотрясалось каждые
одинадцать секунд, когда очередная нога
соприкасалась с дорогой. Асавана вырвало,
и он попытался не расстаться. Он
старался держать равновесие, пробираясь
по стальным костям в лодыжке
шагающего гиганта-машины. Возможно, в
конце концов, идея была не такой уж и
великолепной.

И теперь настал черед самой
трудной части плана.

Последний люк открывался в ярусной
козгеобразной ступне титана, где были
ступени для того, чтобы батальоны
скиитариев могли спускаться и
подниматься, когда «Герольд Шторма» не
двигался.

Высадка же с титана во время
движения обещала быть... захватывающей.

Асаван рывком открыл крышку люка
на скрипящих петлях, схватившись за
ближайшие поручни и в ужасе наблюдая за
землей. Он ждал, пока дверь окажется на
уровне земли. Когда это произошло,
тучный жрец побежал, чертыхаясь и сопя,
по ступеням.

Нога с грохотом опустилась на землю, страхнув Асавана. Он полетел на шоссе.

В нескольких метрах от него громадная военная машина подняла ногу, чтобы сделать следующий шаг. Визжа и не понимая, что делает, Асаван Тортеллий, тряся всеми подбородками, бросился наутек, подальше от поднимающейся ноги и ее неизбежного спуска. Последнюю часть дистанции он преодолел в прыжке, тяжело приземлившись.

Титан двинулся дальше, его ужасающие ноги все так же громыхали, а человек лежал на спине, судорожно хватая воздух.

Так закончилась наименее достойная высадка из титана «Император» за всю историю Империи.

Это было два дня назад.

С тех пор положение Асавана ненадолго улучшилось, но, хвала Трону, он сделал работу Императора.

Его путешествие по магистрали Хель (которое он решительно называл

«паломничеством») началось с довольно не
вдохновлявшей ноты. Кое-как поднявшись
на ватные ноги и отыскав ботинок,
потерянный при падении, он отправился по
широкой дороге, сжимая сумку с
обезвоженными припасами и пакетами с
электролитом.

Вне тумана, который сейчас шагал
куда-то вдаль, Асаван понял, какая
мертвая тишина может царить в городе.
Рев орудий и военных машин был
приглушенным бормотанием и, казалось,
доносился из других, далеких миров.
Вокруг стояла такая тишина, что
начинало звенеть в ушах.

Он сошел с шоссе и направился через
торговый район, который сильно
пострадал за несколько недель до этого.
Раскучренные танки — и имперские, и
вражеские — усеивали центральную
площадь, и вокруг каждого лежали тела.
Красные мухи — жирные и крупные
тропические насекомые, настоящая чума
джунглей, — кишмя кишели здесь, одеялом
накрывая тела погибших и пожирая их.

Жрец не был готов к запаху объятых

войной города. На спине титана, возвышавшегося над полем битвы, он был далек от того, что принцесса, да благословит ее Император, называла «мерзким биологическим побоищем».

Запах был чем-то средним между страгом скопившихся в большом количестве нечистот и вонью испорченной пищи. Его вновь вырвало в середине пути через площадь. Он заночевал в разбитой башне «Леман Рюсса». Танк был наполовину погребен в стене, которую и протаранил. Независимо от того, что случилось с экипажем, священник не собирался расследовать эту тайну. Его вполне устраивало, что их не было внутри — ни живых, ни тем более мертвых.

Когда он наконец уснул, ему снилось все, что он увидел в тот день. После трех часов сна, в котором появился каждый увиденный труп, Асаван попытался найти покой и потому углубился дальше в город.

На второй день он нашел первых выживших, заметив движение на нижнем этаже полуразрушенного дома.

Дрожащим голосом Асаван выдал

«Эй?», прежде чем понял, что, возможно, зовет одного из захватчиков. Звук быстрых удаляющихся шагов подбодрил его. Чужеземные твари не побежали бы прочь, услышав человеческий голос.

— Я пришел помочь, — позвал он.

Ответом было молчание.

— У меня есть еда, — священник попробовал грудой подход.

Из-за груды мусора показалось перепачканное лицо, и на жреца уставился пытливый взгляд с прищуром.

— У меня есть еда, — повторил Асаван, на этот раз потише. Не делая резких движений, он снял со спины ранец и вытащил брикет в серебристой бумаге. — Обезвоженная еда. Но все равно это еда.

Оказалось, что лицо принадлежит женщине средних лет. Она покинула укрытие и подобралась ближе. Отощавшая, с громадными глазами, она двигалась с осторожностью до смерти перепуганного существа. Заговорить она сумела только с третьей попытки. Прежде чем слова сорвались с губ сухим шепотом, ей пришлось не раз прочистить горло.

— Ты жрец? — спросила она, все еще не приближаясь настолько, чтобы до нее можно было дотронуться. Едва подняв руку, она указала на его бело-фиолетовую мантию.

— Да. Бог-Император отправил меня к вам.

В этот момент она заплакала, и вскоре после этого они разделили скромный ужин в руинах ее жилой комнаты. Асаван спрашивал о ее жизни и перенесенных потерях. Прежде чем уйти от женщины часом позже, он убедился, что еды и воды ей хватит на несколько дней, и благословил именов Бог-Императора. Странно было совершать богослужение перед искренне нуждающимся, голодным и оборванным. Обычными его прихожанами были товарищи-клирики и машиноподобные скитарии, так что славившая Императора плачущая женщина оказалась совершенно новым и непривычным для него существом.

Это было странно, но хорошо.

Первая встреча Асавана Тортеллия с выжившим прошла хорошо. Он пошел

дальше, и такие встречи повторялись весь следующий день и ночь. Однако на третий день жрец попал в переделку.

Небольшая группка оборванцев сидела вокруг костра из мусора, согревая руки, когда над кладбищем танков по магистралу Хель опустилась ночь. Асаван прочистил горло и, подходя, поднял руку в знак приветствия.

Выжившие быстро обернулись, вскидывая лязганы. Некоторые из них были в рабочих комбинезонах, забрызганных кровью и потемневших от грязи. Один носил форму Гвардии, массивный силовой ранец на спине и соединенный с ним кабелями лязган, который сейчас был направлен Асавану в лицо.

--- Пожалуйста, больше не надо никаких сюрпризов, да? --- солдат сплюнул на землю, его худое лицо явно выражало подозрение. --- Я устал, затерз и меня уже тошнит отстреливать тародеров.

--- Я не тародер.

--- Я не удивлен таким ответом, ведь я только что сказал, как поступаю с вами.

--- Я священник.

--- Это объясняет лантия, ---
устехнулся один из рабочих. --- Андрей,
дугаю, он говорит правду.

--- Священник, --- повторил
штурмовик.

--- Священник, --- кивнул Асаван.

Штурмовик опустил винтовку:

--- А вот это точно сюрприз. Я
Андрей, из легиона. Это мои грузы, те,
кому повезло родиться в Хельсриче, а не в
другом городке, защищенном лучше.

Рабочие приглушенно застонали.

--- Я Асаван Тореллий, из «Герольда
Шторма».

--- Из боготашины? --- хрипло
расстонался Андрей. --- Ты слишком далеко
от своего шагающего трона, толстый
жрец. Выпал и не смог забратсья обратно?

Асаван погодвинулсь ближе к огню и
рабочие потеснились, чтобы дать ему
место.

--- Томаз Магерн. --- Один из рабочих
протянул руку жрецу. --- Не обращайтесь
внимания на Андрея, сэр. Он не всегда
такой.

--- Я всегда такой, какой нужно, ---

покачал головой штурмовик, и его темные хитрые глаза блеснули, отражая пламя. --- О Трон, никогда еще я так не застывал. Нам всем еще повезло, что у нас до сих пор яйца не замерзли и не разбились.

--- Раг тебя видеть, --- пробормотал жрецу один из мужчин.

--- Ага, --- кивнул гругой, и его голос был искренним, хоть он и не встречался глазами с пришедшим.

Асаван был тронут.

--- Так тародеры? --- спросил он. --- Я правильно расслышал?

--- Правильно, --- выдохнул Магерн, пытаясь дыханием согреть руки прежде, чем протянуть их к огню. --- Портовые рабочие. Дезертиры из ополчения и Гвардии. Здесь довольно погано. Они идут через жилые кварталы, крадут еду и вообще все, что могут отыскать.

--- Могу я спросить, почему вы здесь?

Присоединившийся к группе Андрей покачал головой:

--- Не будь таким подозрительным, святой отец. Мы не уклоняемся от исполнения долга. Мы просто забытые,

потерянные в мертвом городе,
пробирается обратно к... к тому месту, где
может оказаться линия фронта.

--- У вас нет связи с Гвардией?

--- Ха! Мне это нравится. Нравится
ход твоих мыслей. Ты вынул из своего
титана, толстяк. У тебя имеется вокс-
связь, чтобы спросить совета у своих
повелителей Механикус? Нет. Вот
именно. Ты не был в порту, жрец. За
последнюю неделю погибла добрая половина
города. Гвардия разбита, и вокс сейчас
лишь набор случайных помех. И если я
прав, а я надеюсь, что ошибаюсь, то никто
из имперских сил не в состоянии сейчас
связаться с частями в остальных районах
города.

--- Что вы намерены делать?

--- Мы двигается на запад.
Храмовники пошли на запад, так что и
нам нужно туда. А вот почему ты здесь?

Асаван пожал плечами. Он не мог
этого объяснить.

--- Я хотел помогать везде, где смог.
На спине титана я никому не приносил
пользы.

Кое-кто из группы нарисовал в воздухе аквилу и бормотанием выразил свое восхищение.

— Ты хочешь пойти с нами, толстый жрец? Думаю, тебе понравится то, что ты увидишь на западе.

— А что на западе? — спросил Асаван.

— Куча горящих промышленных кварталов, слишком много парогербов, чтобы мое бедное сердце могло бы думать об этом сейчас, и, конечно, храм Вознесения Императора.

— О каком таком храме ты говоришь? О монастыре? Соборе?

Магерн покачал головой:

— И то, и то. И даже больше. Это церковь, построенная первыми колонистами, которые прибыли на Армагеддон.

Асаван инстинктивно чуть не приказал своему сервачерену записать это.

— Вы хотите сказать, что первая построенная в Хельсриче церковь все еще стоит? Что она пережила Первую Войну с демоническими армиями? И осталась целой во время Второй Войны, когда

Беликий Враз впервые пришел в этот мир?

--- Ну... ага, --- ответил Магерн.

Провидение. Вот в чем дело. Вот почему он покинул титан, и вот почему Бог-Император привел его через город к этим людям.

Андрей фыркнул, услышав вопросы жреца:

--- Это не просто первая церковь, построенная в Хельсриче, мой толстый друг. Это первая церковь, возведенная на всей планете. Когда первые поселенцы молились Императору, они молились в храме Вознесения Императора.

Асаван почувствовал, как у него загрозили руки.

--- Как ты собираешься туда добраться?

Андрей жестом указал на широкую подгнившую дорогу в отдалении:

--- Пойдем по магистрали Хель. Как же еще?

Артарион стоял в стороне от остальных.

Занятое или здание когда-то было часовней, служившей духовным центром промышленного района. Теперь от нее остались лишь дышавшие на ладан руины. Артарион приостановил изучение комнаты с алтарем, заметив пятна крови на осыпавшихся камнях.

Запах крови был старым. Кого бы ни завалило внизу, он был мертв уже не один день. Артарион принюхался сквозь фильтры шлема. Женщина. После того как ее завалило, крови вытекло немного. Мертва дня три; слабый букет запахов был лишь примесью в воздухе.

Он отошел от остальных как глядя в сторону, чтобы провести обряд обслуживания наг оружием, так и из-за Приама, который ворчал о Саламандрах.

Когда Артарион опустился, чтобы сесть рядом с пиратидкой, под которой покоилась женщина, броню в колене на пару секунд заклинило. Предупреждающие руны вспыхнули на дисплее. Вместо того чтобы погасить их, рыцарь раскрыл зажимы, снял шлем и вдохнул запах огня, пепла и кирпичной пыли. Это все, что осталось от

Хельсрича. Сочленение с хрүстом
вернулось к работе, и рыцарь со вздохом
сел.

В болтере, цепью прикованном к
бедру, почти не осталось зарядов. Он еще
не сказал об этом остальным, но знал, что
они наверняка испытывают ту же
трудность. Перед кровавой неделей в
порту припасы, доставленные Крестовому
Походу Хельсрич с «Вечного крестоносца»,
сократились до грузового отсека
«Грозового ястреба», наполовину
заполненного болтами, и полупустого
ящика с зубьями для цепных мечей.

Сам выключенный и безмолвный
челнок стоял во дворе фабричного
комплекса, почти в двух километрах к
западу, в квартале, который все еще
находился под имперским контролем.

Артарион проверил почерневшее от
огня дуло болтера, вертя оружие в руках и
пальцами проводя по выполненным
золотом надписям на стволе болтера.
Список выигранных битв и защищенных
тиров...

Не произнеся ни слова, он вновь

опустил оружие.

--- В них нет ничего, что могло бы нравиться. --- Приам сплюнул, меряя шагами комнату для молитв. --- Они ведут войну, чтобы обороняться, чтобы защищать. Все в них направлено на сохранение того, что уже есть у человечества.

Бастилан точил боевой клинок, водя оселком по остриям гладиуса. Маленькая комната была заполнена топотом ног Приама и шипящим царапаньем точильного камня.

--- Это неверно, --- добавил Приам. --- Я не хочу оскорбить их как воинов. Но высаживаться в городе только для того, чтобы защитить горожан? Это же безумие!

Ш-ш-ш, ш-ш-ш.

--- Брат, почему ты не отвечаешь?

--- Я мало что могу сказать.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш.

--- Ты плохо думаешь обо мне из-за моих взглядов? Бастилан, но ты же знаешь, что я прав.

— Я знаю, что ты ступил на зыбкую почву. Не порочь честь братского ордена. Саламандры пролили за эту неделю столько же крови, сколько и ты.

— Дело не в этом.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш.

— Вот где ты не можешь прийти к согласию, брат. Но ты еще молод. Ты поймешь.

Приат не стал сдерживать смехок:

— Не опекай меня, старик. Я знаю, о чем говорю. Ты успокоен прошедшими годами и слишком сдержан, чтобы признать это.

— Я не стар, — расстелялся Бастилан.

— Не стейся наго мной!

— Тогда перестань меня смешить.

Какие два ордена сражаются за одно и то же? И какие следуют одним и тем же принципам? Мы рождены в разных мирах и воспитаны разными учителями. Примени это как данность и относись к ним как к союзникам.

— Но они ошибаются! — Приат неверяще уставился на старшего воина. Как Бастилан может быть таким

бестолковым? — Они могли высидеться где угодно в городе. Они могли убить одного из командующих ксеносов. Но вместо этого они были среди нас в порту, чтобы защитить людей!

— Именно за этим они и пришли. Не пытай сострадание с тактическим утилитизмом.

— Но это же так. — Приат сдержался, чтобы в доверок к словам не взмахнуть клинком. Рубить перед собой можно было только воздух, хоть он и чувствовал острое желание обнажить сталь. — Они сохраняют. Защищают. Мы Астартес, а не Имперская Гвардия! Мы копье, направленное в горло, а не молот. Мы — все, что осталось от Великого Крестового Похода, Бастилан. За десять тысяч лет мы, и только мы, сражались, чтобы привести к согласию миры Императора. Мы не сражаемся за людей Империи, мы сражаемся за сам Империи. Мы атакуют. Атакуют!

Ш-ш-ш, ш-ш-ш.

— Не здесь. Не в Хельсриче.

Приат упрямо набычился. Этот

мерзавец Бастилан всегда так поступает с ним. Несколькоми настежливыми фразами перечеркивает все, что пытается сказать Приам. Это очень, очень раздражает!

--- Хельсрич... --- Теперь воин говорил уже спокойнее, менее горько и каким-то образом менее уверенно. --- С самого начала в этой войне все мне кажется неправильным.

Неровар тоже отделился от остальных. Но очевидно, недостаточно далеко.

--- Брат, --- раздался голос.

Гримальд вернулся. Неровар поприветствовал его кивком и притворился, что изучает ожоги и выбоины на стене храма. Изображение Императора взирало на Хельсрича. Золотой Бог, озаренный лучами, смотрел на промышленный район внизу. С вмятинами от пуль и ожогами, нарисованный город теперь больше напоминал тот Хельсрич, что находился за этими стенами.

--- Как прошло совещание

командующих?

--- Нудное обсуждение рубежей последней обороны. В общем ничем не отличалось от предыдущих. Саламандры ушли.

--- Тогда, возможно, Приам прекратит жаловаться.

--- Вот в этом я сомневаюсь.

Гримальд снял шлем. Неровар смотрел на него, пока реклюзиарх изучал росписи, и ответил, что иссеченное лицо командира хмуро и задумчиво.

--- Как рана? --- спросил Гримальд, его голос, не проходя через вокс шлема, был и глубже, и мягче.

--- Выживу.

--- Болит?

--- Какая разница? Выживу.

Цепи, скреплявшие оружие и броню, позвякивали, когда реклюзиарх ходил по комнате. Кератитовые сапоги громыхали по грязным мозаикам, разбивая и кроша их. В центре комнаты Гримальд поднял взгляд к потолку, где витражный купол когда-то милосердно закрывал грязное небо.

--- Я был с Кагором, --- промолвил он, уставившись в небеса. --- Я был с ним до конца.

--- Я знаю.

--- Значит, ты согласишься мне, когда я скажу, что ты бы ничего не смог сделать, если бы был рядом? Он умер через секунду после удара твари.

--- Я видел рану, ведь так? Ты не говоришь мне ничего нового.

--- Тогда почему ты все еще оплакиваешь его? Это была благородная смерть, достойная склепа на борту «Крестоносца». Он убил девять врагов сломанным клинком и голыми руками, Неро. Кровь Дорна, если бы мы только могли записать такие деяния на своей броне!

--- Он никогда не будет покоиться в этом склепе, и ты знаешь это.

--- Это лишь достойная сожаления истина. Сотни наших героев пали и остались ненайденными. Ты истинный наследник Кагора. Почему этого не достаточно? Я хочу помочь тебе, брат, но ты не облегчаешь мне задачу.

--- Он тренировал меня. Научил обращаться с клинком и болтером. Он заменил мне родителей, у которых меня забрали.

Гримальд все еще не смотрел на рыцаря. Он наблюдал за полетом имперского истребителя в небе и гадал, был ли это Гелий, преемник Барасата и Ожензен.

--- Таков путь воина, --- промолвил он. --- Пережить того, кто учит тебя. Мы получаем уроки и обращаем их в оружие против врагов человечества.

Неро фыркнул.

--- Я сказал что-то смешное, апотекарий?

--- Лицемерие всегда смешно. --- Апотекарий снял шлем. И, сделав это, внезапно почувствовал тяжесть криозапечатанного геносемени в отделеции на руке.

--- Лицемерие? --- спросил скорее удивленный, чем раздраженный Гримальд.

--- Непохоже на тебя --- успокаивать и утешать, реклюзиарх. Прости за то, что говорю так.

--- Почему я должен прощать тебя за то, что ты говоришь правду?

--- В твоих устах все звучит так чисто и просто. Но ни один из нас не был откровенен с тобой с тех пор... как мы прибыли сюда.

Гримальд оторвал взгляд от темных небес и своими глазами --- теми самыми, что командир боготашины назвала добрыми, --- посмотрел на Неровара.

--- Ты сказал «с тех пор, как мы пришли сюда». Я чувствую еще одну ложь.

--- Очень хорошо. До того, как мы пришли сюда. С тех пор, как умер Мордрег. Трудно быть рядом с тобой, реклюзиарх. Ты замкнут тогда, когда должен вдохновлять. Далек, когда должен пылать верой. Я верю, что ты не прав, читая мне лекцию о смерти Кагора, когда сам потерян для нас с момента смерти Мордрега. Под холодной поверхностью тлеет огонь, и ты и раньше предупреждали тебя обо всех этих переменах. Но, увы, без толку.

Гримальд устехнулся.

--- Я вижу мир его глазами, --- сказал

он, опустив взгляд на серебряный череп в руках. -- И вижу ночь за ночью, что я -- не он. Я не заслужил этой чести. Я не лидер и недостаточно искусен в обращении с людьми. Мне не следовало принимать мантию реклюзиарха, но я был уверен, что, когда начнется война, мои сомнения и терзания уйдут.

-- Но они не ушли.

-- Да, они не ушли. Я умру на этой планете. -- Гримальд вновь посмотрел на апотекария. -- Мой наставник погиб, и всего несколько дней спустя меня отправили на смерть в мир, у которого нет надежды пережить ужасную войну, подальше от братьев и ордена, которому я служил два века. Даже если мы победим, что даст эта победа? Будем властителями разрушенного мира. -- Он покачал головой. -- И это место, где мы умрем. Бесмысленная смерть.

-- Она славная по-своему. Наши братья и люди этого мира всегда будут помнить нашу жертву. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

-- О, я знаю. Не могу от этого

сбежать. Но я не забочусь о славе. Слава зарабатывается на протяжении всей жизни, прожитой в служении Трону. Это не должно быть даром утешения или чем-то, что нужно желать. Я хочу, чтобы моя жизнь имела значение для моих братьев, и хочу, чтобы моя смерть послужила Империи. Ты не скажешь мне последние слова Моргрега? Они написаны золотом на постаменте его статуи.

— Я помню их, реклюзиарх. «Мы судим об успехе нашей жизни по количеству уничтоженного нами зла». У суд над нами будет успешен, ибо мы убили множество тварей.

— Нет, наши смерти никого не вдохновят. Никому не принесут пользы. Ты помнишь Призрачных Волков? Когда мы увидели, как погиб последний из их ордена, я чувствовал, как у меня оборвалось сердце. Никогда прежде я не жаждал инопланетной крови так, как в тот момент. Их смерти имели значение. Каждый закованный в серебряную броню воин в тот день погиб в свете истинной славы. А в Хельсриче? Кто узнает о нашей

храбрости в архивах разрушенного города?

Гримальд закрыл глаза. И не открывал их, даже когда услышал, как подходит Неровар. Удар кулака в челюсть свалил его на землю, откуда он наконец взглянул на апотекария. Реклюзиарх улыбался, хотя, говоря по правде, он не ожидал удара.

--- Как ты смеешь? --- спросил Неровар, стиснув зубы и все еще сжимая кулаки. --- Как ты смеешь? Ты пятнаешь нашу славу и еще смеешь говорить мне, что смерть Кадора что-то значит? Она ничего не значит. Он умер так, как умрет все мы: забытые и не преданные земле. Ты мой реклюзиарх, Гримальд. Не лги мне. Если наша слава ничего не значит, смерть Кадора тоже не имеет значения, и у меня есть право скорбеть о нем, как ты скорбишь о всех нас.

Капеллан облизнул губы, чувствуя хищнический вкус окрасившей их крови. Затем молча поднялся на ноги. Неровар не отступил. Более того, он остался на месте и активировал отделение для хранения геносемени. Пластиковый пузырек выскользнул из полости, и Неровар

и вырнул его Гримальд.

У реклюзиарха едва не загрозили руки, когда он поймал сосуда «НАКЛУДЕС», — гласила надпись. Геносетя брата, навшего много дней назад.

— Неро...

Неровар достал еще один сосуд и вырнул его реклюзиарху. На этот раз «ДАРГРАВУАН». Этот рыцарь погиб первым.

— Неровар...

Апотекарий достал третий сосуд. Этот он держал в кулаке, каким-то чудом утврдясь не раздавить. «КАДОР», — выднелось между пальцами.

— Ответь мне, — потребовал апотекарий. — То, что мы делаем здесь, не имеет смысла? Нам нечем гордиться?

Несколько мгновений Гримальд не отвечал. Он задумчиво окинул взглядом полуразрушенный храм.

— Город падет, брат. Саррен и другие командующие сегодня стилились с этим фактом. Пришло время выбрать, где мы утрет.

— Тогда пусть это будет место, где

нас запомнят. --- Неровар бережно вручил сосуд с замороженным геносеменем Кагора капеллану. --- Там, где наши смерти будут иметь значение и дадут рождение легендам.

Тримальд посмотрел на три сосуда в руках.

--- Я знаю такое место, --- мягко промолвил он, опасный блеск появился в его глазах, когда он поднял взгляд на боевого брата. --- Это далеко отсюда, но нет места более святого во всем мире. Там мы выкопаем себе могилы и сделаем так, чтобы Великий Враг всегда помнил имя Черных Храмовников.

--- Скажи мне, почему ты избрал это место. Я должен знать.

Правда оказалась... удивительной. Но когда я говорю ее, у меня нет сомнений. Вот что мы должны сделать и вот как должны умереть. Наши жизни являются жертвой, от имплантации геносемена до его извлечения из тел.

--- Мы умрем там, где наши смерти будут иметь значение. Где мы сложим

сражаться с врагом до последнего вздоха и
вдохновлять воинов этого города.

--- Вот слова, достойные
преклюзиарха, --- произнес Неро.

--- Я медленно учусь, --- признаюсь я.

Брат улыбается.

--- Мордред мертв, --- тихо произнес
Неро. --- Но он доверял тебе как своему
наследнику. Верил, что ты достоин.

Я ничего не отвечаю.

--- Не утирай, пока не станешь таким,
как он, Гримальд.

ГЛАВА XX

«Богоборец»

Маралин шла по ботаническому саду, скользя пальцами по покрытым росой листьям и лепесткам розовых кустов.

Только одна из сестер, Алана, обладала достаточными терпением и упорством, чтобы вырастить розовые кусты в душном воздухе и на отравленной почве города. Все остальные розы в саду были выращены сервиторами-культураторами. И это было заметно. Пальцы Маралин, танцевавшие по влажным лепесткам телных от сажи роз, ощущали, насколько нежнее были цветы Аланы в сравнении с бутонами, выращенными аугментированными рабочими.

Им явно не хватало вдохновения, да и откуда ему было взяться при отсутствии у них души.

Пройдя по саду, она вошла в дом настоятельницы. Кондиционеры здания работали на пределе, поддерживая в

главном зале прохладу. Настоятельница сидела, как почти всегда, за громадным столом из редкого каменного дерева и что-то педантично писала мелким почерком.

Она погнула голову, когда вошла Маралин, смотря через корректирующие глазные линзы, которые то и дело соскальзывали к кончику носа.

--- Настоятельница, мы получили весть из Темнесторы.

Больные катарактой зрачки Сингал сузились, и она мягко высыпала песок на пергамент, чтобы высушить свежие чернила. Женщине шел семьдесят первый год, и она не просто выглядела на свой возраст -- он звучал в голосе, когда она говорила.

--- А что со святилищем?

--- Его больше нет, -- выдавила Маралин.

--- Выжившие?

--- Осталось несколько, и большинство ранены. Улей пал, и святилище ордена Пресвятой Девы-Мученицы захвачено врагом. В сообщении говорится, что у выживших недостаточно сил, чтобы

отбить храм. Сестры нашего ордена спешат на помощь из Пепельных Пустошей.

--- Значит, Темнестора пала. А что с ульем Стизия?

--- Пока никаких новостей, настоятельница. Вне всякого сомнения, их высаживают.

Руки пожилой женщины дрожали, хотя обычно занятия каллиграфией ее успокаивали по причинам, которые были выше ее понимания. Они дрожали и сейчас, когда настоятельница отодвинула законченный пергамент и присоединила его к стопке листов.

--- Хельсрич держался долго, но скоро все закончится. Осада почти у наших ворот.

--- Это... касается второго из полученных утром сообщений, настоятельница. --- Маралин вновь судорожно сглотнула. Ей явно было не по себе, и она была совершенно не рада, что именно ей досталась роль вестника.

--- Говори, сестра.

--- Мы получили сообщение от

командующего Астартес в городе. От реклюзиарха. Он сообщает, что его рыцари уже в пути, чтобы присоединиться к нам в защите.

Настоятельница сняла очки и протерла их фланелью. Затем аккуратно водрузила их обратно на нос и в упор посмотрела на девушку.

--- Реклюзиарх ведет сюда своих Черных Храмовников?

--- Да, настоятельница.

--- Хм. Он, случайно, не сказал, чем вызвано их столь внезапное желание сражаться бок о бок с орденом Серебряного Покрова?

Он не сказал, но Маралин внимательно изучала все поступающие по воксу обрывки информации. Это была одна из ее обязанностей, в то время как старшие ее сестры готовились к битве.

--- Нет, настоятельница. Я подозреваю, что это связано с решением полковника Саррена разделить оставшихся защитников по разным твердыням. Реклюзиарх выбрал храм.

--- Ясно. Сомневаюсь, что он спросил

разрешения.

Маралин улыбнулась. Настоятельница уже сражалась ранее вместе с Избранными Императора, и многие ее проповеди включали раздраженные воспоминания об их бесцеремонности.

--- Нет, настоятельница. Не спросил.

--- Типичный Астартес. Хм. Когда они прибдут?

--- До захода солнца, госпожа.

--- Ну что ж. Что-нибудь еще?

Больше новостей практически не было. Но вокс-сети передали несколько предположений о продвижении громадного вражеского титана на север, но подтверждения этому не было. Маралин передала эту весть, но понимала, что разум настоятельницы был занят чем-то другим. Наверняка Храмовниками.

--- Вот проклятие, --- пробормотала старая женщина, поднимаясь из-за стола и опуская перо в чернильницу. --- Девочка, хватит стоять там и таращиться. Подготовь мой доспех.

Глаза Маралин расширились.

--- Настоятельница, как давно вы последний раз надевали его?

--- А сколько тебе лет, дитя?

--- Пятнадцать, госпожа.

--- Ну что ж. Тогда просто скажу, что ты еще не умела подтираться сама, когда я в последний раз уходила на войну. --- Едва доходящая Маралин до побородка старушка прошаркала тимо. --- Но будет интересно вновь проповедовать с болтером в руках.

Повсюду в храме Вознесения Императора сестры готовились к бою. В Хельсриче было мало войск ордена Серебряного Покрова, и пока что их вклад в битву свелся к нескольким ожесточенным отступлениям из городских церквей.

Девяносто семь сестер заняли стены и залы храма, охраняя несколько тысяч слуг, сервиторов, проповедников, послушниц и аколитов. Сам по себе храм состоял из центральной базилики, окруженной высокими стенами из рокрыта, увенчанными стреловидными на город злобными ангелами и ужасными

зоргұлыати. Междү стенами и
центральной строением находилось
кладбище. Тысячи лет назад это были
роскошные сады, взращенные первыми
поселенцами в Армагеддоне. Эти
поселенцы теперь и покоились здесь. Их
кости превратились в пыль, а надписи на
надгробных камнях стерлись от времени.
Рядом были преданы земле поколения их
потомков: святые слуги Императора и
почитаемые усопшие Стальных легионов.

Больше здесь никого не хоронили,
кладбище было признано заполненным.
Согласно официальным записям, вокруг
базилики было девять миллионов сто
восемьдесят тысяч четыреста
шестьдесят могил. На самом деле только
два человека знали, что эти сведения
неверны, и только одному было дело до
этого.

Первым был сервитор, который при
жизни работал садовником и посвятил
несколько лет подсчету могил, когда
разбивал вокруг них цветники, прежде чем
аугментика похитила его волю и
независимость. Садовник был любопытен,

и его удовлетворяло то, что он докопался до истины. Свое открытие он держал при себе, понимая, что доклад начальству может привести к обвинению в пренебрежении основными обязанностями. В конце концов, он был садовником, а не счетоводом или когитатором. Через три месяца после того, как он узнал правду, его поймали на краже коробки с его десятиной и подвергли аргументированию.

Вторым человеком была настоятельница Сингал. Она тоже сама пересчитала могилы, на что понадобилось три года. Для нее это была форма медитации, способ довести себя до состояния единения с людьми Армагеддона. Она родилась не здесь и чувствовала, что в службе людям этого мира такая техника медитации вполне уместна.

Конечно же, она внесла поправки в записи, но они все еще находились в бюрократическом замкнутом круге. Совет кардиналов храма всегда пренебрегал своими обязанностями по работе с бутагами.

Надгробия стояли рядом в группах по родству или службе, и единообразия между ними не было — каждое слегка отличалось размерами, формой, материалом или углом поворота к стоящим рядом, даже в тех секциях, где ряды были организованы в тесные линии. В других частях кладбище было сродни лабиринту, и пробираться между могилами оказывалось довольно сложно.

Храм Вознесения Императора сам по себе был воплощением невероятной готической красоты. Шпили были опоясаны каменными ангелами и изображениями примархов Императора в качестве святых. Витражи в окнах разбрызгивали разноцветный свет, показывая сцены из Великого Похода Бога-Императора, призванного привести звезды в единство под управлением человечества. Изображения потемнее запечатлевали самих первых поселенцев, их деяния по выживанию и строительству, причём преувеличивали все, изображая их строителями славного, совершенного мира золотого света и императорских соборов, а не

индустриальной планеты, которую они построили на самом деле.

Сестры ордена Серебряного Покрова не пребывали в праздности, пока война разоряла другие части города. Небольшие святилища на кладбище стали не только часовнями в честь их основательницы, святой Сильваны, но и аванпостами с тяжелым вооружением. Угловатые серебряные статуи, каждая из которых изображала святого в скорби, триумфе или сомнениях, молча застыли над жертвами пушек.

Сами стены были такими же крепкими, как и городские, с той же плотностью защитных башен. Их укомплектовали ополчением Хельсрича.

Громадные ворота во двор храма не запирались. Несмотря на протесты совета кардиналов, настоятельница Сингал потребовала, чтобы ворота были открыты вплоть до самого последнего момента, чтобы как можно больше беженцев могли обрести здесь стол и кров. Базилика приютила сотни семей, которые не попали в подземные убежища. Сбившись в группы,

они выходили на утреннюю и вечернюю молитвы, вплекая свои голоса в пение, достигавшее безупречно расписанного потолка, где с небес взирал Бог-Император.

Храм Вознесения Императора был настоящей крепостью.

Крепостью, наполненной беженцами и окруженной самым большим кладбищем планеты.

Мы прибыли последними.

Двадцать девять братьев уже ожидали меня, разместившись в десантном отсеке «Грозового ястреба». Таким образом, нас осталось тридцать пять, если считать Юризиана, с безнадежной надеждой ведшего пушку по Пепельным Пустошам.

Тридцать пять из ста, что высадились в Хельсриче пять недель назад.

Один из тех, кто ожидает нашего прибытия, — воин, встреч с которым я всячески избегал все эти пять недель.

Он стоит на коленях перед открытыми воротами громадины-храма.

черный меч он вонзил в тратор перед собой, а скрытая шлемом голова почтительно опущена. Как и у всех остальных Храмовников, на его доспехах почти не осталось следов пергамента, восковых печатей крестоносца и табарда. Я узнаю его по древней броне и черному клинку, перед которым он молится.

Юризиан сам работал над этой броней, восстанавливая ее каждый раз, когда ему выпадала честь ее касаться. А до Юризиана много других магистров кузни поддерживали священный боевой доспех на протяжении столетий, вплоть до ее создателей, сотворивших ее как броню для легиона Имперских Кулаков.

Под черной краской наших доспехов тусклый серый металл. Повреждения на его броне, выкованной во времена, когда примархи шествовали по галактике, обнажают под краской золото. Наследие легиона Дорна все еще здесь, если знать, куда смотреть, меж царапин и трещин, оставленных войной.

Рыцарь встает, легко, словно пушинку, выдергивая меч из тратора.

Голова поворачивается ко мне, и вышедший
поля сражений времен Ереси Хоруса шлем
изучает меня глазами линзами цвета
человеческой крови.

Он приветствует меня, меч уже в
ножнах за спиной, и его перчатки рисуют в
воздухе перед побитой грудной пластиной
аквилу. Я возвращаю приветствие, редко в
моей жизни этот жест бывал столь
искренним. Наконец-то я готов предстать
перед ним и выдержать суровый взгляд его
багровых глаз.

--- Приветствую, реклюзиарх, ---
говорит он мне.

--- Приветствую, Баярд, --- отвечаю я
четнику Императора.

Он смотрит на меня, но я знаю, что
он меня не видит. Он видит Мордгеда,
рыцаря, чье оружие я ношу и чья маска
скрывает мое собственное лицо.

--- Мой сеньор. --- Приат выступает
вперед и преклоняет колени перед
Баярдом.

--- Приат. --- Вокс Баярда издает
стех. --- Все еще живой, как вижу.

--- Ничто в этом мире не изменит

этого, мой сеньор.

--- Поднимись, брат. Никогда не настанет день, когда ты должен будешь стоять передо мной на коленях.

Приам встает, еще раз в уважении склоняя голову, прежде чем вернуться на место рядом со мной.

--- Артарион, Бастилан, рад видеть вас обоих. И тебя, Неро.

Неровар осеняет себя аквиллой, но не говорит ничего.

--- Гибель Кагора оставила рану в моем сердце, брат. Ты знаешь, что мы с ним служили вместе в братстве меча?

--- Я знал это, мой сеньор. Кагор часто об этом говорил. Службу вместе с вами он почитал за честь.

--- И для меня служба с ним была честью. Знай, что полсотни врагов пало от моего клинка в тот день, когда я услышал о его уходе. Трон, он был воином, способным заставить померкнуть свет звезд. Мне будет не хватать Кагора, а Вечный Крестовый Поход обеднеет без его меча.

--- Вы... оказываете великую честь его

памяти. --- Судя по голосу, Неро явно разволновался.

--- Скажи мне, брат. --- Голос Баярга стал тише, словно беженцы, прячущиеся на нас с другой стороны ворот, не имеют права слышать то, о чем мы говорим. --- Я слышал, что удар, унесший его жизнь, был нанесен в спину. Это так?

Неро неохотно кивает:

--- Да.

--- Я также слышал, что он в одиночку убил девять тварей, прежде чем пал от ран.

--- Да.

--- Девять. Девять. Значит, он умер, глядя в лицо врагу, как и должно рыцарю. Благодарю тебя, Неро. Ты принес мне покой.

--- Я... я...

--- Добро пожаловать, братья. Прошло много времени с тех пор, как мы сражались вместе.

В ответ раздается одобрительный шепот, и Баярг переводит взгляд на меня.

Я улыбаюсь под маской.

Они ехали в заднем отсеке
грохотавшей «Химеры» и при каждом
резком повороте ударялись о
металлические стены. Они нашли ее
прямо на шоссе, усеянную пулевыми
отверстиями и лазерными ожогами, но
полностью заправленную и способную
перемещаться. Андрей и остальные
вытащили на дорогу тела мертвых
легионеров, и штурмовик заставил
рабочих прочесть короткую молитву над
усопшими, прежде чем он, как он
выразился, «украдет их коня».

— Манеры ничего не стоят, —
назидательно сказал он им. — А эти люди
умерли за ваш город.

Пассажирское отделение в задней
части «Химеры» было привычной частью
жизни гвардейцев и воняло кровью,
топливом и застарелым потом. На
скрипучих скамьях Магерн и его люди
вместе с Асаваном Тортеллиет сидели и
ждали, пока Андрей не проглотит весь
пути по магистрали Хель.

Он не был слишком хорошим
водителем. Они ему об этом сказали, и

Андрей заявил, что знать не знает, о чем так они болтают. Кроме того, добавил он, левый трак танка поврежден. Поэтому их транспорт постоянно заносит.

Также, заключил он, им стоит просто заткнуться. Только и всего.

Андрей переключал вокс-каналы, но пока ни на одной частоте им не повезло. То ли уже все вокс-башни в городе оказались разрушены, то ли орки стали использовать глушилки. Штурмовик не мог связаться с командованием, и это оставляло ему полную свободу действий. Как всегда, он предпочел идти вперед. Именно так действовал легион, и таковым было кredo Гвардии.

По его мнению, реклюзарх был у него в долгу. В этом случае продвижение вперед означало оставаться с черными рыцарями, пока он не сможет найти хоть кого-нибудь из собственных командиров.

Особенно жутким был момент, когда Андрей смог-таки наладить связь с частями 233-й танковой дивизии Стального легиона, но те были в самом центре безнадежной схватки с вражескими

титанами, так что времени на обмен любезностями не было. Андрей был уверен, что судьба постеялась над ним --- связаться удалось лишь с частью, которую уничтожат через считанные минуты.

Так война не ведется, без сообщения между подразделениями. Это же чистое безумие!

Дым и пламя выгнулись на горизонте впереди, но это не давало ничего для определения направления или пункта назначения. Дым и огонь на горизонте были повсюду. Сам горизонт стал дымом и пламенем.

Андрей не стеялся. Все это его не забавляло, отнюдь.

С тошнотворным скрежетом металла он переключил передачу. Сзади тут же донесся хор жалоб и криков, когда «Хилера» протестующе вздрогнула и еще раз тряхнула пассажиров. Он услышал, как кто-то впечатался головой в стену, и понадеялся, что это был толстый жрец.

Андрей фыркнул. По крайней мере, хоть это было бы забавно.

--- ...кр... сн... тл... --- объявил вокс.

Ага! Явный прогресс.

--- Это рядовой Андрей из...

Он закрыл рот, так как сигнал вдруг стал относительно ясным. Вокс передавал предсмертные крики титана.

--- Держитесь! --- крикнул он и, увеличив скорость, повел побитую машину по магистрали Хель в сторону громадного «Герольда Шторма», висевшегося над промышленными зданиями.

Связь поглотил предсмертный крик «Связанного кровью». Зарха корчилась в саркофаге, пытаясь отделить боль потери от потока информации с сенсоров, на которых она должна сконцентрироваться.

Лишенная кисти рука двинулась вперед в молочной жидкости, и титан подчинился ее яростной воле.

--- Выстрел, --- подтвердил Валиан Кансомир.

В центре промышленного квартала, в окружении горящих башен и разрушенных мануфактурий «Император» стоял под шквальным огнем едва достающих ему до пояса развалюх-шагателей. Щиты

грозили от интенсивной канонады, становясь красными, почти ослепляя.

Плазменный аннигилятор конденсировал энергию, всасывая вихрь воздуха через охлаждаемые клапаны, и содрогался, готовясь к выстрелу. Копошившиеся у ног боготашины орошители шагатели воем сирен предупреждали груг груга. Облако раскаленного пара вырвалось из плазменного оружия, когда усилилось давление, и с ревом, вдребезги разбившими уцелевшие оконные стекла в радиусе километра, «Герольд Шторма» выстрелил.

Хлынувший из оружия поток перегретой, подобной добела раскаленному солнцу плазмы поглотил трех развалюх-титанов и оставил от них лишь озера расплавленного металла.

Фантомная боль обожгла руку Зархи. Она приложила все силы, чтобы выкинуть ее из головы, и сосредоточилась на грохоте кишащих вокруг паразитов. Повреждения щитов были серьезными.

--- «Связанный кровью» не встает, мой принцес.

Зарха знала. Она слышала его крик.

Он умирает.

--- Он умирает.

--- Какие будут приказы, мой принцес?

Стоять. Сражаться.

--- Стоять. Сражаться.

Титан вздрогнул, когда еще один гаргант подобрался ближе, пушки на его плечах гроыхнули. Стоя над поверженным титаном класса «Разбойник» и звавшись «Связанный кровью», «Герольд Шторма» повернулся, стреляя из вспомогательных батарей, в ключья раздирая пустотные щиты врага.

Зарха, смеясь, толкнула руку вперед. Другая рука «Герольда Шторма», колоссальная пушка «Агский Шторм», загудела, когда внутренние механизмы и приводы двигателей раскрутились до требуемого уровня.

--- Мой принцес... --- одновременно предупреждающе выдохнули Лонн и Кансотир.

Зарха захихикала в гробнице с жидкостью.

Умри!

--- Умри!

Вырвавшиеся из орудия «Агский Шторм» пять энергетических копий искромсали развалюху-титана. Меньше чем за три секунды был пробит плазменный реактор, начался критический выброс энергии, а через пять секунд тот взорвался, уничтожив толстого гарганта. Обломки размером с танк врезались в пустотные щиты «Императора», оставив вмятины, которые теперь старались выправить генераторы.

--- Вторичный удар из турболазерных батарей... Зубцы шестеренки, ведь мы поразили орбитальную посадочную платформу Г-71! Мой принцес, утоляю, будьте осторожны...

Гаргант убит. Она облизнула холодные сторщенные губы. Гаргант убит.

--- Гаргант убит.

В полукилометре от мертвого гарганта, уничтоженного лазерным огнем «Герольда Шторма», на землю обрушилась массивная посадочная платформа. Проскользив по грязным облакам, она

пробила крышу горевшего танкового
завода, исторгнув лавину рокрита,
обломков железа, стали и облако черного
дыма и каменной пыли.

Район заводов уже несколько дней
служил ареной сражения между
титанами. Не осталось практически ни
одного целого строения, и ни одна из
сторон не отступала.

--- Мой принцес...

Никаких поучений. Мне на все
плевать.

--- Никаких поучений. Мне на все
плевать.

--- Мой принцес, --- повторил
Валиан. --- Новый контакт. За нами.

Она перевернулась в жидкости,
похожая на рыбу и столь же быстрая.
«Герольд Шторма» с тяжеловесной
медлительностью повторил ее движения,
его мощные ноги с грохотом опускались на
землю. Вид из глаз титана не изменился,
демонстрируя лишь руины и разрушение.

--- Сканер показывает, что это либо
несколько машин вместе, либо одна
машина примерно нашей величины.

Агент, сидевший у консоли ауспика, повернулся и наградил пилотов взглядом трех бионических глаз с линзами из темного-зеленого стекла. Щебетание машинного кода шло вразрез с утверждением Лонна.

Отрицательно. Термальные датчики регистрируют явный одиночный импульс.

Одна вражеская машина.

Это невозможно, подумала принцесса, но мысль не дошла до вокалайзеров. Дрожь пробежала по скелету титана, и Зарха почувствовала себя так, словно ее кожу вновь коснулся ветер из той, другой жизни.

--- Мой принцес, мы должны отступить, --- произнес Лонн, оглядывая горящий район. --- Нам нужно перевооружиться и охладить плазменный реактор в соответствии со стандартными процедурами.

Я знаю это лучше тебя, Лонн.

--- Я знаю это лучше тебя, Лонн.

Но не брошу район, который защищала последние четыре ночи.

--- Но не брошу район, который защищала последние четыре ночи.

— Мой принцес, здесь не осталось почти ничего, что стоит защищать, — настаивал Лонн. — Я повторяю рекомендации по отступлению и перевооружению.

Нет. Я посылаю «Величественного» и «Бивня» выследить приближающегося вражеского титана и подтвердить это визуальным сканированием.

- - - Нет. Я посылаю «Величественного» и «Бивня» выследить приближающегося вражеского титана и подтвердить это визуальным сканированием.

Лонн и Кансомир переглянулись из противоположных углов мостика. Оба модератуса сидели на тронах управления, и на лицах обоих было одинаковое выражение угрученной нерешительности.

— Мой принцес... — попробовал возразить Кансомир, но его тут же прервали:

— Выдигте? Они выдигаются.

На гололитическом дисплее руны разведывательных титанов «Величественный» и «Бивень» прервали

патрулирование периметра на западе и
двинулись на север в поисках
приближающегося теплового сигнала.

--- Мой принцес, у нас недостаточно
боеприпасов для нанесения
разрушительного урона вражеской машине
сравнимого с нами размера.

- - - Я запускаю вентиляцию
реактора и включаю
теплообменники. --- Даже озвучивая
приказы, она посылала эмпатические
сигналы, чтобы сделать загаданное.

--- Мой принцес, этого недостаточно.

--- Он прав, мой принцес. --- Кансотир
повернулся на троне и теперь смотрел
назад, на резервуар Зархи. --- Вы слишком
сблизились с яростью «Герольда Шторма».
Вернитесь к нам и сосредоточьтесь.

- - - Нас защищают три
«Разбойника» и прикрывают
разведчики. Помолчи.

--- Два «Разбойника», мой принцес.

Да. Два. Она дернулась от волны
ярости. Да... два. «Связанный кровью» был
безмолвен и мертв, его сердце остывало,
принцес молчала. Пытаясь в мыслях, она

не заметила, как произнесла:

--- Мы потеряли семь машин за неделю битвы.

--- Да, мой принцесс. Благоразумие сослужит нам сейчас лучшую службу. Если аусник говорит правду, мы должны отступить.

Она плавала в саркофаге, внимая человеческому, слишком человеческому тону. Такие чувства. Такая настойчивость. Она распознала в них страх, но по-настоящему не почувствовала, каково это, бояться.

- - - Мы уничтожили почти двадцать вражеских машин... но я уступаю. Отдайте приказ об отходе, как только придет подтверждение от «Нса войны».

Первым имперским титаном, увидевшим «Богоборца», стал «Бивень». Он крался на согнутых ногах, с вывернутыми в обратную сторону коленями, покачивания из стороны в сторону приносили в его охоту звериную, хотя и механическую грацию.

Класс «Нес войны». И ему подходило это название. Он волчьим бегом прокладывал себе путь через разрушенный промышленный квартал, огибая остовы подбитых танков, которые были уничтожены здесь за неделю боев. Иногда его стопы опускались на мягкую плоть обгоревших тел и превращали ее в размазанную по земле кашу. Район был завален телами мертвых скитариев, гвардейцев, рабочих завода и зеленокожих.

«Бивнем» искусно командовал принцес по имени Хэвен Хэвлок. Принцес Хэвлок, как и большинство его коллег, мечтал командовать огромным боевым титаном, может быть, даже одним из нескольких оставшихся у Инвигилаты драгоценных «Императоров». Его товарищи принцесы — как равные, так и вышестоящие — хорошо отзывались о нем, и Хэвен знал, что слывет в Легионе надежным и ответственным пилотом титана-разведчика.

Терпение было главным из его качеств — терпение и хитрость. Этот превосходный охотничий инстинкт

передался через мысленную связь и «Бивню». Объединенные человек и машина были признанными мастерами в разведке в условиях города, где лучше всего преуспели разведывательные титаны класса «Несвойны».

Связь, которую поддерживали по городу командиры титанов, пострадала так же, как и имперский вокс, но Хэвлок все же улавливал обрывки сведений, что просачивались через хаос эфира. Если где-то тут действительно есть вражеский титан, то боевая группа легко с ним справится. «Герольд Шморла» всего в паре километров к югу, а с ним — «Воздаяние Данола» и «Вурдалак», два боевых титана типа «Разбойник». Список побед на их броне заставил бы устыдиться принцесса титана среднего класса любого другого Легио.

Никакое оружие, из имеющегося у тварей в запасе, не сможет навредить этой группе. Даже самый большой гаргант падет перед «Герольдом Шморла».

Я ничего не вижу, пришел раздраженный прилив машинного кода от

собрата, принцеса «Величественного»
феерны.

Хэвлок потратил четверть секунды
на просмотр скачущих рун. Связь с
системами аусников титана
предоставила примерное местоположение
сородича.

«Величественный» находился в
полукilометре на северо-восток и быстро
двигался через скопление сталеплавлен.
Его уже было бы видно, не закрывай
полуразрушенные заводские строения обзор.

--- Я тоже ничего не вижу, --- ответил
Хэвлок.

--- Это все жара, --- пожаловалась
феерна. --- Искать термальные признаки в
этом некле --- все равно что
высматривать черную кошку темной
ночью. Мои аусники ничего не показывают,
кроме тепловых разрушений. Да тут
может прятаться сам Хорус, и я не буду
зн...

--- феерна! феерна?

--- Зарегистрирован значительный
выброс энергии к северо-востоку, --- произнес
один из модераторов Хэвлока.

--- Подтверждено, --- пробормотал техножрец, сидевший позади кресла принцеса.

--- Феерна! --- Хэвлок попробовал еще раз.

--- Развернуться и двигаться на северо-восток на предельной скорости. Всем быть наготове.

Принцес дернулся в сдерживающем кресле, когда титан подчинился приказу. Соединения оживлялись слабым статическим электричеством, больно вонзавшимся в нервы. «Бивень» был умён. Он что-то почувал.

А затем то же самое почувал и сам Хэвлок.

--- Хннннннг, --- выдал он сквозь сжатые зубы, грожа в кожаных путах, привязывавших его к трону. --- Хнн... Хв...

Боль стертельного крика «Величественного» стихла, и Хэвлок снова смог дышать. Феерны больше не было в живых, как и ее титана. Она была «Псом войны», и ее связь с остальными была тонкой и слабой в сравнении с большими боготашинати. Боль быстро

улетучилась.

Титан с лязганьем прокладывал себе путь по небольшой улице, настороженно поднося руки-орудия. Хэвлок быстро отправил один за другим несколько ментальных приказов, активируя автоматическую перезарядку, охлаждающие клапаны и ускоряя работу поршней. «Бивень» завернул за угол и оказался на широкой улице. С самого утра в квартале пылали разрушенные нефтеперерабатывающие заводы и склады с нефтехимикатами, а половина зданий превратилась в тлеющие руины.

— Где этот ублюдок? — прошептал Хэвлок.

Аусник звякнул, один раз, тихо.

— Есть движение, — пробормотал техножрец, не отрываясь от панели сканера. — Это...

— Я вижу, вижу его. Назад, сейчас же!

Он появился из черного дыма, продвигаясь вперед с помощью неуклюжей помеси танковых гусениц и тяжелых ног. Корявый корпус сужался к голове с жесткой челюстью и свинячьими глазами. Каждый

метр собранного из металлолома тела
усеивали ряды оружейных платформ.

Это была, пожалуй, самая уродливая и
отвратительная вещь, которую когда-
либо видел Хэвлок. Полная
противоположность чистоте богоподобных
машин Механикус. Нет, более того, это
создание оскорбляло принцессу, потому
что оно... заставляло «Герольда Шторма»
казаться карликом.

Но такое чудовище просто не могло
двигаться.

Хэвлок передал цифровую картинку
вражеского гарганта по мысленной связи
принцессе Зархе и всем остальным
командирам титанов поблизости. Это
единственное предупреждение, которое он
успел сделать, потому что «Богоборец»
тут же открыл огонь.

«Бивень» был измелен шквалом
снарядов, лазеров и плазмы. Место гибели
титана и окончание несостоявшейся
карьеры Хэвлока отметил огромный
кратер, который останется и спустя
десятилетия после войны.

«Богоборец» двинулся дальше.

ГЛАВА XXJ

Гибель «Герольда Шторма»

Две машины стояли друг против друга, столь же разные по мощи, как несхожие в чести. Обе в огне, обе источали огонь и дым.

Пространство между гигантами заполнил вихрь выстрелов вспомогательных турелей и орудий на укреплениях.

Внутри «Герольда Шторма» громко и заунывно завыли сирены.

Зарха скорчилась в наполненной жидкостью гробнице, ее конечности дергались в окрашенной кровью воде. Психостигматическая связь убивала ее — повреждения «Герольда Шторма» передавались и телу принцессы. Там, где титан получал вмятины, на ее теле появлялись синяки или ломались кости. Где пробивалась броня, открывались и кровоточили раны. Где «Герольд Шторма» получал ожоги, у принцессы обугливалась кожа.

В командной рубке титана пахло горящим маслом и прогорклым потом.

--- Главный щит восстановлен, --- объявил Кансотир, его руки яростно телькали наг консолью. --- Защита реактора держится.

Погните... погните щиты...

--- Nggggggggnnnn.

ПОГНИТЕ ЩИТЫ.

--- Погните щиты.

--- Уже сделано, мой принцес.

Зарха медленно двигалась и соображала. Боль отнимала значительную долю внимания. Со стоном, который поглотила тишина воды, она отправила приказы на разные палубы и толкнула обе руки вперед через розовую жидкость.

Но ничего не произошло.

Старейшая попыталась еще раз, вопя в насыщенной кислородом жидкости, культами рук молотя по стенке саркофага.

Тщетно.

--- Плазменному аннигилятору нужно еще шестнадцать секунд, мой принцес. Четырнадцать. Тринадцать. Двенадцать.

Стреляйте... из... из другого оружия.
Стреляйте.

--- Крррррррррррррр.

СТРЕЛЯЙТЕ ИЗ ПУШКИ «АДСКИЙ
ШТОРМ». Ее сдвигающая правая культя
вновь и вновь ударяла по стеклянной
поверхности.

--- Стреляйте из пушки «Адский
Шторм».

--- Как только она будет
перезаряжена, мой принцес, --- ответил
Лонн, почти игнорируя Старейшую.

Она отдала приказ стрелять
несколько минут назад. Плавающая в боли,
когда титан распадается на куски, она
вряд ли теперь заслуживала доверия.
Кансомир и Лонн работали почти
независимо от желаний принцес. У них
оставался только один выстрел, прежде
чем отступить, --- вражеский титан уже
приближался, круша рухнувшее тело
«Вурдалака», который выдержал менее
минуты под огнем «Богоборца».

Огневая мощь развалюхи-титана
была просто непредставимой. Никто из
команды «Герольда Шторма» ничего

подобного раньше не видел. Всего несколько минут дуэли боготашин, и «Императора» обьяло пламя, температура стала зашкаливать, и по всем коридорам внутри стальных костей начали вспыхивать предупреждающие огни.

Множество слоев энергетических экранов, служивших титану пустотными щитами, орочий шагатель уничтожил с непостижимой быстротой.

--- Я готов, --- провозгласил Кансомир. --- Огонь.

--- Дождись, пока будут готовы стабилизаторы, --- воскликнул Лонн. --- Им нужна еще минута.

Кансомир подумал, что вера его напарника в бригады техобслуживания, работавшие в плечах титана, достойна восхищения, но невероятно ошибочна в настоящий момент. Он моргнул, тратя драгоценное время на обдумывание просьбы Лонна.

--- Рука не сильно повреждена. Я стреляю. Я могу это сделать.

--- Ты промахнешься, Вал! Дай им тридцать секунд, всего тридцать секунд.

--- Стреляю.

--- Сүкин ты сын!

«Герольд Шторма» согнул колени, готовясь к выстрелу, и плазменный аннигилятор, служивший левой рукой гиганта, начал всасывать воздух.

--- Ты нас угробишь, --- выдохнул Лонн, через запотевшие стекла уставившись на вражеского титана.

Неослабевающий поток огня заставлял щиты «Герольда Шторма» дрожать и окрашивал его в фиолетовый цвет.

--- Пустотные щиты прогибаются, --- продал голос один из техножрецов за боковым терминалом.

--- Вражеская машина готовится стрелять из главных орудий, --- присоединился другой.

--- У них не будет такого шанса... --- Валиан Кансомир улыбнулся с диким блеском в глазах.

Протестующий вопль Лонна потонул в реве. Луч плазмы --- взбитой, кипящей и ослепительно-белой --- извергся из фокусирующего кольца орудия, преодолевая

четыреста метров, разделявшие титанов.
«Герольд Шторма» стоял, приготовившись
к обороне, и не двигался после первых двух
минут обмена выстрелами. «Богоборец»
все так же медленно и громоподобно
наступал.

--- Ублюдок! --- вопил Лонн.

Кансомир промахнулся. Поток плазмы
обжег землю слева от приближающегося
врага, где разложил на составляющие все,
чего коснулся.

Лонн оказался прав. Оружие не попало
в титана, несмотря на захват цели
системами наведения, --- выстрел был
настолько мощным, что аннигилятор
повело в сторону.

--- Я стрелял. --- Кансомир покачал
головой.

--- Пустотные щиты уничтожены, ---
без всяких эмоций произнес техножрец.

--- Я стрелял, --- бессмысленно
повторил Кансомир, не в силах отвести
глаз от приближавшегося вражеского
титана. За их спинами в своем саркофаге
плавала без сознания Зарха.

--- Нет, нет, нет... --- Лонн.

нахмурившись, колдовал над консолью. ---
Этого не может быть.

Титан начал возраживать, когда броня «Императора» стала принимать на себя всю силу вражеской атаки.

Лонн так не работал никогда в жизни. Это был настоящий шквал усилий, наполовину телесных, наполовину умственных. Он чувствовал, как титан проваливается в небытие, как его терпящее сознание затекает мысли самого Лонна. Когда пилот встречал сопротивление в мысленной связи, он компенсировал это командами с пульта.

В командной рубке потемнело. Вражеский гигант заслонил солнце, приближаясь к «Герольду Шторма».

--- Почему он не стреляет? ---
Кансомир работал так же, как Лонн, охлаждая жизненно важные системы, приказывая ремонтным командам осмотреть поврежденные участки, подавая мощность с отключавшихся генераторов щитов обесточенным орудийным батареям.

По мнению Лонна, причина была

очевидной. Подобно управлявшим им
дикарям, гаргант был создан, чтобы
убивать в рукопашном бою. Часть из
усевших развалюх-титана грубых орудий
была поднята — они заканчивались
копьями и когтями, собранными из
трофейного металла. Он хотел разорвать
«Герольда Шторма», словно многорукый
демон из нечестивых эпох доимперской
Терры.

Аугментированные глаза Зархи
внезапно щелкнули, вернувшись к жизни,
когда стало темно. Она пробудилась,
ощущая огонь вспомогательных орудий,
разрушавший броню так, словно с нее самой
заживо сдирали кожу.

Через кровавую жидкость и безумную
боль она подняла трясущиеся культи рук.
«Герольд Шторма» повторил ее движения,
сотрясаясь под огнем «Богоборца». Куски
металла разлетались от гиганта
Механикус дождет, отрываясь от тела и
обрушиваясь на землю. Многие члены
команды «Императора», которые
попытались спастись бегством, были
убиты кусками его обшивки.

Зарха из последних сил в последний раз в жизни устретила обе руки вперед. Плазменный аннигилятор не выстрелил. Не выстрелил и «Агский Шторм». Оба были заняты трудоемким процессом перезарядки.

Обе громадные руки-орудия титана врезались в жирный корпус «Богоборца», пронзив тот насквозь. Скрежетание рвущегося металла стало невыносимым, когда пушки «Герольда Шторма» вошли глубже, стремясь достичь реактора врага.

Гримальд. Я стояла до конца, как и обещала. Пробуди «Оберон». Пробуди его или утри, как ты.

Возможно, мысли Зархи эхом донеслись по эмпатической связи до модераторов, поскольку один из них произнес что-то похожее.

— Мы покойники, — пробормотал Кансомир. Он хотел подняться со своего трона, но пумы и соединительные кабели слишком плотно его держали. Тогда он закрыл глаза.

Лонн понял намерения Старейшей. Он навалился всем телом на рычаги

управления, добавляя свои приказы к воле
Зархи, погружая руки титана все глубже в
грудную клетку гарганта со скрипящей
мучительной медлительностью. Он
ощутил отвлечение, когда через
затемненные иллюминаторы увидел
тварей: клыкастые ксеносы карабкались
вдоль пронзивших «Богоборца» орудий-рук.
Орки воспользовались ими в качестве
лестниц, чтобы взять на abordаж «Герольда
Шторма», и изливались из ран орочьего
титана.

Отключилась энергия, оставив Лонна
в темноте. Но ему даже не нужно было
оборачиваться, чтобы удостовериться,
что Старейшая умерла.

«Герольд Шторма», сцепившись с
гаргантом, стал медленно разваливаться
на куски, терзаемый вражескими
клинками. В конце концов, заключил Лонн,
в такой гибели не было ничего ни
величественного, ни славного.

Рубка содрогалась от ритмичного
бум, бум, бум — это «Богоборец»
продолжал вести стрельбу из орудий; Лонн
вытащил лазнистолеп и повернулся к

запертым дверям, готовый встретить
орков. У него мурашки ползли по коже от
того тихого звука, с которым тело Зархи
ударялось о стеклянные стенки саркофага
из-за тряски титана.

— Я... я стрелял, — заикался Кансотир
на соседнем троне, ожидая в темноте
смерти. — Я стрелял.

Его висок взорвался, когда лазерный
луч пронзил череп.

— Ублюдок, — выплюнул Лонн
скорченному телу.

Он опустил пистолет и глубоко
вздохнул. А затем начал трудоемкий
процесс отсоединения себя от трона
управления.

Было что-то человеческое в том, как
упирал «Герольд Шторма». То, как он
обляк и как дрожал. Его сердце похолодело,
а на теле кишели враги, словно
пожиравшие труп насекомые.

Богонподобная машина заставила
город согнуться, когда наконец
прокинулась навзничь. Остроконечный
собор обрушился с ее спины горой обломков

и кусков брони. Руки со скрежетом
оторвались от плеч.

Голова была оторвана прежде, чем
тело упало на землю, оставив пучок
силовых кабелей и проводов, похожий на
змеиное гнездо. Зажав трофей в когтях
одной из своих многочисленных рук,
гаргант таял и крушил голову, пока не
отшвырнул прочь. Приземлившись, она
разрушила маленькую мануфакторию,
когда бронированная рубка, весившая
несколько тонн, пробила стену здания и
снесла несколько опорных колонн.

На борту «Богоборца» главарь
ксеносов шумно хвастался перед своими
подчиненными эффектностью, с какой
оторвал голову имперскому титану.
Твари посчитали, что она станет весьма
впечатляющим трофеем, который стоит
повесить на гарганте.

Немногочисленные члены команды
Легио, скитарии и техножрецы, уцелевшие
после падения «Герольда Шторма»,
выбрались из поверженного левиафана. В
гневно-тусклом свете слабого солнца Армагеддона
их немедленно уничтожили кровожадные

орки.

Секунд-модератус Лонн был одним из них. Он утвдрился освободиться от кабелей, соединявших его с боготашинной, и выбраться с мостика прежде, чем «Богоборец» обезглавил титана. Но пути он сломал ногу, когда накренившийся коридор отправил его в свободное падение по винтовым лестницам, и выбил несколько зубов, приложившись головой к перилам.

Таща за собой обездвиженную ногу, Лонн сумел выбраться из аварийного люка и лег на теплую броню торса гиганта. Там он и оставался какое-то время, едва живой и истекавший кровью в тусклом солнечном свете. Потом он начал медленно спускаться на землю. Зеленокожие тародеры, роившиеся возле поверженного титана, убили его меньше чем через минуту.

Несмотря на боль, утирая, он стаялся.

Гримальд наконец пришел во внутреннее святилище.

Здесь он был не воином, а скорее

наломником. В этом он был уверен, хотя после разговора с Неро у него осталось ощущение, что он очень мало в чем уверен.

В храме Вознесения Императора понадобилось очень мало времени, чтобы вызвать в рыцаре эту уверенность, однако ощущение это было бесспорным. Впервые с тех пор, как он покинул борт «Вечногo крестоносца», Гримальд чувствовал себя дома, на знакомой и священной земле.

В прохладном воздухе не было привкуса огня и крови, как на планете, на которую у него не было ни малейшего желания ступить. Тишину не раскалывала барабанная дробь войны, в которой он не желал участвовать.

Аугментированные младенцы — прошедшие лоботомию дети, которые останутся навечно юными благодаря манипуляциям с генами и контролю над гормонами, — служили крылатыми сервиторами-херувимами, которые парили на антигравитационных полях и держали знамена в холлах и арочных залах.

Верующие Хельсрича собирались в бесчисленных помещениях базилики, чтобы

возносить ежедневные молитвы. Гримальд
прошел через залу с монахами,
приносившими молитвы путем написания
имен святых на тонких листках
пергамента, которые потом будут
прикреплены к оружию защитников храма.
Один из святых отцов преклонил колени,
когда Астартес проходил мимо, и
попросил Ангела Смерти нести его
пергамент на броне. Тронутый верой
мужчины, рыцарь принял дар и по воле
приказал братьям, рассеянными по храму,
принимать такие дары.

Гримальд позволил монаху при
помощи бечевки привязать пергамент к
наплечнику. Дар был скромной, но
достойной затеной регалией, которые
были сорваны с брони за предыдущие пять
недель битв.

Реклюзиарх решил пройти по храму,
чтобы исследовать все оборонительные
системы и помещения базилики.
Подземелье когда-то было строгим и
безмолвным, здесь стояли только
саркофаги из черного камня. Теперь оно
превратилось в убежище, забитое людьми.

здесь пахло немытыми телами и страхом. Кто-то из людей спал, другие тихо переговаривались; кто-то успокаивал плачущих детей; кто-то раскладывал скудные пожитки на грязных одеялах.

В молчании рыцарь проходил между ними. Беженцы освобождали ему дорогу, у всех был заметен страх, который они испытывали, впервые видя воина Агентуса Астартеса. Родители шепотом объясняли детям, а те так же шепотом задавали новые вопросы.

--- Привет, --- вдруг раздался за спиной тонкий голосок, когда рыцарь поднимался по белым мраморным ступеням.

Реклюзиарх обернулся. Маленькая девочка стояла у основания лестницы, завернувшись в слишком большую для нее рубашку, которая явно принадлежала родителям или старшим детям. Ее редкие светлые волосы были такими грязными, что естественным путем свалились в дреды.

Гримальд вновь спустился по лестнице, игнорируя родителей, шепотом

звавших девочку обратно. Она была не старше семи-восьми лет и ровно по колено рыцарю.

--- Приветствую, --- сказал он ей.

Толпа вздрогнула от вокс-голоса, и у некоторых из стоявших ближе всех перехватило дыхание от неожиданности.

Девочка моргнула.

--- Папа говорит, что ты герой. Ты герой?

Гримальд окинул взглядом толпу. Целеуказатель перемещался от лица к лицу, ища родителей ребенка.

Ничто за два столетия войн не подготовило Храмовника к ответу на подобный вопрос. Собравшиеся беженцы смотрели молча.

--- Здесь много героев, --- ответил капеллан.

--- Ты очень грозный, --- пожаловалась девочка.

--- Я привык кричать, --- сказал рыцарь потише. --- Ты что-то хочешь?

--- Ты спасешь нас?

Он вновь посмотрел на толпу и ответил, очень осторожно подбирая слова.

Это было час назад. Реклюзиарх стоял с ближайшими братьями и чемпионом Императора во внутреннем святилище базилики.

Помещение оказалось большим и с легкостью вместило бы одновременно тысячу молящихся. Сейчас оно было пустым, сотни Стальных легионеров, которые были расквартированы здесь в последние недели, патрулировали кладбище и прилегающие к храму территории.

Несколько дюжин находившихся на отдыхе были выведены отсюда монахами, когда вошли Астартес. Почти немедленно к рыцарям присоединилась новая личность. И надо сказать, довольно раздражающая.

— Ну и что тут у нас? — изрекла раздражающая личность голосом старой женщины. — Избранные Императора наконец-то пришли посражаться вместе с нами?

В залитом солнечным светом зале рыцари обернулись в сторону входа, где стояла маленькая фигура, облаченная в

силовою броню. Болтер, украшенный выполненными золотом письменами, был закреплен у нее за плечами. Оружие было меньшего размера, чем болтеры Астартес, но все равно крайне редко можно было увидеть подобное в человеческих руках.

Ее белый доспех был обильно украшен, демонстрируя высокое положение в ордене Серебряного Покрова. Белые волосы старухи были безжалостно обрезаны, лишь прикрывая уши и обрамляя сморщенное лицо с ледяными глазами.

--- Приветствую, настоятельница, --- поздоровался Баярг, склонив голову, как и остальные Храмовники. Но Гримальд и Приат не стали кланяться --- реклюзиарх сотворил символ аквилы, а мечник и вовсе остался неподвижным.

--- Я настоятельница Сингал, и именем святой Сильваны приветствую вас в храме Вознесения Императора.

Гримальд выступил вперед:

--- Реклюзиарх Гримальд из Черных Храмовников. Не могу не отметить, что ваш голос звучит не слишком приветливо.

— А разве должен? За последнюю неделю пала половина Храмового района. Где вы были тогда, а?

Приам растеялся:

— Мы были в порту, теплая мерзкая гарпия!

— Полегче, — предостерег Гримальд.

Приам ответил щелчком по воксу в знак подтверждения.

— Мы были, как объяснил брат Приам, заняты на востоке улья. Но сейчас мы здесь, когда война в последней стадии и враг подходит к дверям храма.

— Я прежде уже сражалась с Астартес, — промолвила настоятельница, скрестив облаченные в броню руки на символе лилии, начертанном на ее нагруднике. — Сражалась бок о бок с воинами, которые отдали жизни за идеалы Императора, и воинами, которые заботились лишь о славе так, словно носили честь вместо доспехов. И все они были Астартес.

— Мы здесь не для того, чтобы слушать рассуждения о наших принципах, — отозвался Гримальд, пытаясь сдержать

раздражение в голосе.

--- Это не имеет значения, реклюзиарх. Удали своих братьев-воинов из зала, пожалуйста! Нужно поговорить.

--- Мы можем говорить о защите храма в присутствии моих братьев.

--- Да, можем, когда придет время говорить о таких вещах. А пока прошу, удалите их.

--- Ты прошел обряд очищения из Чаши Толкований?

Вот какой вопрос задает она в тишине, которая настает после того, как мои братья вышли, а двери затворились.

Сосуд, о котором говорит настоятельница, оказывается большой чашей из черного металла, водруженной на невысокий пьедестал, похоже из золота. Она стоит у двустворчатых дверей, украшенных образами воинственных ангелов с ценными мечами и сжимающих болтеры святых.

Я признаюсь, что нет, не проходил.

--- Тогда пойдем. --- Она манит меня к чаше. Вода внутри отражает

разукрашенный потолок и витражные окна
наверху -- буйство красок в жидком
зеркале.

Сняв перчатки, Сингал опускает
палец в воду.

-- Эта вода трижды освящена, --
произносит она, пальцем рисуя на лбу
полумесяц. -- Она дарует чистоту целей,
когда вокруг лишь сомнения и потери.

-- Я ничуть не потерян, -- лгу я, и она
улыбается в ответ.

-- Я не умела в виду это, реклюзиарх.
Но многие, пришедшие сюда, потеряли
себя.

-- Почему ты хочешь поговорить
только со мной? Времени мало. Война
докатится до этих стен всего через пару
дней. Нужно подготовиться.

Сингал отвечает, уставившись вниз,
в идеальное отражение в чаше:

-- Эта базилика -- настоящий
бастيون. Твердыня. Мы можем защищать
ее неделями, когда враг наконец решит
осадить ее.

-- Ответь на вопрос! -- На этот раз я
не смог сдержать раздражение, даже если

бы и хотел.

--- Потому что ты не такой, как твои братья.

Я знаю, что когда она смотрит на мое лицо, то видит не меня, а помертвевшую маску Императора, шлем-черепа реклюзиарха Астартес, багровые линзы Избранного. И все же, когда наши взгляды встречаются в отражении в воде, я не могу полностью побороть ощущение, что она видит именно меня под маской и броней.

Что старуха хочет сказать этими словами? Что чувствует мои сомнения? Неужели их, подобно мне, ощущают все, кто рядом со мной?

--- Я ничем не отличаюсь от них.

--- Отличаешься. Ты капеллан, разве нет? Реклюзиарх. Хранитель знаний, души, традиций и чистоты вашего ордена.

Мое сердце начинает биться медленнее. Мой ранг. Вот что она имеет в виду.

--- Понимаю.

--- Как я понимаю, капелланы Астартес облакаются властью самой

Экклезиархией.

Ага. Сингал ищет общую почву. Удаchi ей в этой бесполезной попытке. Она --- воин Имперского Кредо и офицер в церкви Бога-Императора. Но я нет.

--- Экклезиархия Терры подтверждает наши древние обряды, как и право всех глав Реклюзиума в оргене Агентус Астартес обучать воинов-священников вести за собой братьев в битву. Они не надеются на власть. Они признают, что у нас уже есть власть.

--- Ты получил дар от Экклезиархии? Розариус?

--- Да.

--- Могу я посмотреть?

Те немногие Астартес, что удостоиваются вхождения в Реклюзиум, получают в дар медальон-розариус после успешного прохождения первых испытаний в братстве капелланов. Мой талисман был выкован из бронзы и красного железа в форме геральдического креста.

--- Я больше не ношу его.

Она поднимает на меня взгляд, словно отражение шлема- черепа больше

недостаточно четкое для нее.

--- Почему?

--- Он потерян. Уничтожен в битве.

--- Это разве не темный знак?

--- Я все еще жив спустя три года после его разрушения. Я все еще выполняю обязанности перед Императором и следую заветам Дорна. Так что не такой уж и темный знак.

Какое-то время она смотрит на меня. Я привык, что люди таращатся на меня в неловком молчании, привык к их попыткам смотреть украдкой. Но такой прямой взгляд -- что-то новенькое, и понадобилось мгновение, чтобы понять почему.

--- Ты оцениваешь меня.

--- Да. Прошу, сними шлем.

--- Скажи, зачем мне нужно это сделать. -- В моем голосе нет раздражения, только любопытство. Я не ожидал, что она спросит об этом.

--- Потому что я бы хотела видеть лицо человека, с которым разговариваю, и потому что хочу помазать тебя Богом Толкований.

Я мог бы отказаться. Конечно мог бы.
Но не делаю этого.

--- Секунду, пожалуйста. --- Я
размыкаю печати и вдыхаю холодный
воздух храма. Свежая вода передо мной.
Пот беженцев. Обожженный кератит
брони.

--- У тебя красивые глаза, --- говорит
она мне. --- Невинные, но внимательные.
Глаза ребенка или мужчины, только что
ставшего отцом. Строишь на мир вокруг
так, словно видишь в первый раз. Если ты
не против, преклони колено. Мне не
дотянуться.

Я не опускаюсь на колено. Она мне не
сеньор, и унижить себя подобным образом ---
значит нарушить все приличия. Поэтому
я склоняю голову, приближая свое лицо к
ней. Когда она тянется ко мне, сочленения
ее древней брони издают мягкое жужжание
исправного механизма. Я чувствую, как
кончик ее пальца рисует холодной водой
крест у меня на лбу.

--- Вот так, --- произносит она,
надевая перчатки. --- Может, ты найдешь
ответы, которые ищешь в этом доме

Бога-Императора. Ты благословлен и
можешь без вины ступить по священному
полу внутреннего святилища.

Она уже двигается прочь, ее
молочные глаза смотрят в сторону.

--- Пойдем. Я хочу кое-что тебе
показать.

Настоятельница ведет меня в центр
зала, где на каменном столе лежит
открытая книга. Четыре колонны из
полированного мрамора поднимаются над
столом, стремясь к потолку. На одной
висит изорванное знамя, не похожее на все,
что я видел прежде.

--- Смотри.

--- Что это? А, первый архив.

Она указывает на свисающие с
шестов страницы из потертой ткани.
Каждый когда-то белый, а теперь серый.
Лист демонстрирует список имен,
выполненный выцветшими чернилами.

Имена, профессии, мужчины,
женщины, дети...

--- Это первые колонисты.

--- Да, реклюзиарх.

--- Основатели Хельсрича. Это их

патент?

--- Да. В то время, когда великий улей был всего лишь деревушкой на берегу океана Темнест. Именно эти мужчины и женщины заложили храм.

Я приближаю к гудящему стазисному полю, защищающему древний документ, облаченную в перчатку руку. Пергамент, должно быть, был редкостью и роскошью для первых колонистов, судя по тому, что джунгли находились очень далеко отсюда. Вот почему они писали свои достижения на полотняной бумаге.

Тысячи лет назад имперские земледельцы ходили здесь по пепельной почве и заложили первый камень того, что превратится в величайшую базилику, вместившее чаяний целого города. Их дела помнятся даже спустя тысячелетия, и все могут видеть следы этих дел.

--- Ты кажешься задумчивым, --- говорит она мне.

--- Что это за книга?

--- Журнал судна под названием «Стойкость Истины». Это был грузовой корабль с колонистами, который привез их

В Хельсрич. Эти четыре колонны являются генератором пустотного щита, который защищает фоллант. Это главный алтарь. Именно здесь, среди самых драгоценных реликвий, проводятся службы.

Я смотрю на потемневшие от времени, загибающиеся страницы книги. А потом еще раз на страницы знамени.

В конце концов надеваю шлем, окутывая свои чувства избирательной сеткой визора и звуковым фильтром.

— Благодарю, настоятельница. Я ценю то, что ты показала мне.

— Можно ждать и других твоих братьев, Астартес?

На мгновение я думаю о Юризиане, который ведет Оргинатус Армагеддон один. «Оберон» не укомплектован экипажем, работает на минимальной мощности и фактически будет бесполезен, даже если прибьет.

— Да, еще один. Он возвращается, чтобы присоединиться к нам в битве.

— Тогда приветствую тебя в храме Вознесения Императора, реклюзиарх. Как

ты планируешь защищать это святое место?

--- Мы уже прошли стадию отступлений, Сингал. Больше никакой тактики, никаких планов и длинных речей для поддержки слабых сердец и тех, кто боится смерти. Я собираюсь убивать, пока сам не буду убит, --- это все, что остается.

Реклюзиарх и настоятельница обернулись при стуке в дверь.

Моргнув, Гримальд кликнул по руне, чтобы оживить вокс-каналы, но ни один из братьев не добивался его внимания.

Настоятельница Сингал махнула рукой в великодушном жесте, словно тут стояла толпа, которую нужно было поразить:

--- Входите!

Большие металлические створки на тяжелых шарнирах с грохотом отворились. За ними стояли восемь мужчин. Каждый из них был выпачкан кровью, сажей и машинным маслом. С непринужденным мастерством людей,

хорошо знакомых с оружием, они держали в руках лазганы, и на всех, кроме двоих, были испачканные синие спецовки докеров. Один был в рясе, но не голубого и кротового цветов слугителей храма.

Лидер группы поднял очки, позволив им шлепнуться на макушку шлема, и уставился на рыцаря широко распахнутыми глазами.

— Они сказали, что вы будете здесь, — промолвил штурмовик. — Приношу множество извинений за вторжение в это святое место, но я принес новости. Не сердитесь. Вокс все еще играет в какие-то мутные игры, и я не могу ни с кем связаться.

— Говори, легионер, — промолвил Гримальд.

— Твари наступают в великом множестве. Многие недалеко от нас, и я слышал разговор по воксу, что Инвигилата покидает город.

— Почему они бросают нас? — ужаснулась настоятельница.

— Они оставляют город, — признался Гримальд, — если погибнет принцесса.

Зарха. Политика Механикус.

--- Ее больше нет, реклюзиарх, ---
закончил Андрей. --- Час назад ты видели,
как погиб «Герольд Шморла».

Появившаяся позади гвардейцев
девушка-воительница в белой броне ордена
Серебряного Покрова сугорожно вздохнула,
покраснела и устоялась на
настоятельницу:

--- Настоятельница!

--- Спокойнее, сестра Маралин.

--- Мы получили сообщение от Сто
первого Стального легиона! Титаны
Унвизилаты покидают Хельсрич!

Андрей посмотрел на новоприбывшую
так, словно она объявила, будто
гравитация --- это миф. Он медленно
покачал головой, и на его лице явно
проступило глубокое и искреннее
сочувствие.

--- Ты опоздала, девочка.

Первая волна, которая хлынула на
стены храма, оказалась не ордой врагов.

Сначала в воксе ближней связи
появились сообщения от отступающих в

панике трех подразделений Стального легиона. Гримальд ответил при помощи храмовой вокс-системы.

Он приказал всем силам Хельсрича, которые получают это сообщение, отступить к храму Вознесения Императора, прекратив сопротивление. Несколько лейтенантов и капитанов, включая капитана милиции улья, все еще ведшего более сотни людей, отправили в ответ подтверждения.

Отступающие начали прибывать все менее чем через час.

Гримальд стоял с Баярдом на воротах и смотрел вниз на город. Командный «Гибельный клинок» с потемневшим корпусом въехал в квартал кладбища, сопровождаемый взводом гвардейцев, которые жестами показывали водителю направление. Вслед за танком двигалась группа «Леман Руссов» с разнообразным вооружением. Между танками и позади двигались несколько сотен легионеров, одетых все в ту же охристую форму. На носилках несли

множество раненых --- крики и стоны
прорывались сквозь гул двигателей.

Два солдата прошли мимо рыцарей,
неся на матерчатых носилках
корчившегося от боли младшего офицера.
Мужчина потерял руку и ногу, по локоть и
по колено. Его лицо было искажено болью.

Один из несущих кивнул Гримальду,
проходя мимо, и уважительно
пробормотал приветствие.

Хратовник кивнул в ответ.

--- Сражался вместе с ними? --- спросил
Баярд по воксу.

--- «Смервятники Пустыни». Я был с
ними, когда пали стены. Отличные воины.

--- Очень мало их осталось, ---
ответил Баярд со странной резкостью в
голосе.

Гримальд повернул лицо-череп в его
сторону:

--- Их хватит. Верь в клинки своих
братьев, Баярд.

--- Я верю. И уверен в своей судьбе,
капеллан.

--- Мой титул --- реклюзиарх.
Используй его.

— Конечно, как пожелаешь, брат. Но мы защищаем умирающий город вместе с горсткой истекающих кровью людей, реклюзиарх. Я уверен в них, но я реалист.

Гримальд рыкнул по воксу так, что проходившие мимо солдаты уставились на рыцарей:

— Верь в людей этого города, чемпион. Подобное высокомерие недостойно! Мы последние защитники реликвии первых колонистов Армагеддона. Эти люди сражаются за нечто большее, чем их дома и жизни. Они сражаются за честь своих предков. Всех, кто будет жить на Армагеддоне, вдохновит память о жертвах, которым суждено быть здесь принесенными. Кровь Дорна, Баярг... в подобные моменты рождался сам Император.

Чемпион Императора пристально посмотрел на Гримальда, и реклюзиарх почувствовал, как учащенно забилося сердце. Он был разгневан, и это чувство оказалось столь же очищающим, как и время, проведенное в безмятежных залах храма. Баярг наконец заговорил, и его

голос был чистым и искренним, несмотря на чинимые воксом помехи.

— Я был одним из немногих, кто выступил против твоего возведения в ранг Моргрега.

Гримальд хмыкнул и вернулся к наблюдению за проходящими мимо войсками.

— На твоем месте я бы поступил так же.

Семьдесят солдат 101-го Стального легиона прибыли на побитых «Хитерах». Ратна с лязгом опустилась, когда ведущая машина остановилась.

— Оставьте «Хитеры» снаружи, — приказал майор Райкин. Половина лица у него была скрыта повязкой, и он тяжело опирался на плечо женщины, хромая при ходьбе.

— Разве нам не надо завести их внутрь? — спросила Кирия Тиро. Она оглянулась через плечо на оставленные танки.

— К черту их. — Райкин сплюнул кровь, пока она вела его к двум рыцарям. —

Осталось слишком мало снарядов, чтобы в них был смысл.

--- Гримальд, --- протолвила Кирия, глядя вверх на высокого воина.

--- Приветствую, квинт-агьютанн Тиро. Майор Райкин.

--- Нас отрезало от Саррена и остальных. Тридцать четвертый, Сто первый, Пятьдесят первый... все они в центральных промышленных кварталах...

--- Неважно.

--- Что?

--- Неважно, --- повторил Гримальд. --- Мы защищаем один из последних оплотов света в Хельсриче. Судьба привела вас в храм Вознесения Императора. Саррена судьба привела в другое место.

--- Клянусь Троном, там еще тысячи этих ублюдков. --- Он вновь сплюнул кровавую слюну, и Тиро застонала, когда он сильнее на нее оперся. --- И это еще не самое худшее.

--- Объяснись.

--- Инвигилата уходит, --- сказала женщина. --- Бросает нас утирать. У врага все еще есть титаны --- причем один

такой, что невозможно поверить, не
увидев собственными глазами. Мы
наблюдали, как он двигался с
Росторикского сталеплавильного завода,
сокрушая жилые высотки на своем пути.

--- Тридцать четвертый
бронетанковый выдвинулся, чтобы
остановить его. --- Райкин морщился от
боли, когда говорил. Его повязки намокли
от крови там, где, по всей видимости,
была пустая глазница. --- Но он сомнет их к
тому времени, как шакалы начнут выть
на полную луну.

Забавное местное выражение.
Гримальд кивнул.

--- «Герольд Шторма» погиб, ---
добавил Райкин.

--- Я знаю.

--- Этот «Богоборец»... он убил
Старейшую и уничтожил «Герольда
Шторма».

--- Я знаю.

--- Знаете? Тогда где этот
проклятый Оргдинатус? Он нам необходим!
Больше ничто не сможет уничтожить
это гигантское лязгающее... нечто.

--- Он идет. Входите и обратитесь к
раны. Вам нужно быть наготове.

--- Ох, мы все будем готовы. Ублюдки
изуродовали мне лицо, и теперь у меня к
ним личный счет!

Когда они двинулись прочь, Гримальд
услышал, как Тиро мягко упрекала майора
за его браваду. Когда парочка была уже за
воротами, но все еще в пределах
видимости, реклюзиарх увидел, как
адъютант поцеловала майора в
незабинтованную щеку.

--- Безумие, -- прошептал рыцарь.

--- Реклюзиарх? -- спросил Баярд.

--- Люди, -- тихо ответил Гримальд. --

Они загадка для меня.

ГЛАВА XXII

Вознесение Императора

В конце концов сообщения по воксу стали доходить до защитников, собравшихся в районе храма. План Саррена «Сто оплотов света» исполнялся, и имперские силы группировались вокруг защитных сооружений в жизненно важных частях города.

Связь была в лучшем случае эпизодической, но тот факт, что она вообще была, воодушевлял. Каждый опорный пункт держался крепко, исчезли различия между штурмовиками, гвардейцами, бронетанковыми подразделениями Стального легиона, ополчением и горожанами, которые предпочли не дрожать от страха в убежищах, а выйти на улицу с оружием в руках.

К счастью для имперских сил, вражеских титанов осталось мало. В последних боях машинный парк зеленокожих понес значительные потери от гнева Легио Инвизилаты.

Остатки Имперского флота обосновались в костопорте Азал и продолжали оказывать воздушную поддержку танковым батальонам, защищавшим наземные убежища в районе Яега. Здесь шли самые жестокие бои, и хроники Третьей Войны за Армагеддон подтвердят, что многие из деяний, которые использовали в последствии в качестве пропаганды, оказались абсолютно истинными. Многие из этих героических историй сохранились благодаря комиссару Фалькову. Его воспоминания, названные «Я был там...», стали обязательной к прочтению книгой для офицеров Стальных легионов в течение многих лет после войны.

Имперские хроники позднее утверждали, что капитан Гелий пожертвовал своей жизнью, направив «Молнию» в реактор вражеского гарганта «Кровавый Осквернитель». Но правда была гораздо прозаичнее — как и Барасат, Гелий был сбит и разорван на куски вскоре после приземления с гравитомом.

Присутствие «Богоборца» резко

изменило соотношение сил. Хотя боготашина превратилась в тень самой себя, получив множество ран и потеряв конечности в дуэли с «Герольдом Шморта», в городе уже не было машин. Инвизилаты, способных противостоять гаргантю.

Опустошив комплекс литейных цехов Абракас, могущественный гигант принялся бродить по городу, атакуя имперские силы всюду, где их находил.

Имперские хроники позднее расскажут, что на второй день осады храма Вознесения Императора вражеская машина «Богоборец» будет уничтожена.

И это было абсолютной правдой.

Юризиан смотрел, как механические гиганты шагают по городу, переступая через разрушенные стены. Это были целевые машины Легио Инвизилата — и магистр кузни изумленно смотрел из командного отсека «Оберона», как титаны оставляют пылающий город.

Первой была машина класса «Разбойник» — боевой титан, который

получил серьезный урон, если судить по подгнивавшимся от его спины столбам дыма. Рядом с ним, неуклюже раскачиваясь из стороны в сторону, пробирался по песку два «Нса войны».

Пустоши вокруг Хельсрича напотинали кладбище. Тысячи мертвых орков гнили, убитые в атаках Барасата или уничтоженные в неизбежных межплеменных схватках, которые всегда начинались, когда эти твари сбивались в стаю.

Подбитые танки стояли повсюду — собранное из мусора в мусор и обратилось. Посадочные шаттлы орков стояли покинутые, потому что все ксеносы, способные держать топор, находились в городе. Примитивные твари пришли на Армагеддон сражаться и убивать или сражаться и умереть. Им было неважно, какая судьба постигнет оставленные в пустыне суда. Предусмотрительность и размышление были за гранью возможностей зеленокожих.

Юризиан не пытался скрыть свое присутствие. Да и толку в этом было бы

мало, так как приближавшиеся титаны наверняка увидели бы энергетическое пятно «Оберона» на своих мощных аэспиках. Так что он ждал, пока титаны Инвигилата подойдут ближе. Земля грозила при их приближении. Юризиан понял это по перекрученным металлическим обломкам и телам, разбросанным по пустыне, которые стали угрожать в ритм с шагами богоподобных машин.

Раненый «Разбойник» остановился, его громадные сочленения протестовали против того, что титан все еще на ходу. Он был сильно поврежден, и принцес явно терял контроль над стабилизаторами машины. Гигант медленно направил руку на командный модуль «Оберона», и Юризиан обнаружил, что смотрит в грозный зев многоствольного бластера.

Магистр кузни посчитал, что с поднятými щитами Ординатус мог бы выдержать несколько минут стрельбы главного орудия «Разбойника». Но у «Оберона» не было щитов. Они оказались одной из многих вторичных систем, для

активации которых у Храмовника не
оказалось ни времени, ни квалификации.

Он знал, на что способен
многоствольный бластер, и видел, как
залпы орудия уничтожают целые
подразделения танков, отрывают головы и
конечности титанам врага. Броня
«Оберона» смогла бы продержаться всего
несколько секунд.

Титан молча взирал на него сверху
вниз, и принцесс, несомненно, размышлял,
что делать с таким невероятным,
неслыханным богохульством. Пригнувшись,
«Нсы войны» настороженно кружили возле
неподвижного Ординамуса, в угрожающем
приветствии подняв руки-пушки. Их
поведение в очередной раз позабавило
магистра кузни. Как же правдоподобно они
изображали волков!

— Приветствую, — сказал он сразу по
нескольким общим вокс-каналам. Но правде
говоря, тишина его уже утомила. Он был
очень, очень далек от того, чтобы
пугаться.

— Это что за святотатство? —
проотрещал ответ из динамиков

командного подюля. --- Какой еретик
постел осквернить покой «Оберона»?

Юризиан откинулся на троне
управления, облокотившись на
подлокотники и скрестив пальцы перед
лицом в шлеме.

--- Я Юризиан из Черных
Храмовников, магистр кузни «Вечног
крестоносца», многие годы обучался
Культом Механикус на самом Марсе.
Ординатус Армагеддон принадлежит мне.
Я покорил его защитные системы и
пробудил душу, подчинив своей воле. Я
призван в Хельсрич, чтобы оказать ему
возможную помощь. Помогите мне или
отойдите в сторону.

Последовала длительная пауза, и в
других обстоятельствах это было бы даже
оскорбительно. Юризиан подозревал, что
его слова передались всем принцесам
близости и наверняка все они теперь
спешили сюда.

В полукилометре от них другой
«Разбойник» проломил городскую стену,
выбираясь в Пепельные Пустоши. Рыцарь
смотрел, как сравнительно

неповрежденный титан двинулся в его сторону.

--- Ты совершил святотатство, выступив против боготатины и его слуг!

--- Я использую военное оружие для защиты имперского города. А вы помогите мне или отойдите.

--- Оставь Оргинатуса! Или будешь уничтожен!

--- Вы не откроете огонь по своей святейшей реликвии, а я не уполномочен главой моего ордена выполнять ваши требования. Это приводит к безвыходному положению. Обсудим приемлемые условия, или я доставлю «Оберон» в город незащищенным, что без поддержки Механикус наверняка приведет к его уничтожению.

--- Твой трюп будет извлечен из священных внутренних Оргинатуса Армагеддона, и все следы твоего существования будут стерты из памяти!

Юризиан вдохнул, чтобы озвучить свои условия, но тут ожил вокс. Гритальд, ну наконец-то.

--- Реклюзиарх. Я уверен, что время

наконец-то пришло.

--- Мы сражаемся у храма Вознесения Императора. Как скоро ты сможешь доставить сюда оружие?

Магистр кузни выглянул из бронированных окон на патрулировавших его титанов, затем на город впереди, подпочерневшими от дыма небесами. Он знал окрестности улья по гололитам, простотренными ранее.

--- Через два часа.

--- Каково состояние оружия?

--- То же, что и раньше. У «Оберона» нет защитных щитов, нет вторичных систем вооружения, возможности суспензорного поля ограничены, поэтому скорость очень небольшая. Я смогу стрелять из него не чаще чем раз в двадцать минут. Мне потребуются вручную перезарядить топливные аккумуляторы и восстанавливать поток из плазменного ре...

--- Жду тебя через два часа, Юризиан. За Дорна и Императора!

--- Как скажешь, реклюзиарх.

--- Да, и еще кое-что, магистр кузни.

Бери врага на прицел как можно дальше от храма, иначе тот превратится в огонь и пепел. Сделай один выстрел и уходи из города. Догони отступающие силы Инвизилаты и свяжись с имперскими войсками у Болиголова.

--- Ты хочешь, чтобы я сбежал?

--- Я хочу, чтобы ты жил, а не умер напрасно и сохранил ценное для Империи оружие. --- Гримальд утолк на мгновение, и пауза наполнила ярость далеких орудий. --- Мы все погибнем здесь, Юризиан. Нет бесчестья, что твоя судьба будет иной.

--- Назови цель, реклюзиарх.

--- Ты увидишь ее, как только подойдешь к Храмовому району, брат. Она называется «Богоборец».

Четыре титана вскоре преградили ему путь.

Самым мощным из них --- и последним из прибывших --- стал «Владыка войны», броня которого была черной от краски, а не от боевых ожогов. Орудия направлены на Ординатуса. По цифровому обозначению на корпусе титана можно было

идентифицировать как «Баньши».

--- Я принцес Амасат из
Цнвигилаты, второй командующий
войсками Старейшей и наследник титула
в случае ее смерти. Немедленно объясните
все это безумие!

Юризиан взглянул на город и
тщательно продумал предложение, прежде
чем озвучить его. Он говорил с
убежденностью, потому что отлично знал
судьба ли у Механикус имеется выбор. Он
собирается вернуться в город, и, во имя
богаташины, они пойдут вместе с ним.

Кладбище, тот громадный сад
катней и захороненных костей, стало
пристанищем бури, до этого разорявшей
Храмовый район.

Когда танки проделали бреши в
стенах и твари хлынули через проломы,
тысячи последних защитников Хельсрича
поджигали их за мавзолеями, могильными
катнями, изукрашенными гробницами
основателей города и раками святых.

Яркие лучи лазерного огня, подобно
паутине, накрыли поле битвы, рассекая

инопланетных тварей на куски.

В авангарде защитников храма сражался облаченный в черное воин. Каждый взмах его булавы заканчивался ударом, обрывавшим орочью жизнь. Плазменный пистолет давно разрядился и висел с запястья на толстой цепи. Когда битва становилась особенно яростной, Храмовник размахивал им как цепом с такой силой, что проламывал прочные черепа орков.

Рядом в стертоносной гармонии двигались и кружились два мечника. Приат и Баярд прекрасно дополняли друг друга мастерским владением клинком, они рубили и пронзали орков одинаковыми ударами, одинаково двигались и порой даже действовали одновременно.

У Артариона не осталось знамени, даже клочков не сохранилось. Поэтому теперь он орудовал двумя ревущими цепными мечами, чьи зубья уже притупились и забились кровью и ошметками плоти. Бастилан прикрывал брата, меткими выстрелами из болтера разрывая плоть ксеносов.

Неро все время находился в движении, аптекарий не позволял себе даже секундной передышки. Он перепрыгивал через трупы зеленокожих, болтер не затолкал, грохоча и отбрасывая тварей от тела очередного павшего рыцаря и давая время извлечь геносемя убитого.

Когда ему приходилось совершать этот ритуал, по бледному лицу текли слезы. Но не от гибели братьев, а от ужасного чувства напрасности усилий. Их генетическое наследие никогда не покинет Хельсрич, чтобы стать частью новых Астартес. А ведь ни один орден не может себе позволить с легкостью пережить потерю сотни лучших братьев.

Примерно в то время, когда Юризиан входил в город в сопровождении пяти титанов Легио Инвизилаты, крики «Отступаем! Отходим к храму!» пронеслись по неровным линиям защитников.

Объединенные в отделения, отряды, просто случайные группы мужчин и женщин — все начали отступать под неослабевающим натиском зеленокожих.

Но отступать нeкyдa. Нeкyдa
бeжaть.

Но нeт! Я нe yтpу нa этoм клaдбищe,
coкpyшeнный злoт, тoлькo из-зa тoгo, чтo
дикaрей прoстo бoльшe, чeм нaс. Тaкoй
врaг нe зaслyживaeт пoбeды.

Грeня сaпoгaтaм пo пoкaтoй брoнe, я
зaпрыгивaю нa бaшню пoдбитoгo
«Гибeльнoгo клинкa». В вoдoвoрoтe битвы
вoкpyг тaнкa я вижy coлдaт 101-гo
Стaльнoгo лeгиoнa и пoртoвыx рaбoчих,
кoтoрыe хoтят oтстyпить. Их пeрeдний
ряды yжe выкoшeны тoпoрaми
зeлeнoкoжих.

Хвaтит!

Твaрь, кoтoрyю я ищy, сaмa нaхoдит
мeня. Oгpoтный, нaвисaющий нaд
мeньшими сoрoдичaми, пoкрытый
нeвepoятными мyскyлaми нa ypoдливых
кoстях, co злoвoннoй гpибнoй кpoвьy, чтo
тaкoгo питaeт мepзкoe сeрдцe. Opк зaпрыгивaeт
нa кoрпyс тaнкa, пo вceй видимoсти жeлaя
внeчaтлить плeмя нaшeй титaничeскoй
дyэлью. Вoзмoжнo, он вoждь. Нeвaжнo.
Пpeдвoдитeли зeлeнoкoжих рeдкo

избегают возможности сразиться с имперскими командующими у всех на виду — они отвратительно предсказуемы.

Сейчас не время для игр. Мой первый удар становится и последним — пробив защиту, сокрушив скрещенные топоры и глубоко вонзив орла на вершине крозиуса в ревущую торгу.

Тварь падает с «Гибельного клинка» другой трясущейся плоти и уже бесполезной брони — орк столь же жалок в смерти, как и при жизни.

Я слышу, как сквозь вокс-передатчик хохочет Приам, который сражается сбоку от танка и выслеживает убитых им ксеносов. С другой стороны танка тем же заняты Артарион и Бастилан. Зеленокожие вдвое усилили натиск — они рвутся в бой с удвоенной яростью и растеряв половину уления. И хотя я могу наложить епитимью на братьев за подобное действие, я не делаю этого.

Я смеюсь вместе с ними.

Асаван Тортеллий был удивительно спокоен, учитывая грожащие стены и

звук битвы снарядов. Это была не крепость-собор на спине титана, где он в безопасности нес свою службу. Это был посаженный храм.

Понадобилось немного времени, чтобы найти себе дело внутри базилики. Он быстро понял, что оказался единственным жрецом с опытом службы на поле боя. Большинство послушников и низших служителей Экклезиархии нервно и торопливо выполняли свои каждодневные обязанности, боясь, чтобы война осталась за стенами храма. Кто-то трусливо скрылся в подполье вместе с беженцами, принося больше вреда, чем пользы. Обливаясь потом, они были не в состоянии своими заикающимися проповедями поточить ни одной души.

Асаван спустился вниз, отличаясь от остальных жрецов грязной одеждой и наличием шевелюры на голове. Он ходил среди людей, мягко разговаривая с ними, был особенно терпелив с детьми, благословляя их именем Бога-Императора. В Его ипостаси Бога-Машины и произнося молитвы над мальчиками и девочками.

которые казались наиболее испуганными и подавленными.

Внизу у ступенек стоял одинокий страж. Хрупкая, невысокая и стройная девушка в силовой броне, которая казалась слишком громоздкой, чтобы быть удобной. Болтер она держала так, словно уже собиралась стрелять.

Асаван двинулся к девушке, мягко шелестя стертými подметками по грязному каменному полу.

--- Приветствую тебя, сестра, --- произнес жрец, понижая голос.

Она не шевельнулась, стоя на страже, хотя он видел легкое движение глаз, выдававшее, как трудно ей сохранять неподвижность.

--- Мое имя Асаван Тортеллий, --- сказал он девушке. --- Может, ты опустишь оружие?

Девушка посмотрела на Асавана, встретилась с ним глазами. Но болтер не опустила.

--- Как тебя зовут? --- спросил он.

--- Сестра Маралин из органа Се...

--- Привет, Маралин. Расслабься, враг

пока за стенами. Могу я попросить тебя
опустить оружие?

--- Зачем? --- спросила она почти
шепотом.

--- Потому что ты лишь нервирешь
людей. Пусть они видят тебя. Ты их
защитник! Пусть они найдут успокоение в
твоем присутствии. Но для этого ходи
среди них, говори добрые слова. Не стой
здесь в трачном молчании, сжимая
оружие. Ты даешь им еще больше причин
бояться, а тебя не для этого сюда
направили, Маралин.

Она кивнула:

--- Благодарю, отец.

Она закрепила болтер на магнитных
затках на бедре.

--- Пойдешь, --- улыбнулся Асаван. ---
Позволь представить тебя некоторым
здешними обитателями.

Пустотные щиты «Баньши» грожали
и осыпались искрами, становясь видимыми
при каждом попадании дождем
отлетающих от них разрывных снарядов.
Недолгое рычание аккумуляруемой мощи

закончилось ослепительным выбросом энергии, когда «Владыка войны» испепелил несколько танков, мешавших ему пройти по магистрали Хель.

Черный дым и запах гари остались единственными свидетельствами того, что танки вообще когда-то существовали. За широко шагавшим «Баньши» продвигался вперед «Оберон» на антигравитационных суспензорах, мягко поднимаясь над препятствиями на пути. Затыкали колонну крадущиеся «Нсы войны», которым «Баньши» приказал возвратиться в город.

Заключенное соглашение было крайне простым, и именно поэтому Юризиан был уверен, что план сработает.

— Защищайте «Оберон», — велел он. — Обороняйте, чтобы сделать единственный выстрел и уничтожить главного гарганта врагов. Затем Ординатус будет возвращен под ваш контроль.

Какой у них был выбор? Резкий голос Атасата по воксу обещал всяческие кары, которые последуют, если что-то пойдет не так. Юризиана это, правда, заботило

меньше всего. У него была теперь необходимая поддержка и цель, которую нужно было уничтожить.

Сопротивление пехоты подавлялось мгновенно и жестоко. Бронированные части держались не дольше. По пути через Храмовый район они не встретили вражеских гаргантов.

--- Это потому, богохульник, что Инвигилата уничтожила контингент вражеских титанов.

--- За исключением «Богоборца», --- отозвался магистр кузни. --- Кроме убийцы самого «Герольда Шторма».

Аласат решил не возражать.

--- У меня ничего нет на ауспике, --- ответил он телу.

--- У меня ничего, --- отпарентовал принцепс одного из «Нсов войны».

--- Я ничего не вижу, --- доложил второй из них.

--- Продолжайте охотиться. Подойдите ближе к храму Вознесения Императора.

Конвой Механикус с горьким достоинством двигался по разрушенному

городу еще восемь минут и двадцать три секунды, прежде чем Амасат вновь подал голос:

--- Почти четвертая часть врагов внутри этого улья осаждает храм Вознесения Императора. Ты угрожаешь «Оберону» не только осквернением, но и уничтожением? Неужели твоя ересь безгранична?

Пришел черед Юризиана воздержаться от аргументов.

--- Вижу тепловой сигнал, --- сказал он, изучая тусклый экран аусника слева от трона управления. --- Плазменное пятно, температура слишком высокая для обычного огня.

--- Я ничего не вижу. Координаты?

Юризиан передал данные о местоположении --- на самой границе радиуса сканеров, в нескольких минутах пути.

--- Оно движется к храму.

--- Уточни скорость.

--- Быстрее нас.

Затянувшуюся паузу прервал нагнетливый голос Амасата:

--- Тогда я дам тебе ту победу, которую ты хочешь. «Талистан» и «Священная Истина» --- остаются с благословенным орудием.

--- Да, принцес, --- ответили оба «Нса войны».

«Баньши» двинулся вперед. Бронированные плечи ссутулились, когда гигант зашагал более быстрыми и широкими шагами. Юризиан слышал протестующий рык и хруст сочленений, крик духа машины, чей металл подвергался таким нагрузкам. Магистр кузни негромко поблагодарил гиганта за будущую жертву.

ГЛАВА XXIII

Поверженный рыцарь

Андрей и Магерн вбежали в базилику, их запятнанные кровью сапоги скользили по мозаичному полу. Десятки гвардейцев и ополченцев рассредоточились по обширному холлу, переводя дыхание и занимая оборонительные позиции у колонн и за скамьями.

Кладбище снаружи было завалено мертвыми врагами, но оставшиеся в живых несколько сотен имперских воинов больше не могли держать оборону.

--- Это помещение... --- Портовик тяжело дышал. --- Здесь мало укрытий.

Андрей отстегивал силовой ранец.

--- Это неф.

--- Что?

--- Помещение называется нефом. У тебя прав: защиты здесь нет. --- Штурмовик вытащил пистолет и побежал дальше внутрь храма.

--- Ты что делаешь? А как же винтовка?

--- Она разрядилась! Пошли, мы должны найти жреца!

Райкин стрелял из автоматического пистолета, тратя на прицеливание между выстрелами считанные мгновения. Майор припал к земле за черным камнем усыпальницы святого, имя которого он не смог вспомнить. Отдача от выстрелов была резкой и сильной, гильзы со звоном сыпались на ближайшие надгробия.

--- Отступаем, сэр! --- завопил один из его людей.

Унопланетные твари прорывались через кладбище подобно шутной, монолитной апокалиптической волне.

--- Еще нет...

--- Сейчас же! Пошли, глупец! --- потянула его за плечо Тиро.

Пистолет потерял цель. Впрочем, все равно стрелять в орков было то же самое, что плевать в океан. Райкин выскочил из-за относительно безопасного укрытия за плачущей статуей. И вовремя, потому что через мгновение ее разнесло на куски огнем из автоматического

вражеского стаббера.

--- Они идут? --- закричал он второму офицеру, тяжело хромая.

--- Кто?

--- Чертовы Храмовники!

Но они не приходили.

Отступающим уцелевшим солдатам показалось, что черные рыцари лишились разума: Храмовники прорубали себе путь вперед, в то время как прикрывающие их войска сломали строй и отступили.

Никто ничего не мог понять.

Никто не получал ясного ответа по воксу.

Баярд погиб.

Приятно видеть, как пал великий чемпион и за одно сердцебиение был утрачен его стиль смертоносных ударов. Мечник убивал с основательностью крестьянина, который колет гроба в каком-нибудь захолустном агромире, он сражался великолепным мечом с острыми лезвиями, окутанным смертоносной энергией, как обычной глубиной.

--- Неровар! --- завопил Приам по воксу. ---
Неровар!

Другие Храмовники подхватили крик, зовя апотекария извлечь геносетя героя.

Баярг стоял, прислонившись к стене изукрашенного мавзолея, вырезанного из белого с розовыми прожилками камня. Тело не упало лишь потому, что через горло прошло копье. Вне всякого сомнения --- смертельный удар. Приам выиграл секунду, прекратив отчаянно блокировать и парировать, --- мечник рискнул принять удар топора на наплечник и использовал ее, чтобы вытащить копье. Топор ксеноса высек искры, когда отскочил от кератитовой защиты плеча. Труп чемпиона Императора рухнул на землю, избавленный от унижения.

--- Неровар! --- вновь воззвал Приам.

Первым до него добрался Бастилан. Снятый с сержанта шлем обнажил лицо столь окровавленное, что только по белкам глаз можно было понять, что он был человеком. Кровавые клочья кожи свисали с головы, обнажая череп.

--- Черный меч!

За четыре удара бешено бьющихся сердец Приат отразил дюжину ударов. У него не было времени добраться до благословенного оружия, что выронил погибший Баярд.

Изувеченное лицо Бастилана вдруг разлетелось кровавыми брызгами. К тому времени как обезглавленное тело сержанта с глухим лязгом керамики упало на землю, Приат вознал силовой меч в грудь вооруженного болтером орка, который стоял за спиной убитого рыцаря.

--- Неровар!

Последние слова Бастилана что-то изменили в Храмовниках.

Их осталось двенадцать.

Рыцари сгрудились в кучу, их клинки рубили и кромсали не только, чтобы убить врагов, но и чтобы защитить братьев позади себя. То была инстинктивная жестокость, рожденная в многих десятилетиях сражений плечом к плечу.

--- Возьми меч! --- прорычал Гримальд.

Он атаковал впереди остальных, яростно
разя врагов крозиусом и прокладывая
кровавый путь к Приаму. — Верни нам
Черный меч!

Мы не можем оставить его здесь. Мы
не можем оставить его на поле битвы,
если жив хоть один из нас.

Люди называют нас по воксу
безумными и просят отступить вместе с
нами. Для них эта резня, должно быть,
похожа на сумасшествие, но у нас нет
никого выхода. Мы перестанем быть
Крестовым Походом, это нарушит нашу
самую священную традицию. Черный меч
должен оставаться в черных руках до тех
пор, пока есть кому его сжимать.

На мгновение — всего на одно
мгновение — я чувствую боль, когда вижу
тела Баярга и рядом Бастилана. Двое
лучших братьев меча, когда-либо
служивших ордену, пали во славе. Все
больше инопланетных тел заслоняют мне
обзор. Еще больше ксеносов истекут
кровью, пока я прорублюсь к Приаму.

Жажда кровопролития и трачное

спокойствие нисходят на нас. Яростная битва, оружие лязгает о броню, а я резко шепчу слова по вокс-каналу, которые, как я знаю, не слышит никто, кроме него.

--- Приам!

--- Реклюзиарх.

Моя булава отбрасывает двукратных тварей, и на один удар сердца никакие инопланетные варвары не разделяют нас. Взгляды встречаются в эту секунду, прежде чем нас обоих заставляют отвернуться и продолжить бой с новыми врагами.

--- Ты новый чемпион Императора Крестового Похода Хельсрич, --- говорю я ему. --- Возьми свой меч!

Майор Райкин говорил в наручный вокс, повторяя то же самое, что и минуту назад. Голос эхом разносится по нефу, странно дополняя хриплое дыхание и стоны раненых.

--- Кто-нибудь из бронетанковых подразделений, ответьте. «Богоборец» замечен к югу от храма. Кто-нибудь из бронетанковых подразделений, ответьте.

ответьте.

Со своего наблюдательного пункта у одного из разбитых витражей майор наблюдал, как над разрушенными стенами кладбища висит туча гарганта.

Он не узнал голос, который наконец ответил. В нем одновременно были горечь и раздражение, но майор все равно улыбнулся.

--- Принято.

--- Эй, назовите себя.

--- Я Амасат, принцес «Баньши» --- титана класса «Владыка войны».

«Баньши», названный так по имени визгливого чудища из мифологии Древней Терры, сделал все, что мог, чтобы привлечь внимание «Сокрушителя Богов». Залпы из орудий-рук и установленных на плечах батарей обрушились на силовые щиты гораздо более мощного титана. Сирены, которые использовали, чтобы предупредить свою пехоту об опасности, ревели на гарганта. «Богоборец» разразился потоком так называемого «белого шума». В ответ раздался всплеск

машинного кода от техножрецов
«Баньши».

Этого оказалось достаточно, чтобы
отвлечь гарганта от намерения сровнять
с землей храм Вознесения Императора.

«Владыка войны», тридцать три
метра брони и убийственной артиллерии,
апофеоз богомашины, начал постыдное
отступление. Все орудия стреляли, когда
он попытлся, уводя «Богоборца» от храма.

--- Можно мне оружие?

Андрей пожал плечами, грязным
лоскутком ткани протирая защитные очки.

--- У меня нет еще одного пистолета,
толстый жрец. Так что извини.

Томаз Магерн покачал головой, когда
Асаван обернулся к нему:

--- У меня тоже нет.

Несколько дев оргена Серебряного
Покрова спустились по широким ступеням
в подземелье. Их вела сама
настоятельница Синдал, благодаря
искусственным мускулам силовой брони с
легкостью неся болтер.

--- Пришло время запечатать

погзетелье, -- тихо протолвила старуха.
Она понимала преимущество отсутствия
паники у беженцев, собравшихся тут. --
Твари уже внутри.

-- Можно мне оружие? -- обратился к
ней Асаван.

-- Ты когда-нибудь стрелял из
болтера?

-- До этого месяца я его даже ни разу
не видел. И тем не менее я бы хотел
получить какое-нибудь оружие, чтобы
защищать мирных людей.

-- Отец, скажу со всем уважением:
это не принесет тебе добра. Все, кто здесь
находится, приготовьтесь: двери
запечатывают через три минуты. Уповайте
на то, что ксеносы не уничтожат
воздухозаборники, которые выходят на
поверхность.

Андрей поднял опаленную бровь:

-- А если они так и поступят?

-- Используй воображение, гвардеец. У
отправляйся побыстрее наверх. Каждый
способный сражаться нужен там.

-- Минуту, пожалуйста. -- Андрей
повернулся к Асавану. -- Толстый жрец,

твоя судьба — пережить все это или, по крайней мере, умереть позже меня.

Он вручил жрецу маленький кожаный мешочек. Асаван взял его, сжав в пальцах, которые еще несколько недель назад грозили бы в такой момент.

— Что это?

— Свадебное кольцо моей матери и письмо. Как только все закончится, если ты все еще будешь дышать, прошу, найди рядовую Наталину Домоска из Девяносто первого Стального элитного. Ты легко узнаешь ее — это я тебе обещаю. Она самая красивая женщина в мире. Все мужчины так говорят.

— Пошли, молодой человек, — встряла настоятельница.

Андрей коротко и резко отсалютовал пухлomu жрецу и стал подниматься по ступеням, обеими руками сжимая лазерный пистолет. Магерн последовал за ним, бросив последний взгляд на Асавана и беженцев. Томаз помахал им, прежде чем двести в подземелье с лязгом захлопнулись. Асаван этого не увидел, занятый беженцами, которые вскакивали в панике.

Несколько боевых сестер остались у лестницы, вводя коды, запечатывающие двери. Настоятельница удалилась с Андреем и Магерном. Портовик печально улыбнулся ей, терзаемый мрачными предчувствиями, и старуха улыбнулась в ответ столь же невесело. Храм сотряслся от ударов.

Когда Магерн в следующий раз увидит настоятельницу Сингал из ордена Серебряного Покрова, она будет лежать во внутреннем святилище храма разрубленным на три части трупом.

Это будет менее чем через час, и ее тело станет последним, что он увидит перед тем, как сам погибнет от попавшего в спину болта.

«Баньши» добрался до магистрали Хель и только тогда упал.

«Владыка войны» одолел полкилометра прежде, чем пустотные щиты прекратили существование и броня приняла на себя всю мощь орудий «Богоборца». Неважно, сколь толстыми были пластины из кератита и адамантия,

покрывавшие жизненно важные системы титана. Огонь был такой мощи, что после падения щитов жить «Баньши» оставалось считанные минуты.

Возможно, это и несправедливо, что столь благородный образчик богоподобных машин Инвигилаты встретил смерть, будучи жертвенной приманкой, но в архивах Легио и сам «Баньши», и его команда удостоятся высочайших почестей. Механикус соберут обломки титана в последующие недели и за четырнадцать последующих месяцев восстановят до рабочего состояния. Его разрушение в Хельсриче отметят — на броне гиганта, на правой голени, будет выгравирован шестиметровый квадрат, в котором ангел плачет над горящим металлическим скелетом.

Неспособный больше выдерживать шквальный огонь, с вырывавшимся с потолка пламенем, титан с ревом обрушился на спину. Его громадного веса оказалось достаточно, чтобы сломать опоры из рокрита, поддерживавшие магистраль Хель, и «Баньши» вместе со

значительным обширным участком шоссе
обрушился вниз.

«Богоборец» возвышался над проломом
дороги, как бы взирая на тело своей
последней жертвы.

Через четырнадцать секунд после
того, как упокоились разбитые останки
«Владыки войны», по магистрали Хель
пронесся ослепительный поток раскаленной
энергии. Он был похож на только что
рожденную сверхновую, сверкая кольцами
плазмы и окруженный ослепительной
короной света.

Щиты «Богоборца» были
уничтожены при соприкосновении с
пламенем нового солнца. Его броня
разложилась на атомы парой секунд
позднее, как и команда, конструкции
скелета и все свидетельства его
существования.

Юризиан выдохнул через стиснутые
зубы, чувствуя дикий гнев духа машины,
которую использовали без благословения и
пробудили без должных ритуалов. Когда
острейшая боль в голове уменьшилась до
терпимого уровня, он открыл вокс-канал и

прошентал Тримальдү всего гва слова.

Они оказались исполнены боли и значительности --- символ исполненного долга и последнее прощание.

--- Гаргант үбит, --- выдавил магистр күзни.

--- «Богоборец» мертв, --- сообщил Тримальд по воксү всем, кто мог случайно это услышать.

Новость не принесла ему ни облегчения, ни даже радости за Юризиана. Сейчас существовало только следующее мгновение битвы. Шаг за шагом реклюзиарха и последних из братьев оттесняли вглубь базилики, зал за залом, коридор за коридором.

Воздух наполнился стердящим дыханием орков, запахом их гнилой крови и резким пережженным озоном от лазерного огня.

Стены храма сотрясались, так как танки ксеносов продолжали обстреливать здание, несмотря на то что их сородичи уже сражались внутри него.

Вот с криком упала молодая девушка

в боевой броне ордена Серебряного Покрова. Оба меча Артариона отключились из-за застрявшего в них мяса, и тогда он, используя их как покрытые зубьями глубины, отомстил убийце девушки. Но затем на рыцаря накинүлись четыре твари, занявшие место своего мертвого товарища.

Внезапно шум боя перекрыл разъяренный крик:

— Убить их всех! Чтобы ни один не выжил! Никогда еще инопланетные твари не оскверняли это святое место!

Гримальд схватил за глотку ближайшего орка и боднул его шлемом так, что у твари раскололась лицевая часть черепа. Голос принадлежал настоятельнице, и реклюзиарх понял, где находится.

Нас оттеснили к внутреннему святилищу. Крик Сингал поставил нас перед самым неутешительным фактом.

Мы разгромлены. Никто в этом зале не переживет ближайших минут. Все уже почувствовали это, и я вижу некоторых,

кто пытается бежать отсюда, ищет пути отступления вместо того, чтобы умереть на последнем рубеже. Ополченцы. Горожане. Гвардейцы. Даже несколько штурмовиков.

Все еще держа орка за горло, я тащу брыкающуюся тварь за собой, забираясь на алтарь. Орк сопротивляется, но его череп раскроен, а чувства дезориентированы.

Мой плазменный пистолет давно пропал, но цепь от него осталась. Я оборачиваю ее вокруг горла твари и рычу в разукрашенный потолок, поднимая ксеносов так, чтобы его видели все в этом зале:

--- Соберитесь с духом, братья! Сражайтесь во имя Императора!

Тварь корчится, издыхая, когти метательно царапают мою броню. Я усиливаю хватку, чувствуя, как шейные позвонки орка ломаются. Его свинячьи глазки распахнуты от ужаса, и это... это заставляет меня растаять.

--- Я уже вырыл себе здесь могилу...

Заряд взрывается на моем плече, осколки брони разлетаются в разные стороны. Я вижу, как Приам убивает

стрелка Черным мечом, держа оружие
одной рукой.

— Я уже вырыл себе здесь могилу, и я
либо достигну триумфа, либо погибну!

Пять рыцарей еще живы, и они
кричат то же, что и я.

— Без пощады! Без сожалений! Без
страха!

Стены грожат так, словно их пинает
титан. На мгновение, все еще смеясь, я
думаю, уж не воскрес ли это «Богоборец».

— До конца, братья!

— Они сейчас обрушат храм! —
кричит Приам.

Но что-то не то с его голосом. Я
понимаю, что именно, когда вижу, что у
брата нет одной руки, а броня на ноге
пробита в нескольких местах.

Никогда я еще не слышал в его голосе
такой боли.

— Неро! — кричит он. — Неровар!

Твари примитивны, но не лишены
сообразительности. Белые метки Неро
выдают в нем апотекария, и ксеносы
знают его ценность. Приам увидел его
первым — их разделяет два десятка

метров. Унопланетное копьё с огромной силой бьёт рыцаря в живот, и несколько тварей поднимают Храмовника над землей, словно боевое знамя.

Никогда ещё я не видел смерти, которая достаётся сейчас Неровару. Пытаясь прорубить к нему путь, я вижу, как он хватается за копьё руками и только глубже вгоняет его в себя, стремясь дотянуться до ксеносов внизу.

У него нет ни болтера, ни цепного меча. Последнее, что он делает, — вытаскивает гладиус из ножен на бедре и из всех сил швыряет его в орка, крепче всех держащего копьё. Он даже подтащил себя на копьё ближе к врагам, чтобы удостовериться, что не промахнется. Короткий меч вонзается прямо в вонючую пасть твари, даруя ксеносу мучительную смерть — задохнуться из-за клинка, пронзившего язык, глотку и легкие. Тварь не может больше удерживать копьё, оружие падает на землю, и Неровар погружается в кишачью массу зеленокожих.

Больше я никогда его не увижу.

Однорукый, израненный Приам
ковыляет передо мной. Разрывной заряд
попадает в его шлем, разворачивая рыцаря.
Теперь он стоит лицом ко мне.

--- Гримальд, --- хрипит он прежде, чем
упасть на колени. --- Брат...

Сбоку вдруг вспыхивает пламя ---
жидкий хитический огонь, облизывающий
броню, пожирающий мягкие сочленения и
разлагающий плоть. Орк с огнеметом
бешено поливает Приама огнем.

Я мучительно медленно пробиваюсь к
нему, чтобы отомстить, когда из груди
орка вырывается клинок Артариона. Брат
ногой сбрасывает труп орка со сломанного
ценного меча. Отомстив, мой знаменосец
отворачивается настолько величественно,
насколько это возможно в такой бойне, и
теперь мы стоим спина к спине.

--- Прощай, брат. --- Он смеется,
произнося эти слова, и я не знаю почему, но
тоже смеюсь вместе с ним.

Внезапно потолок храма начинает
осыпаться, сокрушая сражающихся. Орки
утирают с нами, пламя за каждую
человеческую жизнь пятаю своими, а их

сородичи разрушают храм.

Недалеко от алтаря я в последний раз вижу штурмовика и бригадира докеров. Солдат стоит над умирающим рабочим. Андрей огнем прикрывает раненного в живот Магерна, в то время как докер пытается понять, что ему делать с внутренностями, которые вывалились на колени и пол.

--- Артарион, --- зову я, но не получаю ответа. Позади меня уже не мой брат.

Оборачиваюсь, стеясь безумию передо мной. Артарион мертв, лежит у моих ног, обезглавленный. Враги повергают меня на колени, но все это лишь дурная шутка. Они обречены, как и я.

Я все еще стеюсь, когда храм наконец обрушивается.

Эпиклог

Непел

Они называют это Сезоном Огня.

Непельные Пустоши задыхаются от пыли и золы, вырывающихся из ревущих вулканов. По всей планете пикты показывают одно и то же, снова и снова. Наши корабли на орбите смотрят, как Армагеддон дышит огнем, и возвращают изображения на планету, чтобы и мы увидели гнев тира во всей его полноте.

Сражения на планете прекратились, но не из-за победы или поражения, а потому, что с самим Армагеддоном спорить бесполезно. Пустыни потемнели от непла. Через несколько дней ни человек, ни ксенос не смогут здесь дышать. Их легкие наполнятся неплот и тлеющим углем, военные машины засорятся и не сдвинутся с места.

Война пока что прекратилась. Но не закончилась. Это не история о триумфе и победе.

Твари ошеломлены и ползут в города, которые захватили, чтобы укрыться от гнева природы. Имперские войска перегруппировываются на еще удерживаемых территориях и выбивают захватчиков с тех позиций, где зеленокожие не смогли достаточно хорошо укрепиться.

Хельсрич — одно из таких мест. Это некрополь, в котором сто моих братьев лежат мертвые вместе с сотнями тысяч верных Императору душ...

Город-склеп, большую часть которого почти сравняли с землей за два месяца уличных боев.

Имперские стратеги называют это победой.

Я никогда не смогу снова понять людей — я перестал быть человеком, когда вступил в ряды Черных Храмовников. Понимание смертных чуждо мне с тех пор, как я принес первые клятвы Дорну.

Но я позволю людям этого удушливого мира торжествовать. Я позволю выжившим в Хельсриче радоваться и праздновать затянувшееся поражение.

которое маскируется под победу.

И по их просьбе я вернусь на поверхность еще раз.

У меня есть кое-что, принадлежащее им.

Они радуются и выстраиваются вдоль магистрали Хель, словно ждут парада. Несколько сотен горожан и столько же не несущих сейчас службу гвардейцев. Они толпятся, со всех сторон обступив «Серого воина».

Слуховые рецепторы моего шлема фильтруют шум их ликования, уменьшая его до минимально раздражающего уровня, как и в тех случаях, когда пространство вокруг меня подвергается артиллерийскому обстрелу.

Я пытаюсь не смотреть на них, на покрасневшие лица и сияющие радостью глаза. Для них война окончена. Они не заботятся о пиктах с орбиты, которые показывают, как целые орочьи армии оканчиваются в других ульях. Для людей в Хельсриче война окончена. Они живы — значит, они победили.

Трудно не восхищаться такой простотой. Блажен разум, слишком малый для сомнений. А по правде говоря, я никогда не видел, чтобы город так яростно сопротивлялся захватчикам. Эти люди заслужили жизнь.

Часть города, расположенная недалеко от порта, осталась относительно целой. Она почти все время оставалась под контролем имперских сил. Я понимаю, что Саррен и его 101-й легион сражались здесь до последнего.

Несколько из них стоят рядом с «Серым воином». Все они в охристой форме Стального легиона. Один знакомый мне человек зовет меня.

Я иду к нему, и толпа раздражается еще большей радостью. Я схожу с места впервые за час.

Час я выслушивал нудные речи, которые ближайшая вокс-башня транслировала по всему кварталу.

— Гримальд, реклюзиарх Черных Храмовников, — гремит голос по воксу.

Ликование усиливается, когда я приближаюсь. Воин, что кивнул мне,

встречает меня тихим приветствием.

Это майор, точнее, полковник Райкин. Шрамы от ожогов пересекают уцелевшую кожу, но больше половины его лица, да и черепа тоже, — металлическая аугментика. Он осеняет себя знаком аквилы, и только одна из рук его собственная. Вторая — бионическая, скелет, все еще не облаченный в синтетическую кожу.

Я возвращаю приветствие. Речь по воксу, говорящий — из штаба генерала Курова, которого я прежде никогда не встречал, — разливается соловьем о моем героизме и доблести Стального легиона. Когда мое имя выкрикивается тысячами людей, я поднимаю кулак, чтобы поприветствовать их.

И все это время я думаю, что здесь погибли мои братья.

Погибли за них.

— Квинт-адъютант Тиро выжила? — спрашиваю я.

Он кивает, пытаясь улыбнуться искалеченным лицом:

— Кирия выжила.

Хорошо. Я рад и за него, и за нее.

--- Привет, сэр, --- произносит один из легионеров.

Я смотрю за плечо Райкина, на человека, стоящего чуть дальше в строю. Целеуказатель останавливается на устехающемся молодом лице. На нем нет шрамов, но видны морщинки в уголках глаз.

Вот как. Значит, он тоже уцелел.

Впрочем, это меня не удивляет. Некоторые люди рождаются с удачей в крови.

Я киваю, и он выходит вперед, похоже, что не меньше моего утомленный церемонией. Оратор как раз повествует, как я «обрушился на инопланетных богохульников, когда они остелились осквернить внутреннее святилище храма». Его слова похожи на проповедь. Он стал бы отличным экклезиархом или проповедником в Имперской Гвардии.

Солдат в охристой форме протягивает мне руку. Я иду навстречу его желанию и делаю то же самое.

--- Привет, герой, --- улыбается он мне.

--- Здравствуй, Андрей.

--- Мне нравится твоя броня. Сейчас она намного симпатичнее. Ты перекрасил ее сам или это обязанность рабов?

Я не понимаю, шутит он или нет.

--- Сам.

--- Отлично! Отлично! Возможно, вам теперь стоит мне отдать честь, а? --- Он стучит по эполетам, где красуются капитанские нашивки, новенькие и сияющие серебром.

--- Я не обязан отдавать честь капитану, --- отвечаю я ему. --- Но все равно поздравляю.

--- Да, я знаю, знаю. Но я должен искренне поблагодарить тебя за то, что ты сдержал слово и рассказал моему капитану о моих подвигах.

--- Клятва есть клятва. --- Я понятия не имею, о чем говорить с этим маленьким человеком. --- Твоя подруга. Твоя любовь. Ты нашел ее?

Я не знаток человеческих эмоций, но вижу, что его улыбка становится хрупкой и притворной.

--- Да, --- говорит он. --- Я ее нашел.

Я вспоминаю: последний раз я видел
штурмовика, когда он стоял над
окровавленным трупом Магерна и втыкал
штык в шею ксеносу — как раз перед тем,
как рухнула базилика.

Я рад, что он выжил. Однако
выразить подобное не так просто, особенно
словами. У него такой проблемы нет.

— Я рад, что ты выжил, — он легко
произносит невысказанное мной. — Я
слышал, ты был тяжело ранен, да?

— Не настолько, чтобы умереть.

Но довольно близко. Я очень устал от
апотекариев на борту «Крестоносца»,
твердивших, что это чудо, что я вообще
выбрался из рун.

Он смеется, но в его голосе мало
веселья. Его глаза остекленели с того
момента, как он упомянул, что нашел свою
подругу.

— Ты очень целеустремленный,
реклюзиарх. А вот кое-кто из нас был в
ленивом настроении в тот день. Я думал,
что откапывать нас будут целые толпы.
Признаюсь, даже надеялся на это. У меня
же не было брони Астартес, чтобы

оттолкнуть от себя камни и вернуться в битву прямо на следующий день.

--- Отчеты, которые я слышал, говорят, что, кроме меня, больше никто не выжил после обрушения базилики, --- говорю я ему.

Он смеется:

--- Да, чудесная история получилась, разве нет? Последний черный рыцарь, единственный выживший в сатом грандиозном сражении в Хельсриче. Прошу прощения, что выбрался и нарушил твою легенду, реклюзиарх. Обещаю, что я и еще шесть или семь счастливицов будем очень тихими и позволим тебе пожать все лавры.

Он явно шутит. Я понимаю это и придумываю что-нибудь забавное в ответ. Но ничего не получается.

--- Ты вообще не был ранен?

Он пожимает плечами:

--- Голова болела. Потом прошла.

Это вызывает у меня улыбку.

--- Ты видел толстого жреца? --- спрашивает он. --- Ты его знал?

--- Признаться, я не припоминаю

никого с таким именем или описанием.

— Хороший был человек. Тебе бы понравился. Очень храбрый. Он не погиб в битве. Был с гражданами. Но умер спустя две недели из-за проблем с сердцем. Думаю, это нечестно. Выжить, вынести все и умереть в начале новой жизни? Довольно нечестно, мне кажется.

Есть какая-то извращенная поэзия во всем этом.

Я хотел бы как-то ободрить его. Хотел бы сказать, что я восхищен его храбростью и что его мир переживет войну. Я хочу с той легкостью, что была у Артариона, поблагодарить Андрея за то, что он остался с нами, когда многие бежали. В тот момент он оказал нам честь тем, что был рядом, как и погибший портовик, настоятельница и каждый, кто исчез из жизни в ту ночь.

Но я ничего не говорю. Дальнейший разговор прерван людьми, выпевающими такое имя. Как же необычно оно звучит в человеческом исполнении.

Оратор подстегивает толпу, говоря, конечно же, о реликвиях. Люди хотят их

бидеть, вот зачем я здесь. Чтобы показать их.

Я делаю знак сервиторам-инокам выйти вперед. Аугментированные слуги, выращенные апотекариями ордена и улучшенные Юризианом, выносят артефакты храма. Ни у одного из этих бездушных созданий нет имени, только реликвия. Это все, что я могу сделать, чтобы искупить вину столь позорного поражения.

Толпа радуетсЯ еще сильнее, когда три сервитора выдвигаются из хищной тени «Грозового ястреба» и каждый несет по артефакту. Побитые остатки знамени. Обломок каменной колонны, увенчанный потрескавшимся орлом. Священная бронзовая сфера, в которой плещется драгоценная священная вода.

Мой голос, усиленный передатчиком шлема, легко разносится над толпой. Люди затихают, и на магистрали Хель воцаряется тишина. Потому воли мне вспоминается мертвая тишина под горой из трактора и рокрита, когда на всех нас обрушился храм.

«Мы судим об успехе нашей жизни, --- говорю я, --- по количеству уничтоженного нами зла».

Это слова Моргреда, не мои.

И впервые у меня есть на них ответ. Я понял больше. Мой учитель... ты был не прав. Прости, что понадобилось столько времени, чтобы покинуть твою тень и понять это. Прости, что потребовались смерти братьев, чтобы усвоить урок, которому каждый из них пытался меня научить при жизни.

Артарион. Приам. Бастилан. Кагор. Неро.

Простите меня за то, что я живу, когда вы лежите холодные и неподвижные.

Мы судим об успехе нашей жизни по количеству уничтоженного нами зла. Жестокая истина --- ничто, кроме крови, не ждет нас среди звезд. Но Император видит все, что происходит в Его владениях. И поэтому нас судят по свету, который мы несем в самые темные ночи. Мы судим об успехе нашей жизни и по мгновениям, когда приносим свет в самые темные уголки Империи.

Ваш мир научил меня этому. Ваш мир и война, что привела меня сюда.

Вот ваши реликвии. Последние сокровища первых мужчин и женщин, ступивших на эту планету. Это самые ценные сокровища ваших предков, и они ваши по праву наследия и крови.

Они были на грани уничтожения, и я возвращаю их вам. И благодарю не только за честь сражаться вместе с людьми этого города, но и за усвоенные уроки. Братья на орбите спросили меня, почему я вынес эти реликвии из-под рухнувшего храма. Но вам не нужно спрашивать, ибо вы уже знаете ответ. Они ваши, и ни одна инопланетная тварь не лишит людей этого мира наследия, которое вы заслужили.

Я извлек эти реликвии на свет солнца, чтобы почтить и поблагодарить всех вас. И сейчас я стиренно возвращаю их вам.

На этот раз радостные крики раздаются по знаку оратора. Он использует титул, пожалованный мне верховным маршалом Хельбрехтом, когда

я стоял перед статуей Мордrega.

--- Мне сообщили, --- сказал верховный маршал, --- что Яррик и Куров говорили с Экклезиархией. Тебе вручат реликвии, чтобы нести память о Хельсриче в Вечном Крестовом Походе.

--- Когда я вернусь на поверхность Армагеддона, то возвращу эти реликвии людям.

--- Мордрег этого не сделал бы, --- бесстрастно произносит Хельбрехт.

--- Я не Мордрег, --- отвечаю я своему сеньору. --- Люди заслуживают лучшего. Именно за них мы сражались в той войне, за них и за их мир. Ведь не просто ради священной жатвы нечеловеческих жизней?!

И теперь я размышляю, как они поступят с реликвиями, в то время как толпа скандирует мой новый титул.

--- Герой Хельсрича! --- кричат они.
Но разве герой лишь один?

КАРТЫ

УЛЕЙ ХЕЛЬСРИЧ Армагеддон

— обозначения —

1	центральный командный пункт	2	Средний Петров
3	квартал Инжентеров	3	Большая зона
4	квартал Акаде	4	Ручьи
5	квартал Фабри	5	Железные дороги
6	квартал Техники	6	Мост
7	квартал Техники	7	Дорога
8	квартал Техники	8	Сектор Эксплуатации
9	квартал Техники	9	Район Дел